

ОЛЕГ КОЖЕВНИКОВ

БИБЛИЯ ВЫЖИВАЛЬЩИКОВ

ЭПОХА ВЫЖИВАНИЯ
МАРОДЕРСКИЕ ХРОНИКИ
БИТВА В ПУТИ

БФ-коллекция

Олег Кожевников

**Библия выживальщиков: Эпоха
выживания. Мародерские
хроники. Битва в пути**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кожевников О. А.

Библия выживальщиков: Эпоха выживания. Мародерские хроники.
Битва в пути / О. А. Кожевников — «Издательство АСТ»,
2020 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-119408-6

Падение большого метеорита на территорию США в район Национального парка Йеллоустон спровоцировало взрыв древнего, давно потухшего супервулкана. В результате этой катастрофы на Земле наступил эффект «Вулканической зимы». Небольшая группа людей ведёт борьбу за выживание. Выживание... выживание любой ценой – основная задача! А это значит поиск и борьба за остатки ресурсов некогда могучей цивилизации. Правда, добыть их очень непросто – любая нужная мелочь завалена многометровым слоем снега, и охотников на нее хватает. Что может быть хуже вечной зимы со стоградусными морозами? Оказалось, может – это стремительное потепление. Климат Земли начал восстанавливаться после ужасной катастрофы. Началось бурное таяние снега и льда, скопившегося за шесть лет похолодания. Единственный способ выжить – перебраться ближе к тропической зоне, где снег уже растаял. Но это путешествие будет небезопасным, ведь, кроме коварства природы, в пути наших героев подстерегают гораздо более опасные препятствия, например, другие люди, которые тоже очень хотят выжить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119408-6

© Кожевников О. А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Эпоха выживания	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	79
Глава 10	87
Глава 11	97
Глава 12	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Олег Кожевников
Библия выживальщиков: Эпоха
выживания. Мародерские
хроники. Битва в пути

© Олег Кожевников, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Эпоха выживания

Глава 1

Смутное беспокойство терзало мою душу. Что-то было не так! А вот что – чёрт его знает? Всё вроде бы хорошо – жизнь, как говорится, цвела и пахла. Дела шли в гору, средства на безбедную старость имелись, ребёнок был пристроен. Одним словом, кури себе бамбук и балдей, глядя, как другие расшибают голову, пытаюсь достичь того, что имею я. Да разве кто-нибудь мог подумать, что Толька Котлов к сорока пяти годам станет форменным буржуем. Будет иметь целое поместье под Москвой, жену красавицу, дочку, закончившую МГУ, и кроме всего прочего ездить на Мерсе. А ведь всё это замутил обычный парень, без особых талантов. Но, правда, умел этот парень держать нос по ветру, да и воля у него была не хилая, хотя жена моя Маша считала её не более чем ослиным упрямством и всё время пыталась бороться с этим качеством. Таким образом, моя воля постепенно видоизменялась, становясь более увёртливой и изощрённой, но продолжала упрямо вести к намеченной цели.

Так я себя похваливал, в надежде силой мысли о себе, любимом, задавить гнетущее чувство; мол, вон, какой я крутой мужик, и всё-то мне нипочём, но беспокойство не покидало. И тогда, усевшись за компьютерный стол и развалившись на своём любимом кресле, крепко задумался. Начал вспоминать прошедшую жизнь, а именно с того момента, когда дела мои пошли резко в гору. Для лучшего анализа представлял, как будто рассказываю всё это для хорошего товарища, и, естественно, так как это был какой-никакой, а собеседник, попытался для него всё разложить по полочкам, вдруг именно в тех, прошлых делах и таилась та неведомая опасность, которая сейчас так тревожила сердце. Я вернулся мыслями на несколько лет назад. Как-то в мае мы с женой вырвались из душной Москвы в праздники на дачу. Для нас это было событием. Ведь впервые за четыре года приехали туда не работать, а отдохнуть. Наконец-то стройка закончилась, и теперь можно было оторваться по полной программе. Тем более погода была прекрасная, выходные длинные, гуляй – не хочу, не то, что зимой, когда только и приходилось думать, как бы согреться. Конечно, в этом обстоятельстве я был сам виноват – задумка по строительству дома оказалась не совсем удачной. Зимой было холодно, с подачей воды возникали проблемы, уже при минус 15 вода переставала поступать в дом. Из-за своей тупости я заказал строителям пробурить скважину метрах в двадцати от дома, вот, в её колодце вода и замерзала. Электричество часто отключалось из-за аварий на деревенской сети, да и напряжение было очень неустойчивым, так что жить в таком доме круглый год было невозможно. Зато летом отдыхали мы прекрасно – большой участок, целых 25 соток и расположен в красивейшем месте, всего в 30 километрах от Москвы. Вот и в тот день мы приехали на дачу, чтобы качественно отдохнуть.

Помню, к нам тогда зашла соседка, и я пригласил её с нами посидеть, попить пивка. Так и получилось, что мы втроем после бурно проведенного праздника оттягивались пивом на лужайке перед домом. Примерно около двух часов дня мимо проехал джип «Лексус», остановился неподалёку, из него вышли мужчина с женщиной и стали бродить вдоль дороги, осматривая дома и близлежащие окрестности. Потом подошли к нашим воротам и начали расспрашивать о поселке. Я пригласил их на участок, жена и соседка сразу принялись расписывать, какая здесь замечательная природа, свежий воздух и уникальная по своим качествам вода, какие люди вокруг живут прекрасные, одним словом – все хорошо, только жалко, что подобных мест в Подмосковье практически не осталось. Незнакомцы, выслушав всё это, поинтересовались – не продает ли кто дом с большим участком?

Тут я, сдуру, под воздействием изрядного количества выпитого пива и желания покрасоваться перед соседкой, заявил:

– Продам, но не меньше, чем за миллион, – потом, немного помолчав, добавил, – миллион евро...

Жена и соседка развеселились, а я, наоборот, тупо насупился.

Приезжих совершенно не смутила названная сумма, они немного помолчали, наконец, мужчина произнёс:

– Это дороговато, но мы будем думать...

Осмотрев участок, дом и засняв всё на цифровую камеру, они записали мой номер телефона и уехали. А мы, довольные, что так ловко отшили незнакомцев, активно продолжили потребление пенного напитка.

Дня через три раздался звонок по сотовому. Мужской голос, представившись недавно побывавшим у нас на даче покупателем, сказал, что подумал и согласен купить землю и дом за 700 тысяч евро. Эти слова были как снег на голову в июле. Я обалдел, узнав о таких намерениях олигарха. Но не зря же один из классиков коммунистической идеологии говорил, что любой капиталист за 200 процентов прибыли готов на все, а я и был, считай, теперь такой капиталист, и дача обошлась мне, максимум, в 150 тысяч долларов, правда, не считая собственного труда. Одним словом, я был готов на всё, чтобы получить баснословный навар.

Однако сразу не сдался, выторговал оформление за счет клиента, освобождение дома через 10 дней после продажи и получения денег, а гаража и вовсе – к осени. А в это самое время в голове у меня уже струился бриллиантовый дым; мелькали мысли, что наконец смогу купить дочке квартиру – она постоянно ныла, что ей надо устраивать личную жизнь. Мы с женой теперь сможем съездить отдохнуть в южные страны, я куплю хороший джип, снегоход и отличное ружьё – эх, давние мои мечты... На эти деньги я построю еще лучшую дачу, все минусы прошлого дома смогу учесть, тем более, силы пока еще есть, да и опыта поднабрался. В общем, сторговались мы с этим олигархом, и, как говорится, процесс пошел.

Через десять дней был оформлен договор купли-продажи и деньги поступили на счет. В течение следующей недели я освободил дом, перенес все вещи и стройматериалы в гараж, забив его под завязку, так что пустого пространства в нём практически не осталось.

До осени нужно было освободить и гараж. Возникал вопрос, где поместить такое количество вещей? Выбросить их было выше моих сил. Тут мне вспомнилась реклама о продаже земли недалеко от города Пущино, правда, на территории Тульской области, в 125 километрах от Москвы. Цена была не большая, к тому же Симферопольское шоссе мне очень подходило, оно практически примыкало к району, где я жил. Позвонил в фирму, которая была собственником этой земли, а также занималась строительством поселка на ней и прокладкой всех коммуникаций. Работники фирмы были согласны продать землю без договора подряда на строительство дома.

Мы с женой съездили туда, посмотрели, места нам понравились – вокруг леса, рядом озерцо, небольшая речка у деревни, находящейся в трех километрах от недостроенного коттеджного поселка. Поселок стоял на холме, с двух сторон к нему примыкал большой лесной массив. До ближайшего города Пущино было 10 километров, до Ясногорска 15. Подъезд от трассы был хороший, я потратил на дорогу час двадцать. На месте будущего поселка уже возводилось несколько домов, стояло много строительной техники. Связь тоже была хорошая, устойчивая, для меня это обстоятельство было очень важным, ведь вся моя работа на бирже шла через интернет.

Итак, все сходилось в одном – нужно покупать здесь землю; и времени для вывоза вещей из гаража уже нет, и большие деньги есть. Совсем не критично сейчас для меня вложить в землю 30 тысяч евро, тем более что в эту сумму входила и подводка коммуникаций. К тому же было большое желание иметь тёплый большой дом, где можно жить постоянно, подальше

от Московских пробок, тяжелого воздуха, хлорированной воды и неимоверного количества людей.

Одним словом, я купил эту землю. И сразу возник вопрос, на чем буду вывозить вещи из гаража, ведь нужно было сделать не менее восьми ездов на грузовике; второй вопрос, куда на этой земле буду всё это складировать, чтобы не растащили. Поразмыслив, решил купить грузовую «Газель», тем более, когда у меня был магазинчик, я на этих грузовичках наездил не одну тысячу километров. По любому, «Газель» себя окупит в процессе строительства, при подвозе материалов. По прошлой стройке я знал, насколько дороги наемные машины, и представлял, какое громадное количество грузов придется перевозить.

Покупка земли и грузовичка, а также их оформление заняло, в общей сложности, 10 дней. И вот, к 1 июня я стал обладателем 30 соток земли и автомобиля «Газель» (бортового, с удлиненным четырехметровым кузовом и двигателем 105 лошадок).

Теперь оставалось найти бригаду строителей, обеспечить им проживание и соорудить какое-нибудь закрытое помещение для хранения вывозимых вещей. По прошлой стройке у меня остались связи и с шабашниками из Белоруссии, и со складами строительных материалов, где по дешёвке я скупал всякий строительный неликвид, были у меня и знакомые военные – прапорщики «барыги».

Не очень долго думая, из Белоруссии вызвал опытного строителя-универсала, надежного и, что самое главное, честного человека, это был Валера. Он с собой взял хорошего каменщика, за которого поручился. Им в помощь для черновой работы я нанял четверых узбеков, которые еле говорили на русском, но чувствовалось, что они трудолюбивы, управляемы и вроде не плохие ребята. Когда я занимался реальным бизнесом, жизнь научила хорошо разбираться в людях, без этого там делать нечего, разорят в течение полугода.

У военных купил списанную, но вполне нормальную большую палатку, кровати, матрасы и остальные принадлежности для ночлега, все это за совершенно небольшие деньги, плюс ящик водки.

Вместе с узбеками установил палатку, потом привез несколько кубов обрезной доски. По дешёвке закупил целую упаковку (100 листов) слегка ржавого железа, а также 100 листов фанеры, тоже под брак, слегка подмоченную. Все это я перечисляю, чтобы было видно мою куркульско-кулацкую натуру, которая не терпит лишних затрат, ненужной работы, бестолковой суеты, ей бы запасов побольше с прицелом на будущее.

Спрашивается, зачем человеку столько листов железа или фанеры? Но тем и отличается мой мозг, что сразу придумывает, куда можно и даже нужно приспособить имеющиеся в наличии материалы, оборудование и механизмы. Тем более когда все куплено в десятки раз меньше рыночной цены. Вот я и решил пустить всё на возведение большого склада, летней кухни для строителей, а также утепления палатки. Кстати, приобрёл я и 120 листов пенопласта, правда, уже не по бросовым ценам, а всего-то, раза в два дешевле рыночных.

Когда строители закончили со складом, он получился огромным, 8 на 12 метров. Снаружи этот сарай-склад оббили железными листами, и получился он даже двухэтажным, с воротами на каждой торцевой стороне.

Пока мои ребята мастерили сарай, я переговорил с экскаваторщиком, и он вырыл большой котлован под подвал дома, траншеи для подводки коммуникаций и под фундамент будущего гаража. Строительная техника находилась совсем рядом – на строительстве домов в поселке. Насчет техники я договаривался частным образом, ведь участок был выкуплен без договора подряда, только с подводом всех коммуникаций к участку.

Проектировать и строить дом решил сам, ведь это был дом моей мечты. Я не нашел ни одного проекта, соответствующего моим идеям об автономности и удобстве круглогодичного проживания при минимальных затратах энергии на отопление. По этой причине котлован под подвальное помещение дома заказал специфический. Во-первых, достаточно большой, так как

хотел строить дом жилой площадью не меньше 300 квадратных метров; во-вторых, с устройством въезда туда тяжелой техники для бурения скважины, которую хотел сделать прямо в подвале, чтобы не зависеть от внешних погодных условий и не тянуть лишних подземных коммуникаций. Хотя по условиям договора при покупке земли, фирма должна была подвести к участку воду из общественной скважины, но мне хотелось, на всякий случай, быть независимым от внешних поставщиков.

Основной моей мечтой и целью было сделать этот дом теплым, чтобы можно было жить там постоянно. В Москве уже меня раздражало всё – народ, пробки, любая поездка становилась целым событием. Благо нашел дело, которое не требовало постоянного присутствия в городе. Тем и хороша работа независимого трейдера, что можно заглядывать в монитор компьютера раза три в неделю, отслеживая тренд и изредка заключая сделки. Только ухо нужно держать востро, иначе в один миг разоришься. Так как я уже имел кое-какой опыт, то в последнее время ощущал некую напряженность, как в макроэкономике, так и на бирже. Чувствовал, как надувается пузырь с ценами на нефть, опасался большого обвала, поэтому начал сбрасывать ценные бумаги, распродавать все свои акции (на биржевом сленге «уходить в кэш»). По этой же причине не стал вкладывать полученные за продажу старой дачи деньги в рынок акций, а положил на валютный депозит в банк, оставив на строительство и прочие расходы 100 тысяч евро.

Размеры дома и подвала вывел, исходя из размеров плит перекрытий 6 на 1,2 метра, то есть два ряда по 12 плит. Размер гаража определился также размером плит и тем, что было две машины («Газель» и постоянная, ездая).

Любимый мой Мерседес Вито-109, дизельный фургон, был довольно неповоротливой, но зато надежной и неприхотливой машиной. Я вообще любил большие и вместительные автомобили. Массой 2,3 тонны, он мог перевозить до 1 тонны груза. После покупки я его немного переделал – поставил три пассажирских кресла, боковое и заднее стекла, установил хорошую аудиосистему с некоторыми прибамбасами, произвел дорогой и качественный тюнинг салона, в общем, получилась весьма эффектная конфетка с громадным внутренним багажником.

Едешь в этом бывшем фургоне как какой-нибудь крутой босс – сидишь высоко, видишь далеко. Другие машины сильно близко боятся приближаться, а что – чёрный «Мерс» с затемнёнными стеклами, сами понимаете...

Ну вот, повылезали, так сказать, амбиции. Хотя мне чужды представления о жизни, когда людей оценивают не по делам, а по подобранному антуражу – автомобилям, одежде и прочей ерунде. У иного и за душой-то ничего, пользуется чужими усилиями и трудом, а такая непомерная значимость вылезает. Может, именно из-за этой ущербной психологии, что живём один раз и надо взять от жизни все любыми путями, и происходит полная дезорганизация общества. Каждый пытается выжить за счет других, только, если действительно произойдёт что-нибудь серьёзное, не выживет никто. Уж больно все хитрожопые стали и совершенно разучились работать руками, скоро и собственную задницу им кто-то другой будет подтирать.

Итак, о стройке. От строительства предыдущей дачи у меня осталось много вещей – практически полный набор необходимых инструментов, оборудования и механизмов, на их перечень не хватило бы и нескольких страниц. Инструменты я любил и никогда не экономил средства на их приобретение. При этом, как правило, выбирал профессиональный инструмент известных фирм.

Закончив со складом, ребята строители начали заливать бетоном фундамент гаража. В это время приехали бурильщики и стали пробивать скважину. Хороший водяной пласт оказался на глубине 86 метров. В процессе строительства я почти каждый день ездил на дачу, нередко и ночевал там. Работу на бирже почти забросил, как вывел деньги в «кэш», так больше и не заключал никаких сделок по покупке акций, даже перестал отслеживать торги. Однако это моё бездействие неожиданно-негаданно обернулось почти гениальным ходом – именно так осе-

нию сказали все знакомые трейдеры, ведь начался финансовый кризис. В течение двух месяцев индекс биржи рухнул более чем в два раза. Получилось так, что я еще и заработал на покупке земли и других затратах по строительству. Убытки, которые мог бы получить, не выведя деньги из оборота, превысили бы мои значительные затраты на все покупки и ведение строительства. А в процессе нарастания кризиса и падения индексов бирж к ноябрю был уже возведён первый этаж гаража, сооружен практически полностью подвал дома и даже закрыт плитами перекрытия.

После долгих размышлений я задумал над гаражом сделать жилое помещение, в котором смогут жить строители в холодное время. После того как сделали крышу над гаражом, используя целиком для стропил шестиметровый брус, получилась высокая, с крутыми скатами крыша, под которой разместились две прекрасные комнаты. Вход на второй этаж сделали сбоку, рядом с малыми воротами, он получился похожим на башню, внутри которой была винтовая лестница на второй этаж, вход в башню являлся и входом в гараж. В общем, получилось все очень красиво и оригинально, издали ни за что не поймешь, что это гараж, а не добротный жилой дом, с лёгкой крышей из андулина зеленого цвета и красными кирпичными стенами.

Стены подвала, помня о первом моём, не очень теплом доме, который зимой трудно было обогреть, я задумал сделать в виде сэндвича. Полезная площадь каждого из двух помещений подвала была по 92 квадратных метра. Правда, в первом, как я его называл, техническом, большую площадь занимала лестница (ее сделали из двух стандартных лестничных пролетов для многоэтажных домов) и примыкавшая к ней шахта для электрического подъемника. Естественно, туда я поставил не настоящий лифт, а всего лишь стандартный строительный подъёмник, грузоподъемностью 100 килограммов, купленный в одном строительном управлении, там же приобрёл и лестничные пролеты. Много места занимал печной фундамент и вентканал, встроенный в него. Два квадратных метра было отдано под систему подачи воды: скважину, накопительный бак и другое оборудование. В этом же зале строители сделали и небольшую сауну.

Таким образом, в этом отделении подвала свободной площади оставалось не более 60 метров, что, согласитесь, тоже не плохо. Здесь я планировал поставить бильярдный стол, а в соседнем помещении хотел сделать спортивный зал и установить несколько тренажеров, а также использовать его как тир.

Пострелять я любил, в обществе охотников состоял уже более 20 лет, однако на охоту ходил редко, последний раз лет пять назад. Но за ружьями следил, у меня их было два – гладкоствольная «Сайга 12С» – 12-го калибра с откидным прикладом и нарезной карабин «Медведь 3» самозарядный, на 4 патрона калибра 7,62 с оптическим прицелом. Из них я ежегодно палил на даче по мишеням. К тому же обладание оружием прибавляло уверенности в себе в наше беспокойное время. В подвале я собирался устраивать стрельбу вовсе не из ружей, а из обычной пневматической винтовки.

К 20 ноября предварительный строительный сезон был закончен. Строители с удовольствием пообещали приехать в следующем году и продолжить работу. Валера с Сергеем после небольшого отпуска решили вернуться на работу по окончательной отделке внутренних жилых помещений в гараже, на втором этаже. И наконец, на участок подвели электричество, правда, питание брали от трансформатора, находящегося в деревне, расположенной неподалёку. С собственным трансформатором у фирмы что-то не получалось, наверное помешал наступивший финансовый кризис.

Узбеки тоже не все уехали домой. Один из них, его звали Рустам, остался в Подмоскowie, устроившись работать на базу «Чермета», недалеко от города Климовска, приемщиком металлолома. Я побывал у него на этой металлбазе и был весьма впечатлён и большой территорией, и нескончаемыми горами металлолома. Узбеков работало там не меньше сорока человек, проживали они прямо на территории базы в пассажирских железнодорожных вагонах. Походив по

этой громадной территории и осмотрев несколько куч металлолома, я сказал своему бывшему работнику:

– Рустам, откладывая хорошие металлоизделия – уголки, швеллера, трубы и прочие интересные для стройки материалы. Как наберёшь достаточное количество, звони, я буду вывозить. Оплата по принятой у вас таксе.

Пока я занимался строительством дачи, финансовый кризис нарастал. И к Новому году индекс ММВБ опустился практически до 500 пунктов, что составляло падение более чем в три раза от его максимума, когда я начал продавать акции и уходить в кэш. Магия круглых чисел начала действовать на меня, я был больше чем уверен, что ниже рынок не упадет и что пора начинать скупать акции. Перед самым Новым годом всё-таки не выдержал и принялся покупать ценные бумаги некоторых эмитентов. Но 300 тысяч евро я оставил на покупку квартиры для дочери и продолжение строительства дачи и не сомневался, что этого вполне хватит. Тем более что стройматериалы и недвижимость стремительно дешевели.

Мою дочку зовут Вика. На тот момент времени ей было 19 лет, и она училась в МГУ. Вика – страшно упрямый и независимый человек, очень увлекалась музыкой и прекрасно играла на гитаре. Имелась у дочки и навязчивая идея, что формы у неё должны быть идеальными 90–60–90, а вес не более 53 килограммов, и это при росте 176 сантиметров. В её борьбе за достижение идеальных параметров страдали и мы, родители. Своими диетами она всех измучила, постоянно кадая на мозг, что мы едим не те продукты и не ограничиваем себя в питании. Мамку (мою жену Марию) просто терроризировала, заставляя придерживаться диет и заниматься зарядкой, как будто из неё хотела сделать телезвезду, и это из домохозяйки, которая ни дня не работала по своей специальности (агроном). В этом, конечно, была моя заслуга, это я очаровал студентку пятого курса Тимирязевской академии, да так, что она быстро вышла за меня замуж, а диплом писала уже будучи беременной. Ну а потом появилась Вика, и стало уже совсем не до работы по той самой специальности.

Моя жена Маша – добрый и душевный человек, с обостренным чувством справедливости, она себя очень неуютно и потерянно чувствовала в нашей действительности, поэтому стремилась к самоизоляции и сведению к минимуму всех отношений с внешним миром. Ей нужен был только наш маленький мирок, где её знали и любили, в этот мирок были ещё допущены некоторые близкие родственники. Жена младше меня на четыре года, по призванию она домохозяйка и Мамочка. Больше всех расстраивалась при продаже старой дачи как раз Маша, у неё там были насаждения различных лекарственных трав, и все это в виде живописных лужаек, в окружении полудиких кустарников и плодовых деревьев. На участке произрастали даже лесные грибы.

После продажи дачи и получения денег мои девчонки меня просто изводили тем, что нужно покупать квартиру Вике, что до учебы она добиралась больше чем полтора часа, в переполненном народом транспорте, что, наконец, ей надо устраивать личную жизнь, а постоянно жить с нами она не может. Я прекрасно все это осознавал и поэтому сам, не дожидаясь дальнейшего падения цен на недвижимость, купил Вике однокомнатную квартиру на Мичуринском проспекте.

Между тем Рустам, работающий на сортировке металлолома, про меня не забывал, уже два раза приходилось вывозить набранные им металлоизделия. Валера с Сергеем находились тоже тут, под боком, они как раз заканчивали отделку жилых помещений над гаражом.

С февраля ребята приступили к ремонту Викиной квартиры, все, кроме Рустама, которого я, можно сказать, специально не вызывал – меня вполне устраивало, что он исправно трудился на металлбазе и подбирал нужные мне железки. Где то после 8 марта он позвонил и пригласил приехать – привезли какие-то интересные металлоконструкции. Я отправился посмотреть, это оказались корпусные части от списанного башенного крана. Но сначала они меня особо не заинтересовали, и я стал бродить по территории базы, высматривая ещё какие-

нибудь полезные железки. Дойдя до кучи, где складировались изделия из разных сплавов и цветных металлов, стал рассматривать пропеллер от самолета, почему-то он меня очень тогда заинтересовал. И тут у меня в голове что-то щелкнуло, я представил себе колонну, собранную из звеньев башенного крана, наверху этот пропеллер, соединенный с генератором, и все это вырабатывает дармовую электроэнергию.

Наверное, сработало подсознание, ведь я всегда был озабочен дороговизной и проблемами с подачей электричества с деревенского трансформатора. К авариям на деревенской линии, происходящим с завидным постоянством, добавлялись скачки напряжения и несоблюдение частотной характеристики подачи тока. К такой линии страшно было подключать сложные и нежные электронные приборы, например компьютер, а от его бесперебойной работы зависела вся моя деятельность на бирже. Бесперебойная связь и мгновенное получение нужной информации – это мой хлеб, я за счет этого жил, и вроде бы неплохо.

Итак, найдя Рустама, я ему заявил:

– Передай вашему боссу, что брать буду четыре сегмента крана и самолетный пропеллер. И ещё, дорогой мой! Поищи вал, которым этот пропеллер был соединен с двигателем самолета.

Потом я направился на дачу за «Газелью», заодно узнать, работает ли сейчас там кран.

Приехав в наш посёлок, увидел, что кран работает (кран был марки «КАТО»). Поговорив с крановщиком, выяснил, что он сможет поднять мой груз на высоту до 30 метров, также договорился о выгрузке привозимых сегментов. С крановщиком у меня вообще были очень хорошие отношения, я его постоянно подкармливал левым заработком – это он разгружал и укладывал тяжёлые плиты перекрытия на гараж и подвал.

С прорабом стройки у меня были тоже очень неплохие отношения, ему также что-то перепало от использования мною экскаватора и крана. И вообще, он часто приходил ко мне, когда я оставался на ночь на даче, пропустить стаканчик другой, ну, и пообщаться, естественно. Все-таки я тоже бывший строитель, и говорили мы с ним на одном языке, пусть иногда и нецензурном.

В течение пяти дней я вывез на дачу все четыре сегмента крана, а также пропеллер и валы (Рустам откопал целых два вала с редукторами, они были по одному метру длиной).

После эпопеи с вывозом деталей для будущего ветряка я заехал к знакомому военному барыге – старшему прапорщику Михалычу. Он был кладовщиком на весьма интересных, с моей точки зрения, военных складах. Чего там только не было, в основном, конечно, инженерная техника и запчасти к ней. Переговорив с прапором, я за 20 тысяч рублей выкупил дизельный генератор мощностью 30 киловатт, с ЗИПом и кучей расходных материалов, в основном графитовыми щетками. Правда, Михалыч предупредил, что, хотя дизельный генератор практически новый, но сам двигатель сломан и годится только на списание как металлолом.

Сбоку движок был примят, наверное, вояки на него уронили что-то тяжёлое. Но мне было всё равно, в каком виде двигатель, главное – электрогенератор, а он был в отличном состоянии. Но под бракованный движок я вытребовал у Михалыча по пять пар ватных штанов, валенок и теплых варежек. Расстались мы довольные друг другом – он, что втюрил мне списанный агрегат, а я, что получил основной элемент для будущей электростанции.

Я, конечно, понимал, что самостоятельная постройка, без проектирования специалистами, это верх самонадеянности и глупости, и всё дело может закончиться пшиком, полным провалом. Но, как говорится, у богатых свои причуды, а я сейчас чувствовал себя весьма богатым человеком. Что мне, выбросить на ветер лишние деньги, какие-то 200–300 тысяч рублей. На бирже начался хороший рост, и мой счет ежедневно увеличивался на 100 тысяч рублей.

Несмотря на это, моя жена продолжала крохоборничать, обегая ежедневно несколько магазинов, чтобы сэкономить десять рублей и постоянно попрекая меня и дочь о потраченной лишней копейке.

Мои призывы перестать заниматься этой мелочной экономией полностью игнорировались.

Правда, я и сам был жадноват, прижимист, но никогда не экономил на хороших инструментах, механизмах и материалах, а когда мной овладевала какая-нибудь идея, я пёр как танк, невзирая на обстоятельства и финансовые затраты. Подобная идея овладела мной и в то время – построить тёплый зимний дом, полностью автономный от внешних обстоятельств по снабжению жилища энергией и водой.

Глава 2

Посёлок наш располагался на высоком месте; широкая лента полей с двух сторон ограничивалась лесными массивами, дальше, в низине, километрах в десяти от него, текла река Ока. То есть местность представляла собой как бы большую аэротрубу, ветер в которой практически постоянно дул в сторону реки.

Это обстоятельство и являлось одной из основных причин возникновения у меня мысли о ветряке. Кроме того, мои предки – уральские казаки, генетически передали мне стремление всегда быть независимым от внешних условий, а потому я очень быстро соображал, как можно возникшие обстоятельства и подручные материалы использовать в нужном мне направлении и получить от этого максимальный эффект.

К майским праздникам я перевёз дочку на её новую квартиру, и остались жить мы с женой одни в трёхкомнатной. Но жена весьма часто ездила к Вике, всё опекала её. На бирже дела тоже шли в гору, индекс увеличивался и, хотя я практически один день в неделю занимался работой, получил уже доход в 300 процентов, то есть более 60 миллионов рублей, или 2 миллиона долларов. Ха! Я стал долларовым миллионером, при этом тратил меньше, чем зарабатывал, несмотря на все мои прожекты и затраты.

К 10 июня ребята закончили первый этаж. Я начал заказывать окна, решил ставить дорогие, из тройного стеклопакета, потом стал завозить материалы для крыши и полов, что заняло у меня несколько дней. Всё-таки строительство такого дома требовало колоссального количества материалов. Я подсчитал, что уже только по числу ездов «Газель, себя полностью окупил.

В июне мы с женой переехали на дачу, Валеру с Сергеем я потеснил, отправив на первый этаж в гараж. Так мы и жили с Машей за городом, появляясь в Москве только для того, чтобы навестить Вику, взять деньги и купить продукты. К середине августа закончили второй этаж и приступили к возведению крыши, каменщики в это время начали делать печь. Печку жена хотела большую, с лежанкой, настоящую русскую.

К концу августа наконец-то соорудили на Климовском заводе механическую систему ветряка вместе с платформой, на которой всё и крепилось. Утепленный кожух закрывал генератор, а также трансмиссию и подшипники. Там же располагались и нагревательные тэны для обогрева всего пространства под кожухом. За всю эту систему я отдал больше денег, чем за сам генератор и сегменты башенного крана, но дело стоило того. На заводе изготовили и посадочную платформу, которая намертво крепилась к вышке. Система отопления пространства под кожухом включалась и выключалась посредством термореле, получая энергию от самого генератора.

В общем, оставалось закрепить посадочную платформу к последнему сегменту и краном установить туда сам генератор с пропеллером. Подниматься к генератору для проведения регламентных работ нужно было по лестнице, находящейся внутри сегментов. Кабель от генератора проходил тоже внутри сегментов и по вкопанным в землю железным трубам вводился в дом.

К ноябрю наконец закончили крышу, всё хорошо утеплили. При строительстве крыши мы выкроили место для устройства мансарды, там получились две неплохие комнаты. Попасть в них можно было по винтовой лестнице. Для подъёма на второй этаж поставили стандартные бетонные пролёты, такие же как и в подвале.

Дом смотрелся великолепно, особенно после установки окон. Кирпичные стены, высокая зелёная крыша, балкон с торцевой стены здания. Ветряк мы так пока и не установили, не хватило времени, стремились до больших дождей и наступления холодов закончить крышу. Для ветряка успели только установить стойку-опору, высотой она получилась 17 метров.

Строители разъехались домой недели на две, потом собирались приехать на окончательную доделку дома. Практически все материалы для этого имелись в наличии. Оставалось только докупить вагонку и половую доску для устройства деревянного пола в подвале. Первоначально я хотел там делать полы из керамической плитки, но потом, поглядев на эти прекрасные, теплые, уютные помещения, смотрящиеся так здорово даже в неотделанном виде, подумал: «А почему бы не сделать полы из лиственницы – древесина прекрасная, не боится влажности, не гниёт и ходить по ней, имея в наличии сауну, приятно будет босиком, опять же, хорошая теплоизоляция от бетонного пола, тем более, если положить на него утеплитель». Высокая цена этой элитной древесины сейчас меня нисколько не смущала.

Дождавшись возвращения ребят, мы с женой отбыли, как говорится, на зимние квартиры в Москву. Строители вместо нас заняли теплые помещения на втором этаже гаража, а я, как и раньше, челноком мотался из Москвы на дачу, завозя необходимые материалы и продукты.

В зиму, кстати, проявилась прекрасная теплозащита дома. Несмотря на суровость погоды, температура порой достигала минус 35 градусов, строители пользовались только одной маленькой печкой «Булерьян», ни разу за всю зиму не задействовав большую русскую печь. Правда, в самые сильные холода включали электрический обогреватель.

За десять месяцев, то есть к ноябрю, все работы были завершены, и я принял готовый дом, как говорится, под ключ. Ветряк тоже окончательно установили. Правда, не обошлось без весьма большой переделки. Когда мы только установили ветряк с пропеллером от самолёта, работал он прекрасно, но почему-то выдавал мощность немного больше одного киловатта. Пришлось мне приглашать на шашлычок одного из приятелей, специалиста-энергетика. Внимательно осмотрев сооружение, он долго смеялся над этой нелепой конструкцией. Потом подытожил:

– Ты, Толь, совсем ошизел от свалившегося на тебя бабла. Напоминаешь мне сейчас дореволюционного купца низшего пошиба. Думаешь, пришла мысль, кинул деньги, и всё тип-топ. А нахось, выкуси! Против аэродинамики, брат, не попрёшь! А тут чистая проблема из-за неё – профиль лопастей не тот. Авиационный пропеллер – он тянущий, и ты радуйся, что смог получить хотя бы один киловатт энергии. И что тебя угораздило с такими деньгами поставить самоделку, не понимаю. Коль так приспичило, ставил бы промышленный ветряк, оно вышло бы дешевле, да и смотрелось бы гораздо эстетичнее, чем это вот недоразумение.

Пока мы были ещё трезвые, я вынудил его описать требования к лопастям и дать обещание по дешёвке обеспечить меня несколькими комплектами аккумуляторов для ветряка. Наша экспертиза происходила в субботу, а в понедельник я уже приехал на поклон к товарищу на Климовский завод, где опять выслушал не очень лестные выражения в свой адрес, но всё-таки получил обещания по изготовлению лопастей. Делали эти лопасти там почти три недели. Вся конструкция получилась диаметром 3,8 метра, с лопастями из композиционных материалов. Такой диаметр получился исходя из наличия материалов в этом экспериментальном цеху. После установки лопастей Валера проверил соответствующими приборами мощность и другие параметры работы ветряка. Генератор выдавал при средней силе ветра всю положенную ему мощность. Одним словом, система работала спокойно, без всяких замечаний. А мой счёт в банке уменьшился на несколько десятков тысяч рублей. Зато теперь я не знал, куда девать дармовую электроэнергию. Полностью использовать её можно было только зимой, отапливая электричеством весь дом.

После всех испытаний мы с Машей окончательно переселились в это райское место. Даже на Новый год не уезжали в Москву, а праздновали здесь, на даче, вместе с соседями. Дочка уже окончательно от нас отделилась, в начале декабря она вышла замуж. Вика встречалась с Александром почти что год, и вот наконец они поженились. Саше было 26 лет, он военный, служил где-то в специальных частях. Правда мне не признавался, где, но, судя по его физической форме, ловкости и постоянным командировкам на Кавказ, где-то в спецназе ГРУ в звани-

нии капитана. Парень он видный, высокий, где-то под метр восемьдесят пять, да и характером весел и незлобив, в общем, мне понравился, а жена, так вообще, души в нём не чаяла.

Они поселились в квартире у Вики на Мичуринском проспекте. Саша до этого проживал в офицерском общежитии, в отдельной комнате, но постоянно обещал:

– Не волнуйтесь! Скоро мне выделят двухкомнатную квартиру. Я же теперь «женатик». Я над ним немного подшучивал:

– Ты наконец-то породнился с настоящим долларовым миллионером, только заработал я эти деньги не должностью, сидя на газовой трубе, а исключительно за счёт напряжённой работы собственных мозгов. Так что, ты должен вести себя в нашем присутствии подобострастно, выполняя все капризы и пожелания.

На что я сразу получал не менее язвительный ответ:

– Если бы не такие солдаты, как я, тебе, батя, никогда не стать миллионером, в лучшем случае, пришлось бы работать дворником на какого-нибудь заграничного дядю. И вообще, у нас с Викой пожелания и, как ты там сказал, капризы, общие – сделать много детей, а в этом я полностью соответствую твоим и тёткиным мечтам.

Так что отношения у нас сложились хорошие, можно сказать, сердечные, тем более что мы молодым особо не надоедали, приезжали в гости достаточно редко. Мы с Машей после переезда на дачу выезжали в Москву только для закупки мебели, хозяйственного инвентаря и продуктов. Продуктов набирали много, забивая ими всю машину, ещё бы три холодильника, один из которых исключительно с вегетарианской едой для Вики.

В марте я наконец-то купил снегоход, японский, довольно дорогой. По мнению всех разбирающихся в этом знакомых – хорошая была машина и очень надёжная. Снегоход я давно хотел, мечтая о зимней охоте и рыбалке. К тому же один из соседей по даче постоянно раздражал меня в этом желании, часто хвастаясь своим снегоходом, но, правда, не имея в виду некое превосходство, а, наоборот, с намерением, чтобы ещё кто-нибудь заинтересовался этим вопросом, купил снегоход и стал гонять с ним вместе по заснеженным полям. Зимой он дал несколько раз прокатиться на его технике и провел, как он выразился, «курс молодого бойца».

Вообще, в поселке собрался весьма интересный народ. Правда, постоянно проживали кроме нас ещё только три семьи. С двумя из них мы очень сдружились.

Ну, во-первых, это мой ближний сосед Володя и его жена Галя. С Володей мы были одногодки, обоим уже по 45 лет. Сосед работал в Пушкино в Институте биологического приборостроения, был заместителем директора, и ещё у него была небольшая фирма по производству приборов точной механики. По крайней мере он хвастался, что делает даже космические гироскопы. Хотя, конечно, я сомневался, может, какие-нибудь детали они и делали, не знаю, но работало у него всего-то 23 человека. Галя, его жена, сорокалетняя женщина была кандидатом наук, работала тоже в Пушкино, в Институте Белка, работа как-то была связана с клонированием. У них был сын, который жил и учился в Москве и изредка навещал родителей.

Другими постоянными жителями поселка были, живущие за три дома от нас, Николай и его жена Ирина. Коле было 43 года, хороший автомеханик, он содержал автосервис в Пушкино и постоянно мне помогал в ремонте и обслуживании «Газели». Это был симпатичный весельчак и балагур, любил рыбалку и являлся настоящим фанатом охоты. Коля меня раза три затаскивал порыбачить на Оке, однажды мы с ним сходили и на охоту. Его жена Ирина тоже работала в Пушкино, в Институте биофизики клетки научным работником.

А ещё Ирина разводила кур (их было штук десять) и откармливала поросят – настоящий фанат натуральных продуктов. У Ирины с Колей было двое детей: парень Максим 16 лет и 12-летняя девочка Даша, летом они жили с родителями на даче, а во время учебы с бабушкой, в Пушкино, приезжая в наш поселок на выходные и в каникулы.

Третья семья была достаточно молодая – Игорю было 32 года, он тоже работал в Пушкино в местной больнице врачом-хирургом, а его жена Надя сидела дома с маленьким, двухлетним

мальчиком Никитой. Надя раньше работала фельдшером в роддоме. Дом в поселке им купили родители, так получалось дешевле, чем квартира в городе.

Мы неплохо коротали время, живя вдаль от столицы; вместе с Володей и Колей часто засиживались вечерами за игрой в преферанс, под легкое красное сухое вино. Практически все остальные владельцы домов в поселке жили в Москве и приезжали только на выходные, хотя транспортное сообщение здесь было налажено прекрасно. В Пушкино, как в Ясногорск, со стабильным постоянством ходили автобусы, но до ближайшей остановки нужно было пройти больше километра. До города Пушкино можно добраться и пешком часа за два, а если на машине, то и совсем ничего.

Строительная фирма, возводившая поселок, к сентябрю закончила работу, увезла технику, людей и обещала на следующий год завершить возведение всех недоделанных объектов и коммуникаций, а недоделанным было самое важное – электрика. Все, кроме меня, продолжали пользоваться деревенским трансформатором, не подведён был также и газ. Соседняя деревня зимой становилась пустынной, проживало в ней не более десяти семей, однако летом всё вокруг заполнялось суетливыми дачниками. К нам тоже дочка с зятем приезжали только летом, бывало и на неделю-две. По возвращению из командировок Саше обычно давали двухнедельный отпуск.

Из Белоруссии в конце сентября вернулись Валера с Сергеем. Оказывается, они договорились с хозяином пятого дома (если считать от меня) на проведение в коттедже отделочных работ. Ребята, как только приехали, сразу же пришли ко мне просить о проживании на втором этаже гаража, пока не оборудуют теплое жилье в строящемся доме.

Я согласился – всё зимою будет веселее. Только я им поставил условие, что за потребление электричества будут платить сами. Гараж был подключён к деревенской линии, и электричество оплачивалось по счетчику, дом же снабжался электричеством только от ветряка.

26 октября я с Машей поехал в Москву. Задача была, кроме покупки продуктов и прочих хозяйственных товаров, снять немного денег с инвестиционного счета на бирже. Я задумал покупать новую машину. Мой фургончик мерседес был всё-таки уже староват, седьмой год пахал старичок, но продавать его мне было жалко. Решил – пока пускай постоит в гараже. Покупать я хотел джип «тойоту РАВ-4» – не очень большой, для внедорожника довольно экономный, к тому же ездить за город лучше на полноприводной машине, да и на охоту или рыбалку можно спокойно отправиться без угрозы застрять где-нибудь по дороге.

Деньги снял в течение двух дней – два миллиона рублей. Так как началась плохая погода, мокрый снег и метель, я решил немного подождать с покупкой автомобиля. Несколько дней задержки ничего не решают. Съездили с женой в гости к дочке, как раз Саша вернулся со сборов и сообщил, что будет отдыхать две недели. Обещал и к нам на дачу заскочить погостить. Я его тут же смассовал поехать дня через три вместе со мной выбирать для покупки новую машину, а потом на дачу, обмывать её, естественно. По-любому, он был нужен, ведь перегонять требовалось две машины – новую и старую.

Вот после этой поездки к Вике я никак и не мог избавиться от непроходящего чувства смутного беспокойства, как будто что-то сделал не так. Но сейчас, проанализировав прошедшие события, я сделал вывод, что никаких больших ошибок в своих делах не допускал. А значит, причины тревоги крылись вовсе не во мне, и беспокоило меня что-то, происходящее во внешнем мире. Я включил компьютер и занялся анализом рынка, а также изучением многочисленной информации в интернете. Этому делу я собирался теперь посвятить всё оставшееся до запланированной покупки время; не хотел никуда выходить, чтобы целыми днями, а может, и ночами изучать факты из интернета и обдумывать их. Давненько я не занимался финансовым анализом и разработкой методов собственных действий на бирже.

28 октября часов в 12 ночи, просматривая информацию в интернете, наткнулся на новость, что астрономами НАСА обнаружен метеорит, который с вероятностью 99 процентов

столкнётся с Землёй. Диаметр его, предположительно, был от 40 до 80 м. Вот тут-то тревога снова проснулась во мне, сдавив сердце с удвоенной силой, несмотря на то, что в комментариях по этому вопросу различных экспертов и научных светил было написано: «Это столкновение не грозит Земле никакими серьёзными последствиями, такие космические скитальцы с периодичностью не реже чем раз в сто лет обязательно падают на Землю, и последним, вероятно, был Тунгусский метеорит». Так же в комментариях говорилось, что при падении небесного тела на поверхность Земли разрушения и другие, возникшие при этом событии проблемы произойдут на расстоянии не более ста километров от места его столкновения с Землёй. Если же метеорит упадёт в океан, то возможно небольшое цунами, и предупреждение об этом всем приморским странам уже разослано. Само НАСА сообщало, что полосу и примерное место падения небесного тела можно будет определить минут за тридцать до столкновения с Землёй, а структуру метеорита (твёрдое это вещество или смерзшийся газ), от чего также будет зависеть степень разрушений, не более чем за час.

Вся эта информация меня порядком обеспокоила, не то чтобы я испугался, что метеорит упадёт именно на нас, но вся эта неопределённость очень настораживала. Жизнь научила меня – лучше предполагать, что ситуация пойдет по самому плохому сценарию, а, касаясь данного случая, метеорит упадет недалеко от Москвы. Поэтому, зная качество моего московского дома, который от подобного сотрясения мог просто развалиться, решение пришло мгновенно – надо отправляться на дачу, так как в качестве загородного дома я был совершенно уверен. Тем более, в Москве такое количество народа, что при малейшей панике, начиная с магазинов, все вокруг сметут, и вообще, всё это может кончиться очень печально. Да, и ещё, чуть не забыл: НАСА прогнозировало, что столкновение с метеоритом произойдёт уже через шесть часов.

Коротко обрисовав ситуацию Марии, я поручил ей быстро собрать все продукты, некоторые тёплые вещи и документы. Намечаемая покупка автомобиля меня не останавливала, с этим можно было разобраться и позднее. Тем более, ближе к Новому году, как это обычно бывало, можно получить и дополнительные бонусы. Глянув на часы, я увидел, что уже за полночь, и решил срочно будить дочку с зятем. Их я планировал в обязательном порядке увезти из Москвы на дачу, несмотря на предполагаемые мной возражения и насмешки.

Как ни странно, они не спали, оказывается, недавно приехали из ресторана и продолжали отмечать присвоение внеочередного звания Сашиному товарищу. Все были весёлые и слегка поддатые. Рассказав о приближении метеорита и посмеявшись над своей мнительностью вместе с Сашей, я всё-таки добился согласия поехать на несколько дней с нами на дачу, пообещав продолжить празднование, кроме того, обеспечить их пивом на следующий день и дать покататься на снегоходе, если на полях уже есть снег.

Переговорив с Викой как с самой трезвой и адекватной, я посоветовал ей, что нужно брать с собой, имея в виду, что мы ещё закупим в круглосуточном магазине продуктов. Уже к часу ночи мы с Машей загрузили машину и выехали из дома.

Продуктами решили затариться в магазине фирмы «МЕТРО» в Очакове – он и работает круглосуточно, и находится по пути к Вике, кроме того, магазин для оптовых покупателей, и цены там ниже, чем в обычных супермаркетах, все продукты в коробках, удобно, если брать много. Карточка покупателя у меня была, осталась ещё от тех времён, когда занимался непосредственно торговлей.

На улице было холодно и свирепствовала метель. Единственный плюс – машин совсем немного, поэтому до магазина доехали быстро. По дороге мы с Машей договорились, что будем покупать. Тушенка, крупы, сахар, соль, в общем – знакомый каждому русскому набор продуктов для выживания.

Приехав в магазин и загрузив две большие тележки, быстро забили машину коробками и упаковками с продуктами, так что купленные двенадцать бутылок водки еле рассовали в оставшиеся промежутки в багажнике. Вот, что значит фургон, в обычную легковушку и чет-

верть купленного товара вряд ли бы вошло, а тут ещё свободными оставались все пассажирские места.

К Вике мы приехали через два с половиной часа. Там уже всё было готово, вещей немного, тем более, половину я забраковал, заявив:

– Всё не влезет. Шмотки оставь дома, как и свою любимую косметику. Пойми, всё придётся складывать под ноги и на колени.

Саша и его друг Флюр были не совсем пьяные, на ногах стоять ещё могли. С Флюром была ещё его подруга Катя. С трудом погрузили мы ребят на задние сиденья, с ними вместе села и Катя. На передних местах еле разместились Мария с Викой, всё было забито вещами – под ногами, на коленях, в общем, везде.

Мы тронулись в путь, когда до столкновения с метеоритом оставалось где-то полтора часа. Ребята уснули, а я, как мог, пытался отслеживать положение метеорита и примерное место его падения, для чего включил радио, а Вике дал ноутбук, чтобы она по мобильному интернету открыла новостной сайт НАСА и контролировала всю информацию, поступающую туда.

Ехать нам предстояло долго, скорость была небольшая, дорога скользкая, и видимость плохая из-за усиливающейся метели. Заправиться я решил на АЗС, что неподалеку от поворота на Пушино. По радио никакой информации о приближающемся метеорите не было, только на «Эхо Москвы» промелькнуло несколько фраз. В интернете, когда мы проехали поворот на Подольск, написали, что до столкновения с метеоритом осталось сорок минут, что диаметром он 50 метров, состоит из твёрдых материалов, скорее всего металла. Сила предстоящего удара по Земле эквивалентна взрыву нескольких ядерных бомб, и упадет метеорит, вероятнее всего, в акватории Тихого океана, недалеко от побережья США или Мексики.

Исходя из этих сообщений, уехали из Москвы мы совершенно зря. «Пусть завтра народ и посмеётся, – думалось мне, – но зато качественно отдохнет на даче; попарится в баньке, подышит чистым воздухом, всё лучше, чем торчать в душной московской квартире».

Столкновение с метеоритом произошло как раз в то время, когда мы заправлялись. Судя по моим ощущениям, абсолютно никаких изменений в окружающем мире не случилось, да и другие ничего не почувствовали. Пока подъезжали к дому, по интернету прошла информация о месте столкновения: «Это произошло на территории США, в штате Вайоминг, недалеко от Национального парка. Последствия ужасные. Полностью уничтожены два городка, разрушения наблюдаются даже в столице Штата». В довершении сказали, что нанесенный ущерб будет ещё уточняться...

«Да, жалко, конечно, пострадавших», – подумалось мне, – но всё это произошло так далеко от нас, а потому казалось совершенно нереальным. В душе, правда, не утихала тревога... Разгрузив машину и приняв 150 граммов водки, чтобы унять эту тревогу, я следом за всеми отправился спать.

Проснулись все в первом часу дня – конечно, легли ведь почти под утро. Перекусив и попив кофейку, ребята стали канючить, имея в виду мое вчерашнее обещание обеспечить их пивом. Я сказал:

– Без проблем! Сейчас поеду в Пушино и привезу вам хоть целый ящик.

Флюр, ухмыляясь, заявил:

– Обычно, ящик я выпиваю один, а на природе, под баньку, да не за один день, даже и не знаю, сколько смогу. А, вообще-то, как профессиональный военный люблю «Арсенальное» Тульского пивзавода.

С не менее лучезарной улыбкой я ответил:

– До Тулы здесь всего-то девяносто километров, но, как говорится, для бешеной собаки сто верст не крюк.

Саша присоединился к пикировке:

– Батя, правильно говоришь! Главное в нашем деле – неожиданный маневр; нужно собутыльника, прежде всего, ошеломить абсурдностью предложения. Но мы бойцы подготовленные, нас трудностями не возьмёшь, тем более такими.

И ребята со смешками живо ухватились за моё предложение, выразив намерение поехать вместе со мной, так как в Туле никогда не были. Ну, как говорится, назвался груздем – полезай в короб.

Пришлось собираться, и где-то в полвторого мы отправились в Тулу за пивом «Арсенальное». Хорошо хоть погода к этому времени наладилась.

Приехав в Тулу и сделав для ребят небольшой ознакомительный круг, чтобы посмотреть город, мы на обратном пути подъехали к большому магазину. Когда начали приценяться к пиву, один из посетителей супермаркета сказал:

– Зачем нужно покупать здесь такое количество, да ещё по бешеным ценам, когда метрах в ста отсюда есть оптовый склад, где цены в два раза ниже, но нужно покупать не меньше ящика.

Узнав у него, как туда добраться, мы поехали на этот склад. Он действительно производил впечатление – несколько больших ангаров, набитых товаром, в основном бакалеей, но «Арсенальное» пиво там действительно имелось, и ценой дешевле, конечно не в два раза, но все-таки значительно дешевле. Закупив там семь ящиков пенного, коробку фисташек и целый мешок воблы, а чего мелочиться, не пропадёт, тем более ребята шутили, что с таким сервисом они весь отпуск проведут на даче. Да и я чувствовал, что недельный загул мне будет, точно, обеспечен. Ну что же, надо расплачиваться, коль выбил людей из привычной, распланированной жизни. Надо быть менее мнительным и не поддаваться всяким там домыслам. Хотя и Саше, и Флюру эта неожиданная поездка и суэта очень даже понравились.

Флюр вообще был весьма приятный и доброжелательный парень, татарин по национальности, ему, как и Саше, было 26, и он тоже, правда, всего четыре дня назад, стал капитаном. По военной специализации, как по секрету сообщил мне Саша, в их группе он был минёром. Что-то, характерное для этого дела, у него, точно, наблюдалось в поведении и привычках. Был он рассудителен, осторожен, спокоен, я бы даже сказал, несколько флегматичен. Его подруге Кате было 22 года, программист-математик, она закончила МГУ, факультет ВМК. Никогда бы не подумал, что девушки математики такие жизнерадостные и симпатичные.

Где-то в восьмом часу вечера мы прибыли на дачу. Включив сауну и слегка перекусив, начали, так сказать, банно-пивной вечер, который затянулся до часу ночи.

Глава 3

На этой вечеринке ребята расслабились, и я наконец-то узнал кое-что из жизни своего зятя, ну, естественно, и его боевого брата Флюра. Началось всё с ругани в адрес какого-то полковника – «полкана», выражаясь их языком. Очень уж злы они были на этого человека, имея в виду его тупость и нераспорядительность, граничащую с предательством. Выпив всего-то по литру пива на брата, они учинили жуткий спор между собой, с громкими выкриками и руганью, хотя сутью его был один лишь вопрос – продался ли этот полковник или просто тупица, которого нужно гнать из ФСБ поганой метлой. Если тот предатель, долг каждого честного офицера его так подставить, чтобы эта сволочь больше не жила, ну а если тупой по жизни, достаточно хорошо начистить морду, чтобы запомнил – за такие подставы непременно придётся отвечать. Ребята стали рассуждать, как не напрямую будут его мутузить, а подробно разрабатывали план с использованием привлечённых к этому делу каких-то знакомых типов.

На мой вопрос, в чём же, собственно, состоит провинность этого полковника, ребята отнекивались, но не зря я уже столько лет в бизнесе – умею, когда надо, выудить нужную информацию. Вот и сейчас, ненавязчиво добавляя в кружки пиво, попутно нахваливая ребят, я вывел каждого из них на пространные рассказы о службе и, в конечном итоге, про этого полковника тоже. Хотя сначала, как это и бывает во время застолья, пошёл разговор о высоких материях, главным заводилой в котором выступил Саша. Он, глядя прямо мне в глаза, начал вещать:

– Понимаешь, батя, какая вещь, меня всю жизнь готовили к войне на чужой территории. Здесь и операции по уничтожению стратегических объектов в тылу противника, и тому подобное, а тут в последнее время приходится бегать с автоматом по собственной территории. Скачем как горные козлы по Кавказу и никак не можем заткнуть все те дыры, откуда лезут ваххабитские недобитки. Блин... либо там нужно делать так, как поступил Сталин с вайнахами, либо послать этих долбанных горцев на хер – пусть сами копаются в своём дерме. Ну, невозможно же хладнокровно отстреливать женщин и детей, а во многих аулах они все против нас. И живут-то в основном за счёт наших работяг, а всё недовольны, всё норовят нож в спину засадить. Мечтают о халифате и чтобы неверные поскорее убрались с их земли. Силowymi методами бороться с такими настроениями бесполезно – только кровью зальёшь весь Кавказ, и с Запада за это нас дерьмом обольют. А нам это надо? Сейчас что получается, мы местных ханов защищаем, чтобы им воровалось спокойней. А они специально затягивают конфликт и настраивают местных горцев, чтобы те боролись против русских – в мутной воде легче золотых рыбок ловить. Русских, которые там раньше жили, практически всех выдавили. Обычный человек, теперь ни за какие коврижки туда не поедет. А что это за часть страны, куда не может поехать любой гражданин, если ему вдруг вздумалось полюбоваться на местные пейзажи? На кой чёрт нужны такие, мать их, республики? Дать им независимость и пускай разбираются со своими баями сами.

Саша, высказав наболевшую мысль, хотел было уже перейти к насущным делам – отнюдь не философ парень, и все эти теоретические выкладки не для его ума, – но упускать такой момент, когда он стал таким откровенным, что потянуло на рассуждения о судьбах мира, я не мог. Сейчас мне представилась уникальная возможность узнать как можно больше о своём зяте. Поэтому, притворяясь жертвой пропаганды, я недоумённо воскликнул:

– Да ты что, парень, а как же государственность и защита свершений наших дедов, это что, всё коту под хвост? К тому же, по крайней мере, в Чечне имеется нефть, а это тебе уже стратегический ресурс, и только дураки его выпустят из рук. Кроме того, пока мы на Кавказе, то хоть как-то влияем на политику Баку, Тбилиси, Тегерана и Анкары. Нет, боевиков нужно подавить, а нормальным людям дать работу, чтобы жили и не тужили!

– Ха, батя, да ты наивный – дать работу! Да моргали они на твою работу, когда есть возможность пограбить тучных соседей! У этих горцев психология такая – бабки, полученные грабежом, гораздо почётнее тех, что заработаны своим потом. К тому же такие бабки можно срубить быстро, а дальше только и дел, что хвастаться перед другими своей крутизной. Перевоспитать этих джигитов невозможно, по крайней мере того времени, когда уже будут жить наши внуки, для этого, точно, не хватит. Остаётся давить кровососов как клопов, невзирая на, так сказать, личности – детей, женщин, стариков, или послать их куда подальше. Пускай сами горбятся, создавая условия для нормальной цивилизованной жизни. Но только не все там полные дураки, чтобы добровольно лишиться такой дойной коровы, как Россия. Понимают, сволочи – без такой крыши и тёплого вымени их нации просто погрызут друг друга и быстро выродятся. А наша элита тоже заинтересована, чтобы этот конфликт тлел. Вору он интересен как прачечная для отмывания бабла, а патриотам и государственнымникам – как место селекции бойцов и обкатки методов управления в экстремальной ситуации. Вот поэтому мы там и ковыряемся – всё делаем для того, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

Такая постановка вопроса была для меня весьма неожиданной. Совместить в своих мозгах интересы грабителей и разрушителей основ государства и истинных патриотов России, это было сильно.

Уму непостижимо! Я даже на время забыл, зачем начал этот разговор. Забыл, что я хитрый и битый жизнью бизнесмен, у которого задача одна – выяснить, чем же всё-таки занимается мой загадочный зять. Всё ещё больше спуталось в моей голове – с одной стороны, вроде бы стоит за отторжение надоевшего ему Кавказа, а с другой – за продолжение военных действий. У меня непроизвольно вырвался вопрос:

– Слушай, Саня, как тебя понимать – так ты за вывод войск из Кавказских республик или за то, чтобы этот геморрой продолжался вечно?

– Эх, батя! Два чувства во мне борются: одно – послать их всех к чёрту, а второе, что нужно додавить гадов. Первое – чувство нормального человека, баба с возу – кобыле легче! Освободимся от этой обузы, сможем заняться собой, своим народом. Кучу денег можно будет направить на развитие народного хозяйства и проконтролировать эти денежные потоки гораздо легче. А что касается мифической выгоды от кавказской нефти, то это всё туфта. Гораздо выгоднее будет – если, конечно, джигиты наладят её добычу – получать доход за её транспортировку по нашей территории. Платить будут как миленькие, никуда не денутся, и нам уже будет всё равно, какие у местных авторитетов ведутся разборки по дележу добытой нефти. Опять же, оружие им можно будет продавать, чтобы эти разборки были пострашней; такие, чтобы Европа с Америкой содрогнулись и умоляли Россию приструнить зарвавшихся кавказцев. Тогда поймут, что на самом деле арабские террористы – милые послушные ребята по сравнению с настоящим газаватом, который обрушится на них с Кавказских гор. А умиротворить таких диких детей гор могут только русские солдаты – натовские бойцы слишком себя любят, чтобы воевать в таких нечеловеческих условиях. Конечно, Запад может просто купить самых буйных, но это и нам на пользу – во-первых, самим не тратиться, а во-вторых, с этих денег и в нашу сторону потечёт нехилый ручеек зелёных рублей.

За время столь длинного монолога Саша уже и забыл про высказанную им ранее мысль, отрицавшую только что озвученное пожелание. Но я-то не забыл. Меня как обычного человека очень интересовал вопрос – о чём думают люди, непосредственно принимающие участие в конфликте на Кавказе. А тут не просто посторонний человек, а неожиданно обрётённый родственник. Пришлось действовать, как привык обращаться с потенциальными инвесторами, чтобы выяснить важный для меня вопрос. Собственноручно долив пива в кружку Саши и ненавязчиво, как бы между прочим, вставив:

– Да ты просто аналитик какой-то. Академики не знают, а простой капитан знает, как будет выгоднее для страны! Спиноза, мля! Только вот ты сам путаешься и не уверен, что лучше – вон, уже и забыл, что говорил про продолжение боевых операций на Кавказе.

– Батя, ты чем слушаешь? Я же говорил, что у меня двойственная позиция – одна как у обычного гражданина, а вторая как у офицера и государственника. Как человек, который получает за работу на Кавказе бабло и нехилое, между прочим, я заинтересован, чтобы там дольше тлел конфликт. Пару недель покрутишься как обезьяна в пампасах среди дикарей, зато потом пивко у тестя на даче попиваешь – лепота! Рискованно, конечно, но мы люди привычные, обученные, так что, жить можно. Это я как профессионал говорю, и как государственника такое положение меня тоже устраивает. Здесь я опираюсь на заветы предков. Например, ходят слухи, что Пётр Первый оставил завещание для будущих правителей России, в котором он говорит: для того чтобы государство стало крепким и все его службы были дееспособными, нужно обязательно хотя бы раз в два-три года вести небольшую войну. Это заставляет правящую элиту быть в тонусе, а не завязнуть в болоте праздности, к тому же государство будет способно выдержать любые каверзы и перипетии большой войны. Вот боюсь только, что эти идеи были справедливы в те времена, когда люди были нормальные – генетически здоровые. А сейчас даже и не знаю – народ стал злобный, норовит хапнуть хотя бы крохи и быстро утащить в свою нору. Доверия друг другу нет. Развратили нас америкосы и прочие буржуины. В мыслях у большинства народа только одна задача – нахапать побольше, чтобы жизнь мёдом казалась. О душе и долге перестали думать, стараются баблом залить тоску и думы о конечности бытия. Не получится... достаточно глянуть на жизнь народа в штатах. Внешне всё вроде бы прекрасно, но стоит копнуть глубже, и волосы встают дыбом. Статистику посмотри – например, по вопросу количества психиатров или потребления антидепрессантов. По цифрам получается – не всё там так благополучно. Чувство довольства жизнью и оптимизм базируются на химии. Вот и мы к этому идём прямым ходом. Рыба тухнет с головы, народную мудрость не обманешь. Так что сейчас лучше уйти с Кавказа. Подождать надо, пока эта тухлая голова отвалится. Народ за это время поумнеет и выберет себе нормальных руководителей. Вот тогда и можно будет вернуться обратно. К этому времени аборигены уяснят для себя, каково жить без России, и будут встречать наших солдат криками приветствия, а не свинцовым градом. Европейцы и Штаты тоже поймут, что независимый Кавказ – зло для всего мира.

Флюр, сидевший молча всё это время, в конце концов, не выдержал, поднял свою кружку и, обращаясь ко всем, заявил:

– Хватит болтать о вещах, которые от нас не зависят. Кот, будь проще. Зачем забивать себе голову всякой ерундой. Мы офицеры, наш долг выполнять приказы начальства, а что там будет, время покажет.

Саша встрепенулся и, как бык, перед носом которого помахали красной тряпкой, сразу кинулся в бой:

– Хан (боевая кличка Флюра), тебе мало того приказа «полкана», из-за которого мы потеряли Дыню? Видишь, какие «козлы» сейчас сидят наверху и нашими жизнями выстилают себе дорогу к сладкому будущему!

На этот словесный наскок Флюр отвечать не стал, наоборот, сразу присоединился к Саше в ругани злосчастного полковника. Мне как стороннему человеку, конечно, сложно понять суть проблемы, но уж больно интересно было из первых рук получить информацию о действиях спецподразделения на Кавказе. Поэтому терпеливо, минут пять слушал набор из смачных матерных выражений, а потом наводящими вопросами заставил всё-таки Сашу рассказать этот эпизод из боевой деятельности его группы.

Рассказ Саши

Всё с самого начала не задалось. Во-первых, приказ был мутный – ничего конкретного, работать должны были по непроверенным агентурным данным. Одним словом – пойди туда не знаю куда и возьми то не знаю что. Просто агентуре стало известно, что границу с Грузией должен был перейти ваххабитский эмиссар вместе с караваном, перевозившим наркотики и деньги для непримиримых абреков. Места перехода границы и маршрут, по которому пойдёт караван, никто не знал, количество бойцов в нём – тоже. Инфа шла от чекистов. По словам моего командира, спецназ ФСБ в тот момент был задействован в другой операции, а принимать меры было нужно, вот и спустили всю эту муть на нас. Как говорится, родина сказала – надо, командир ответил – есть!.

Только насчёт нехватки сил у ФСБ это наверняка была туфта, просто чекисты – народ умный, всё просчитали и поняли, что накрыть этот караван – шансов мало и лавров на этом не заработаешь. Лучше сделать ход конём, отдав эту информацию армии – пусть ребятки позабавятся. Я удивляюсь такому поведению нашего генерала, знает ведь – только свяжешься с потомками железного Феликса, обязательно попадёшь в передрагу. Получается, отдались наши шефы обаятельным чекистам без остатка, при отсутствии, так сказать, какой-либо контрацепции!

– Дебилы, – поддержал его Флюр, – каким местом там груши околачивают, непонятно.

– Вот, вот, – продолжил Саша, – я примерно то же самое Спиридонычу говорил. Но моим словам подполковник не внял, приказ подтвердил, пришлось нам идти готовиться к этой операции.

Борт прибыл в Моздок, и там опять начались непонятки. Вместо того чтобы по-быстрому загрузить группу в вертушку и доставить нас к началу челночного маршрута, подогнали «покемон» (Урал с цельнометаллическим кузовом, бойницами для ведения огня и усиленной кабиной) и повезли в штаб группировки. Там представитель ФСБ с погромухой «полкан» часа два меня мурыжил, всё согласовывал маршрут движения. А обосновывал это тем, что их группа тоже будет работать по перехвату того же каравана. Так что всё было логично, кроме одного – того, что нас направили на эту операцию из-за нехватки сил у местных чекистов. Но и этот вопрос «полкан» обосновал – территория, где мог появиться искомый караван, обширная, все потаённые тропы имеющимися в наличии силами перекрыть невозможно. Я с этим согласился и со спокойной совестью в деталях согласовал с полковником наш маршрут.

Отбыли из штаба где-то во втором часу дня и опять всё на том же «покемоне» в сопровождении «бардака» (БРДМ). От вертушки я сам отказался.

Наверняка аборигены засекут подлёт вертолёт (например, чабан, пасущий овечью отару), и это станет известно эмирам, ожидающим каравана с деньгами и наркотой. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что зависший над укромным местом вертолёт высаживает боевую группу федералов. Ясно, что русские охотятся именно за грузом каравана, столь вожделенным ваххабитами. Когда нас собирались перекинуть вертушкой, это, конечно, учитывалось, поэтому был предусмотрен отвлекающий манёвр. После высадки группа должна была совершить быстрый марш и уничтожить небольшую группу боевиков, располагающуюся у одного из горных аулов, а уже потом двигаться по основному маршруту.

Группа боевиков, это, конечно, громко сказано, на самом деле в землянке, вырытой недалеко от родного аула, отсиживались три отморозка, засветившихся в грабеже одного из ювелирных магазинов Махачкалы. Теперь они позиционировали себя идейными бойцами за шариат и везде кричали, что до конца будут бороться против русских оккупантов. Местонахождение их схрона, а также все данные участников этой банды были известны специальным органам, но ликвидация этих уродов была отложена до нужного момента. Мало ли, вдруг срочно

потребуется показать активность специальных служб. А тут, только из Москвы донесётся грозный чих, вот вам, пожалуйста – ликвидирована банда непримиримых ваххабитов, террористов, да что хочешь можно на них списать. Если прямо сказать, нам с неохотой отдали на заклание этих бандитов. Жалко было местным чекистам лишаться таких ценных мальчиков для битвы. Но начальство посчитало, что в данной ситуации уничтожение ваххабитского каравана важнее будущих дивидендов от ликвидации банды отморожков. Тем более, они уже давно были в разработке, с этим нужно было что-то делать, а то могли начаться всякие ненужные разговоры о бессилии органов справиться с жалкой кучкой дилетантов.

Вот мы и выехали разбираться с местными агрессивными баранами. Приказ был однозначен – гасить всех, и пошумнее, чтобы похоже было на полномасштабный бой. Наверняка местные чабаны засекут появление БРДМ и «Урала», вот, пускай и думают, что русские приехали только для того, чтобы задержать скрывающихся боевиков. А то, что местные знают о живущих в землянке абреках, ФСБ было известно. Для антуража мои ребята вооружились АКМ, наши штатные ВАЛы и прочие припасы для предстоящего рейда должны были нести оруженосцы. Так мы в шутку называли солдат из группы обеспечения (обычные бойцы из разведроты). Единственный, кто был вооружен штатным оружием, это наш снайпер Щука. После того как моя группа зачистит логово бандитов, оруженосцы должны будут, загрузив трупы и трофеи в Урал, взорвать землянку боевиков и следовать на базу. Ну а мы после этой разминки начинаем основную фазу операции.

На место сосредоточения, где стоял БТР разведроты, прибыли в 16–10. Разведчики наблюдали за нашими клиентами почти сутки. И как доложил лейтенант, командир взвода приданного нам для проведения этой операции, – бандиты находились в землянке, в округе спокойно, перемещение подозрительных субъектов не наблюдалось. Одним словом, можно начинать работать. В принципе разведчики могли провести эту операцию и без нас – ребята грамотные, опыт боестолкновений имелся, замочить трёх баранов им было как два пальца описать. Мы в это время могли бы полежать на травке, расслабиться перед тяжёлым рейдом. Первоначально предполагалось, что разведчики устраивают шумовое представление, в это время наша группа начинает свой марш и растворяется в «зелёнке». Но уже во время разговора с «полканом» я решил, что операцию по нейтрализации бандитов мы проведём сами. Чувство какое-то возникло, что всё нужно делать силами группы, не надеясь, что грязную работу проведут другие, а то так вот понадеешься и в решающий момент какая-нибудь мелочь, допущенная привлечёнными бойцами, может стоять твоим ребятам жизни. В таких делах можно серьёзно рассчитывать только на близких тебе людей. Конечно, в данном случае накосячить, чтобы это хоть как-то помешало нашему рейду, бойцы разведроты никак не могли. Это я понимал, но на сердце было тревожно, поэтому решил – чтобы войти в тонус и боевой настрой, проведём ликвидацию банды силами своей группы. В нашем деле интуиция – очень важное дело; не доверись ей, пойдёшь по пути меньшего сопротивления, перекладывая решение самых неприятных задач на других, и, как правило, возвращаешься на родину уже под литерой – груз 200. Так что я следовал внутреннему чувству, хотя и не имел прямого приказа принять участие в ликвидации бандгруппы.

Выдвигались к месту проведения операции так, как обычно двигались по враждебной территории. Впереди шли Хан и Дыня, Флор, как специалист по взрывным устройствам, ну а Серёга как великолепный следопыт и разведчик. Замыкал нашу цепочку из семи человек старший прапорщик Щукин (боевая кличка Щука). Пошли мы своим путём, а не по тропе, ранее проторенной бойцами разведроты. И опять это было моим решением, связанным всё с той же мнительностью. Ну, ещё, конечно, хотел, чтобы группа быстрее вошла в тему, буквально став частью этого леса и горных троп.

Пошли мы севернее, параллельно руслу речушки, выше по течению которой и располагалось бандитское логово. Местность для перехода была трудная, только благодаря звериным

тропам удавалось продвигаться вперёд. Лишь изредка, когда хода по лесному бурелому вообще не было, я разрешал двигаться по руслу реки. Тренинг был ещё тот. Наверное, все ребята в душе матерились, проклиная маразм, что вселился вдруг в их командира. Я тоже проклинал собственную мнительность – какого чёрта мучаю себя и других, ведь операция элементарная, пути подхода к объекту изучены и по самому удобному маршруту уже не раз передвигались разведчики. Дебилизм какой-то – вымотаемся в самом начале рейда, а нам ещё о-го-го, сколько по горам скакать. Вот так я себя и честил последние полчаса.

Но вдруг Хан поднял руку, и все посторонние мысли сразу же вылетели из головы, а инстинкты метнули тело под защиту роскошного бука, росшего недалеко. Остальные тоже залегли и рассредоточились, всё это произошло молниеносно и беззвучно – выучка давала о себе знать. После минутного изучения окружающей обстановки я, местами ползком, подобрался к Флюру. Он молча показал мне растяжку, установленную поперёк звериной тропы, и прошептал:

– Саня, что-то тут не так! Слишком грамотно всё установлено – не могут те козлы, что сидят в землянке, так сработать, тут чувствуется рука профессионала!

Слова Хана сразу нашли благодатный отклик в моей душе, смутное ощущение неизвестной опасности уступило место ясному пониманию задумки врага. Это не мы охотились за бандитами, а нас хотят посадить на предательского живца, и, когда в эйфории от лёгкой победы мы расслабимся, коварные ваххабиты нанесут настоящий смертельный удар. Хитрая задумка, ничего не скажешь! Не иначе был у этих гадов информатор в нашем штабе. Вот только, в каком именно? И разведчики знали об этой операции, и чекисты. Все эти мысли птицей пролетели в моей голове, оставив после себя горький осадок. Однако лежать так, проклиная предателя, бессмысленно. Отменить операцию было невозможно, единственное, что группе подарила судьба, что теперь мы предупреждены и просто так нас расстрелять уже не удастся.

Школа спецназа дала о себе знать – все мысли, не относящиеся непосредственно к этому моменту, улетели мгновенно, так же быстро я начал действовать, отдав команду знаками ребятам, затаившимся под защитой естественных укрытий. В общем-то сложившаяся ситуация была много раз проиграна на наших тренировках – так что все знали, что делать. Без всякой суеты мы рассредоточились, и уже каждый, индивидуально начал продвигаться в сторону скалистой гряды. Задача нейтрализации бандитов, жирующих в землянке, отошла на второй план. Теперь требовалось в первую очередь ликвидировать боевиков, устроивших столь хитрую засаду на федералов. Мысли привлечь подмогу и устроить здесь большую войсковую операцию не возникло – сами справимся, чай не салаги. Мои ребята подготовлены, дай боже, – куда там моджахедам, пусть даже прошедшим множество, так сказать, конфликтов.

В сторону горной гряды мы двинулись потому, что только там и могли располагаться духи, поджидавшие появления федералов у землянки с бандитами. Сектор обстрела окрестностей землянки оттуда хороший, пути отхода, если пойдёт что не так, прекрасные – хрен их там заблокирует даже весьма большое воинское подразделение. К тому же при подготовке операции по нейтрализации бандитов разведчики прошерстили ближайшую округу вплоть до речушки и ничего подозрительного не заметили. А горная гряда начиналась прямо за речкой, метрах в трёхстах от землянки, разведчики не стали проверять. Операция была пустяковая, никто не предполагал, что к уголовникам может прийти какая-нибудь помощь.

Только мы начали перемещаться, как раздалась пулемётная очередь. Нервы сидящих в засаде боевиков не выдержали, а истерическая длинная пулемётная очередь только подтверждала этот факт. Пулемётчик бил, можно сказать, вслепую – по кустам и мелькнувшему перед ним силуэту Дыни, он и не догадывался, что это было сделано намеренно, для выявления основных огневых точек противника. Хан, удобно устроившись за толстым буком, привязал несколько строп к кустам и исправно дёргал за них, а Дыня для достоверности картины изображал федералов, подбирающихся к горной гряде. Вот такой нехитрой уловкой, отработанной

на тренировках до автоматизма, нам удалось спровоцировать боевика, контролирующего это направление подхода к позициям засады, открыть огонь.

Словом всё было не так уж плохо, и ваххабитов не слишком много, судя по тому, что по нам, заходящим с фланга, работал всего один пулемёт. Основные силы боевиков, по-видимому, заняли позиции напротив землянки, а пулемётный расчёт был оставлен как боевое охранение левого фланга. Но и это боевое охранение просуществовало недолго – два хлопка снайперки Шуки, и пулемёт замолк. Наступившая тишина продолжалась от силы с минуту, первыми её нарушили приданные бойцы разведроты. Сначала это были две не очень длинные автоматные очереди, но они как бы открыли плотину для массированного автоматного и пулемётного огня. Теперь уже грохотало и со стороны землянки, и со склона горной гряды. Началась перестрелка, при этом со стороны разведчиков стреляло всего четыре автомата, а боевики гвоздили из двух пулемётов и штук семи калашей. В эту разноголосицу вплетались и выстрелы из трёх снайперских винтовок. Да... серьёзно подошли ваххабиты к организации этой засады. Если бы наша группа направилась к землянке по дороге, проторенной разведчиками, то положили бы нас всех сейчас как пить дать! Снайперы бы и положили, а сейчас, хрен им, даже сектора обстрела в нашу сторону с тех позиций отсутствуют. Правда, и нам не видны вражеские огневые позиции. Но это всё временно, нам бы только подняться на холм, а оттуда боевики будут у нас как на ладони. Лишь бы за это время ваххабиты не успели перещёлкать приданных бедолаг разведчиков.

Так я думал, короткими перебежками взбираясь на вершину холма, при этом шумел неимоверно, как и все мои ребята, хорошо выстрелы заглушали треск ломающихся кустов и шум камней, катящихся из-под ног. Но мы очень спешили помочь погибающим разведчикам. Однако, как бы мы не переживали за ребят, находящихся сейчас под обстрелом, всё же, забравшись наконец на вершину холма, сразу открывать огонь по боевикам, хорошо видимым отсюда, не стали. Сначала я осмотрелся, распределил цели, и только после этого мы начали наше представление. Минуты три ваххабиты просто не замечали, что их выбивают один за другим. А когда почувствовали, засуетились и попытались, было, уйти за гряды, но поздно – цели были распределены, позиции прекрасные, по таким мишеням никто из нас не промахнулся. Ребята работали как и было приказано – все, кроме Шуки, – на уничтожение своих целей, а наш снайпер стрелял, чтобы только тяжело ранить «духа» – так, чтобы ваххабит получил только болевой шок и на время потерял сознание, а потом его можно было привести в чувство и допросить.

Через несколько минут после нашего вступления в дело стрельба со стороны боевиков прекратилась. Уже не было никого, кто бы мог вести огонь. А вот разведчики всё продолжали стрелять по горной гряде, мешая нам туда подойти и, пока раненные боевики находились в трансе, собрать их для транспортировки в специальные службы. Пришлось по радиации связаться с командиром разведчиков и приказать немедленно прекратить огонь. Вскоре это распоряжение было выполнено. Но тут нам самим пришлось снова начать стрелять. Дыня засёк двоих боевиков, пытающихся скрыться. Они были уже довольно далеко, и действенный огонь вёл только старший прапорщик Шукин. Но даже ему удалось поразить только одного духа – второму всё-таки удалось скрыться среди горных утёсов. Скорее всего, спасшийся боевик входил в боевое охранение правого фланга этой засады, ему очень повезло, что позиции этого пулемётного расчёта были далеко и не попали под наш удар. Вот только зря они кинулись в бега сразу же после разгрома основных сил – дураки одним словом. А могли бы отсидеться и, в то время как федералы начали бы прочёсывать место, где были позиции основной засадной группы, потихоньку свалить из этих мест. А если бы это были настоящие фанатики, могли бы нанести немалый урон федералам своим единственным пулемётом. А именно, когда наши солдаты, находясь в эйфории после быстрой победы, спокойно ходили бы по позициям поверженного врага. А так – нервишки у бандюг не выдержали, и они пытались только спастись. Ещё

странно, что не бросили оружие, прикинувшись мирными пастухами. Прищученный боевик так и лежал, сжимая пулемёт в руках.

По-хорошему, нужно было бы догнать и улизнувшего боевика. Но пускать за ним погоню я не собирался – время, чёрт его возьми. Мы и так начали выбиваться из графика, а охота за ваххабитским караваном важнее, чем уничтожение одного, какого-то жалкого боевика. Так что, после того как беглец скрылся из вида, я приказал по-быстрому проверить позиции ваххабитской засады, сдать разведчикам ещё живых боевиков и быть готовыми немедленно начать наш марш.

Мои ребята пошли проверять позиции боевиков, а я направился к разведчикам, некоторые из которых уже сустились возле бывшего убежища бандитов. Сами эти бараны лежали рядом с землянкой. По-видимому, когда раздалась пулемётная очередь, уголовники выбежали из землянки и тут, естественно, были скошены пулями разведчиков, которые наблюдали за их поведением. Приказ у ребят был один – не допустить ухода врагов. Бойцы разведроты выполнили приказ – никто из бандитов не ушёл.

К тому времени, когда закончилась стрельба, вся приданная техника уже была здесь; БРДМ выдвинулся немного вперёд, хищно поводя пулемётом вдоль горной гряды. БМП стоял боком к руслу реки, а под прикрытием его брони образовался своеобразный лазарет – на расстеленных плащ-палатках лежали трое раненых разведчиков. Когда я подошёл, ими как раз занимался фельдшер, которому помогали ещё два бойца. Но это были не все наши потери, и самая горькая, что погиб ефрейтор Смирнов. Именно он завалил бандитов, выбежавших из землянки, демаскировав свою позицию, и сразу получил от вражеского снайпера смертельное ранение в голову. Об этом мне поведал командир разведчиков. Минут пять мы с ним обсуждали перипетии прошедшего боя и планы дальнейших действий. В конечном итоге решили – вызываем вертушки для эвакуации наших раненых и транспортировки ещё живых боевиков, которых притащат мои ребята. После этого рейдовая группа направляется для выполнения поставленной ранее задачи, а разведчики лейтенанта, отправив на вертушках раненых, всё здесь подчищают – собирают трофеи, грузят трупы боевиков в «покемон» и взрывают землянку бандитов. Отчёт о боестолкновении должен был писать лейтенант.

Только мы с лейтенантом приступили к решению сугубо шкурных вопросов (о дележе некоторых трофеев, которые никто не собирался светить перед начальством; например, обнаруженную в бандитском логове канистру с кизлярским коньяком), как появились мои ребята, они тащили раненых «духов». Пришлось быстро закруглять интересный разговор, согласившись на половину трофеев, хранителем которых до нашего возвращения будет лейтенант, и перейти к своим прямым обязанностям. Я должен был попытаться допросить захваченных ваххабитов. Но эти трое боевиков были весьма плохи, а чтобы привести их в надлежащую форму, нужно время, которого у нас совсем не было. Промучившись с этими недобитками минут пять, я плюнул на это дело и командовал забирать у разведчиков наше оружие и снаряжение. После того как ребята окончательно вооружились, я попрощался с разведчиками и приказал начинать марш.

За оставшееся до наступления сумерек время мы прошли совсем немного – всего-то километров семь, так как двигались очень осторожно, в горах быстро не походишь. Ночёвка прошла спокойно, а как только солнце встало, мы тронулись дальше по нашему маршруту. Нужно было спешить занять перевал, чтобы перекрыть один из возможных маршрутов движения ваххабитского каравана.

Вот, так идём мы уже десятый час и мечтаем только об одном, как бы побыстрее добраться до этого чёртового перевала. Дорога уже настолько вымотала всех, что бой с духами я, например, посчитал бы теперь как награду за нескончаемые мучения. Но я командир и должен идти через не могу. Что же делать, если мы уже и так выбились из графика, а перевал нужно занять сегодня в любом случае, кровь из носа, такой караван упустить нельзя. Так, аутотре-

нингом я внушал своему измученному телу – потерпи, нужно, брат, нужно! Говорил себе, что идущему впереди Дыне ещё тяжелей; к физическим нагрузкам добавляется ответственность за безопасность двигающихся за ним товарищей. Только такие мысли и заставляли двигаться вперёд, давая нестерпимое желание тела остановиться хоть на минутку, чтобы отдышаться и передохнуть.

Неожиданно идущий впереди Дыня буквально отпрыгнул в сторону и, находясь ещё в воздухе, непонятно каким образом смог дотянуться до спускового крючка автомата и послать очередь по ближайшим зарослям кустарника. В ответ разразилась истеричная пулемётная очередь, которая нещадно, пуля за пулей, прошивала моего боевого брата. Тело его содрогалось, переворачиваясь, и было отброшено на несколько метров. Но эту картину я смог восстановить в памяти только после боя, в момент же прыжка Серёги я упал и перекатом ушёл с нашей тропы. Из головы мгновенно улетучились все мысли, только голые инстинкты и вбитые инструкторами, боевые навыки.

Вражеский пулемёт ещё тархтел, а я, перекрикивая этот грохот, во всю мощь лёгких заорал:

– Первой тройке огонь конвейером, остальные за мной! – И на полусогнутых метнулся к находящейся неподалёку расщелине.

Увлечённый рассказом Саши, я непроизвольно воскликнул:

– Какой ещё такой конвейер? Как это он может спасти, если ты попал в засаду?

Саша как-то отстранённо на меня глянул, полностью находясь ещё в своих воспоминаниях, а объяснять дилетанту военную премудрость пришлось Флюру. Он мне как полному профану стал рассказывать о таком методе подавления вражеского огня:

– Понимаешь, Батя, огонь конвейером, это когда первый номер жмёт на спусковой крючок, пока не выстрочит весь магазин (три секунды), второй начинает вслух считать – «22, 23» (две секунды) – и тоже жмёт, за ним вступает в дело третий номер. За это время первый номер успевает поменять магазин и опять включается в огненный шквал. В ближнем бою под таким свинцовым ливнем ни одна сука и носа не высунет из-за укрытия. А остальным бойцам группы это позволяет совершить обход противника и уничтожить его с тыла. Так что – способ верный, вот только двигаться нужно быстро, а то от такого бешеного темпа ведения огня стволы перегреваются и уже после пятого магазина автомат можно сдавать в утиль.

Проведя для меня этот ликбез, Флюр замолк, а Саша продолжил своё повествование:

– Так вот, взбираюсь я по этой расщелине наверх и только перевалил через её край, как вдруг из-за большого камня появляются два духа. Я-то был готов встретиться хоть с самим чёртом, а вот они нет, за это и заплатились. А то, ишь, суки, спешили зайти нам в тыл, думали, русские по горам не умеют лазить, теперь пусть эти шахиды на небесах сожалеют о своей самоуверенности. Не задерживаясь на такую мелочь, как уничтоженные духи, я бросился дальше. Только краем глаза заметил как Хан, следовавший за мной, приостановился и произвёл контрольные выстрелы. На выгодный во всех отношениях утёс я взобрался вовремя – трое духов, не прижатые нашим конвейером, как раз собирались занимать более выгодную позицию. Но Аллах повернулся к ним спиной – попали, бедолаги, мне прямо на мушку. По двум духам я работал на уничтожение, ну а третьему, показавшемуся мне командиром боевиков, просто прострелил коленный сустав – гарантированно болевой шок, а язык нам нужен. Ну а дальше всё было просто, пока Щука с этого утёса контролировал местность и боевика, валяющегося без сознания, мы с Ханом подобрались к кустарникам, из которых по Дыне начал стрелять пулемёт, и просто, без затей, забросали их гранатами. После этого, как водится, глянули, что там творится, но вид внутренностей содержимого мясорубки как-то не вдохновил, вытаскивать четыре окровавленных тела совсем не хотелось. Поэтому, сделав на всякий случай по контрольному выстрелу на каждое лежащее тело, мы направились к месту, где оставался наш

боевой брат. Конечно, ничем помочь Сергею мы не могли, но хотя бы в последний раз прикоснуться к телу и попрощаться со своим товарищем были обязаны.

Прощание с Дыней было не долгим – времени, чтобы успеть выдвинуться к заданной точке, почти совсем не оставалось, к тому же предстояло ещё допросить главного над этими шакалами. Пока наша первая тройка хоть как-то пыталась пристроить тело Сергея, засыпая его камнями, чтобы до него не добралось зверьё, а после выполнения задания мы смогли достойно похоронить героя, я с Ханом пошёл допрашивать выжившего боевика. Злость душила меня, хотелось разорвать этого духа на мелкие части, но дело прежде всего, придётся изображать спокойствие. Загнав ярость поглубже, я принялся ещё успокаивать Флюра, который предлагал для допроса использовать самые жёсткие методы. Эту его злость и мстительную ярость к шакалам, убившим Сергея, удалось смирить только словами:

– Да пойми ты, этот гад наверняка упёртый фанатик, а после перенесённого болевого шока ему наши методы допроса до фонаря. Если не сможет переносить боль, то он просто отрубится или сдохнет, а нам, Флюр, необходимо получить от него сведения, и даже не об этом злосчастном караване, а о том, какая гнида нас подставляет. Два случая нападения на нашу группу уж очень сильно смахивают на предательство какой-то штабной крысы. Если первый раз можно было списать на подкуп боевиками какого-нибудь мелкого функционера, то уж после этого боя вырисовывается совсем мрачная картина. О нашем движении по этому маршруту знал только «полкан», вот и интересно узнать, откуда духи узнали, что мы пройдем именно тут? Случайно ли произошла наша встреча, или шакалы специально на нас охотились? Так что, Хан, никакого силового воздействия на пленного – будем использовать только химию. Забыл, что нам выделили две ампулы с новейшей разработкой сыворотки правды? Вот её и задействуем. Так как клиент плох – вколем ему сразу две дозы, и минут десять он будет отвечать на все наши вопросы. А потом уж как Всевышний решит – забирать его себе или оставить живым, чтобы он смог общаться с настоящими специалистами по допросам. Ты, Флюр, зажми себя и будь с этим гадом поласковой. Понял, Хан, руки ни в коем случае не распускать!

Все мероприятия по допросу боевика у нас заняли минут сорок. Львиную долю этого времени мы посвятили выведению клиента из бессознательного состояния. А сам допрос длился ровно семь минут; к сожалению, сердце боевика не выдержало ударной дозы спецсредства, и он с лёгкостью улизнул от нас в свой шахидский ад. Но за это время этот шакал, действительно оказавшийся командиром бандитской группы наёмников, выложил нам поистине бесценные сведения. И из них главным пунктом для решения нашей задачи была информация о том месте, куда прибудет ваххабитский караван. Без этих данных мы могли бы до посинения сидеть на перевале, ожидая его появления. Маршрут каравана оказался совершенно другим, боевики пойдут вовсе не там, где их ожидали федералы. Да и самого каравана как такового не было. Груз на вьюках должны были переместить только через границу с Грузией, дальше следовала перегрузка на автомобиле с пропусками «вездеходами», а там прямым ходом на главную базу боевиков – так называемый «большой зиндан». Выяснили мы и координаты этого «большого зиндана». По интересующей меня теме – крота в штабе группировки – допрашиваемый ничего конкретного не знал. Слышал только, что очень важному русскому из привезённых караваном средств полагается миллион долларов.

После того как наш клиент ушёл в мир иной, я минут пять решал, что же нам делать. По идее, полученные сведения следовало срочно по рации передать в штаб группировки, ну, по крайней мере, в нашу службу, и уже совместными усилиями накрыть и этот караван, и базу боевиков. Всё это так, но кто знает, какую должность занимает этот крот. Вдруг такую, что сможет расстроить всю операцию – просто так лимон баксов не платят, значит, шишка большая и от него много чего зависит. Проанализировав сложившуюся ситуацию, я решил всё же действовать собственными силами. Ну их, этих больших боссов, с их алчностью и стремлением въехать в свой буржуазный рай на костях простых сограждан, тут вопрос стоит о стабильности

в регионе и, в конечном счете, о судьбе России. Поэтому действуем сами и мочим всех на этой бандитской базе. Когда дело сделаем, тогда и будем связываться со всякими штабами, чтобы присылали вертушки для вывоза бабла и других трофеев.

В том, что мы сможем уничтожить охрану базы и всё там взять под контроль, я даже и не сомневался. По сведениям пленного, на базе сейчас находилось одиннадцать человек, из них только семеро бойцы, ещё двое занимались пленными и хозяйственными работами и даже автоматов не имели, а ещё двое, вообще, довольно пожилые люди. Один был духовным лидером ваххабитов, а второй эмир, он входил в большую восьмерку, руководившую всем сопротивлением на Кавказе. Эти двое были, пожалуй, подарочком поценнее, чем весь груз того каравана, за которым мы охотимся.

Так как у нас была всё-таки офицерская спецгруппа и каждый из ребят был весьма опытным и грамотным военным, я решил устроить свободный обмен мнениями. Дело предстояло трудное, и каждое предложение было важно для его успеха. Спрятав оружие, изъятые у боевиков (с собой взяли только пулемёт), мы отошли от места боя километра на три и там, в укромном месте перекусив, устроили своеобразное совещание. Особо торопиться было не нужно, поэтому мы смогли подробно всё обсудить и наметить план действий. Благо у нас имелась крупномасштабная, подробная карта окрестностей этого «большого зиндана», изъятая у боевика. И тот, совершенно безвольный после введения ему химического препарата, сам указал, где располагались два парных поста, охранявшие возможные подходы к ваххабитской базе.

К объекту подошли, когда солнце начинало клониться к закату. Накрапывал дождь, и мы, пользуясь сумерками и ненастной погодой, рассредоточились для завершающей фазы операции, после чего затаились на этих позициях. Планировалось начинать штурм базы в тот момент, когда туда прибудет груз. Деньги и наркотики боевики должны были с каравана перегрузить на Газ-66 с военными номерами. Вот этот грузовик в сопровождении «Уазика» с охраной мы и ждали.

Грузовик и «Уазик» подъехали в 8–57. Из автомобилей высыпали люди, одетые в нашу военную форму. Вскоре к ним подошли и боевики. Они стояли толпой и что-то обсуждали. Когда к этой группе приблизились два человека, одетых в гражданское, мы начали операцию. Хан и Петруха уничтожали вражеские посты, я работал пулемётчиком, ну а остальные добивали тех, кого я не смог достать. За Щукой были двое главарей этого скопища бандитов, те, что были без автоматов и одеты как обычные сельские жители. Щука должен был их только ранить, но так, чтобы они сразу потеряли сознание.

Однако всё пошло не так гладко, как планировалось. Напортачил Петруха; с того поста, который он должен был бесшумно уничтожить, раздалась автоматная очередь, правда, она тут же заглохла, но свою предательскую роль сыграла – бандиты как тараканы бросились врассыпную, пришлось, чтобы их быстро уничтожить, работать на полную катушку. Однако нескольким ваххабитам удалось прошмыгнуть в пещеру, где и находилось их лежище. Подобраться к этому каменному зёву теперь было проблематично – оттуда, не смолкая, долбили два пулемёта. Пока я думал, как незаметно приблизиться прямо к смертельной пасти этой пещеры, чтобы вклепить подарочек из гранатомёта, меня опередил Петруха. Как только был ликвидирован бандитский пост, Петруха явился к нам и пришёл не пустой, а с трофеем, который прихватил с собой, – это был РПГ. Вот из него он и произвёл чёткий выстрел прямо в зёв этой проклятой пещеры, с лихвой исправив допущенный им косяк при ликвидации бандитского поста.

Раздался взрыв, превысивший все мыслимые ожидания от воздействия выстрела РПГ, даже с учётом того, что он произошёл в замкнутом пространстве. Дрожь земли почувствовал даже я, хоть находился метрах в двухстах от пещеры. Из пещеры вырвался огромный сноп пламени, сопровождаемый градом осколков, включая довольно крупные, которые разлетелись веером метров на сто пятьдесят от убежища бандитов. Затем из скального провала повалил чёрный дым; не иначе у ваххабитов в этой пещере имелся запас взрывчатки, вот он и детони-

ровал от выстрела РПГ. После такой мгновенной чудовищной встряски наступила гнетущая тишина, а может, это только так мне казалось, просто заложило уши после такого мощного взрыва. Даже щебета птиц я не слышал, пришлось полагаться лишь на зрение, напряжённо вглядываясь в застывшие на земле тела боевиков и окружающую местность в попытке засечь хоть какое-нибудь движение. Но никакого движения не было, казалось, даже ветер стих, не смея нарушить спокойствие в этом царстве мёртвых, хотя спустя мгновение шальной порыв его выдул из обшивки «Уазика» тонкую струйку дыма. Надо же, до него долетел один из горящих осколков. Это обстоятельство резко подстегнуло меня к немедленным действиям, ведь если Уаз загорится, пламя быстро перекинется на стоявший рядом Газ-66, в котором, собственно, и находится то, из-за чего мы все рисковали, из-за чего погиб наш товарищ Дыня. Нельзя этого допустить. И я, рискуя и не выжидая положенного времени, чтобы убедиться, что все боевики уничтожены, бросился к автомобилям.

Но ничего не произошло, никто не стрелял в ответ и ко мне присоединились остальные ребята, все кроме Шуки, который на своём месте продолжал внимательно контролировать окружающую местность. Вскоре мы потушили Уаз, и я отослал Хана с Петрухой проверить, что осталось в пещере, где произошёл взрыв, а сам занялся единственным выжившим ваххабитом, которого всё-таки успел ранить Шука. Им оказался эмир, всё ещё продолжавший лежать в беспомощности от болевого шока. Остальные ребята пошли проверять соседнюю пещеру, служившую для ваххабитов тюрьмой. Собственно из-за этого бандитское логово и называлось «большим зинданом».

Первыми вернулись Хан и Петруха. Ребята выглядели несколько прибалдевшими. На мой вопрос, что там творится в пещере, Флор, криво улыбаясь, заявил:

– Да ничего, печь крематория там, совмещённая с разделочным цехом мясокомбината. Дух – страшный, а по углам негоревшие куски человеческих останков. Слабонервным лучше не смотреть.

Неожиданно со стороны пещеры, где содержались удерживаемые ваххабитами люди, раздался дикий вопль. Ребята бросились туда, а я задержался, нужно было закончить с единственным нашим пленным. Я только что обработал его рану, теперь необходимо было связать гада – чувствовалось, скоро очнется. Я быстро стреножил эту важную птицу и поспешил к ваххабитскому зиндану.

Мне всё ещё снится тот кошмар, который я там увидел. Пара связанных доходяг, лежащих у входа в эту пещеру, это ладно, а вот внутри каменного мешка меня ждал настоящий ужас. Во-первых, запах – непередаваемый, состоящий из чудовищной смеси вони выгребной ямы, гниющего мяса и духа мертвечины. Мертвецы были свалены в большую кучу, у всех были отсечены конечности, и не просто ровно отрезаны, концы ран были взлохмачены так, будто мясо из них вырывали зубами, ну, в лучшем случае, перепиливали самодельным резцом из камня. Нечто похожее на это орудие пытки валялось рядом с горой трупов, у большого плоского булыжника, служившего, по-видимому, разделочным столом. А ещё в этой пещере была небольшая ямка, заполненная полужидким дерьмом, по мерзкой вонючей поверхности которого плавали полусгнившие части человеческих тел.

И мухи... тучи жирных навозных мух, так и норовящих забраться под одежду. Невозможно было нормальному человеку выдержать даже минуту, находясь в этом рукотворном аду. Я тоже не выдержал и уже через несколько секунд выскочил оттуда на свежий воздух – даже фонарик не сообразил выключить.

Несколько минут не мог произнести ни слова, остальные ребята тоже молчали, уставившись на бывших узников этого ада, лежащих связанными на земле. У этих людей были совершенно нечеловеческие глаза; как чистые звери, они конвульсивно дёргались, мычали и пускали слюни из заросших грязными волосами ртов. Гнетущее молчание нарушил Флор, он охрипшим голосом произнёс:

– Ты понял, командир, кого мы завалили, что они делали с нормальными людьми. Эти уроды просто заталкивали захваченных людей в каменный мешок и больше к ним не подходили. Они не давали им никакой еды, может, и воды тоже. По принципу – пожирайте неверные друг друга, испытайте за свою веру или неверие муки ада прямо на земле. Ненавижу гадов! И баксы, что мы нашли в «Уазике», брать не буду – страшно смердят эти деньги. Кажется, возьмёшь и сам провоняешь дерьмом.

Остальные ребята полностью поддержали Флюра, я тоже. Хотя, казалось бы, честно отвоёванный трофей, но какая грязь и кровь на нём. А вроде бы так всё удачно получилось, такой ценный подарок лежал в «Уазике» – большой кейс, доверху набитый долларами. Наверное, ваххабиты отложили их, чтобы передать своему поделнику в наших властных структурах. Когда мы вытащили этот кейс из потушенного «Уазика», сначала подумали, что это подарок свыше за наши мучения, опять же, средства для того, чтобы оказать помощь семье Дыни. Тогда мы решили, что пятьсот тысяч передадим семье Дыни, а остальные поделим между собой по-братски. Но теперь, после того как каждый из нас всего на несколько мгновений заглянул в этот проклятый адский зиндан, мы переиначили наш договор. Пятьсот тысяч так и пойдут семье Дыни, но не сраными этими деньгами; на эти средства ближайший друг Дыни Щука приобретает хорошую квартиру, обставляет её и вручает ключи жене Серёги. Парень так мечтал жить в нормальной квартире, где было бы место для его двух пацанов, так пускай хотя бы после его гибели семья получит эту жилплощадь. А если наше щедрое государство всё-таки разродится и выделит его семье квартиру, её можно будет сдавать – всё какой-то доход сверх нищенской пенсии по утере кормильца. Остальные деньги было решено передать в детские дома и в фонд помощи ветеранам, часть средств в церкви и мечети – пусть молятся перед Всевышним за упокоевание душ, сгинувших в этом зиндане.

Все обговорив, мы начали действовать. Во-первых, сожгли «Уазик» дотла – рубили, так сказать, концы. Если выживший ваххабит на допросе скажет, что был ещё миллион долларов, перевозимый в «Уазике», то вот вам, пожалуйста, обугленные останки автомобиля. Во-вторых, Щука с Ханом, захватив доллары, направились их прятать вблизи дороги, что находилась километрах в семи от нас. Ну а мы, выждав некоторое время, вызвали вертолёты для эвакуации отбитого груза и пленного, который пришёл в себя минут через двадцать после того, как мы сожгли «Уазик». А ещё на место этого боя должна была прилететь комиссия. Большие чины теперь будут дотошно изучать эту ваххабитскую базу. Я во время сеанса связи посоветовал взять с собой побольше успокоительных средств, без них мы рискуем лишиться цвета штабного воинства.

Вот так, Батя, и закончилась та злосчастная операция, в которой мы потеряли нашего боевого брата. После неё каждый из нас имеет большой зуб на «полкана», хотя, конечно, может, и зря – ведь проведённое расследование и допрос выжившего ваххабита никак его не скомпрометировали. Крота в штабе группировки вроде бы нашли, но, не знаю – слишком этот майор мелкая сошка, не мог он многие вещи знать. Да майорам никто и не платит миллион баксов! Так что дело о «полкане» у нас осталось под вопросом, и мы его ещё будем разрабатывать. Если продался, гад, рано или поздно выясним это и он ответит нам за смерть Дыни по полной.

Саша замолчал, задумавшись. Молчал и Флюр, отстраненно ковыряясь в разделанной рыбе. Чтобы как-то сбить такой мрачный настрой, я начал рассказывать истории из своей биржевой деятельности, периодически доливая ребятам пиво. В конце концов, молодёжь развеселилась, разговор пошёл общий – грустные воспоминания отступили перед напором здоровой психики и молодости. И к тому же горячо натопленная парилка немало поспособствовала очистке мозгов от страшных воспоминаний.

Глава 4

На следующий день, а это был понедельник, просматривая информацию по интернету, ничего интересного и угрожающего я не нашел. Ребята в это время развлекались – катались по первому снегу на снегоходе. Часам к шести приехали с работы соседи Володя с Николаем, подтянулись к нам, и гульбище продолжилось. Приняли в этом участие и Валера с Сергеем. Я всех познакомил со своими гостями. Сидели не очень долго, часов до одиннадцати вечера; наступал вторник, всем, кроме нас, на работу.

Проснулся как обычно, в восемь часов утра, позавтракав, сразу сел за компьютер просматривать новости. Изучая данные по последствиям столкновения с метеоритом, я сразу натолкнулся на информацию о подозрительных проявлениях активности у вроде бы давно потухшего супервулкана в Йеллоустоне. Его гигантский кратер расположен в западном штате США – Вайоминг. Именно на территорию этого штата и упал позавчера метеорит.

Об этом самом большом из супервулканов я когда-то читал. Он находился в США на территории Национального парка Йеллоустон, известного своими гейзерами и горячими источниками. Там даже был создан специальный институт, который занимался изучением этого феномена. На фоне недавних событий я стал более детально изучать всю информацию о вулкане и вот что вычитал: «Эта, изрыгавшая некогда огонь и лаву, яма имеет длину 100 километров, ширину 30 километров, а её общая площадь составляет 3825 квадратных километров. Как было установлено, резервуар с магмой находится совсем рядом с поверхностью кальдеры, на глубине всего 8 километров. При этом запасы его таковы, что супервулкан может извергнуть более 2,5 тысяч кубических километров вулканического вещества. Предположительно – три извержения супервулкана Йеллоустон имело место в истории на протяжении цикла 600–700 тысяч лет. То обстоятельство, что самое последнее извержение произошло 640 тысяч лет назад, говорит, что вулкану уже давно пора проснуться. В 1999 году английский геолог, профессор Макгир подготовил для правительства Великобритании специальный доклад, в котором заявил, что по его расчётам, Йеллоустон должен взорваться в 2074 году».

Нельзя сказать, что США не знали о катастрофе, которая могла произойти, по этой проблеме был создан целый Научный Совет при президенте и специальный институт для изучения вулкана и всех явлений, связанных с ним. И сейчас из этого института начала поступать угрожающая информация:

«За одни сутки почва поднялась на 20 сантиметров, и может произойти не только извержение, а даже взрыв вулкана».

Делался вывод: «Такому неожиданному усилению активности супервулкана, видимо, способствовало падение метеорита. По прогнозам некоторых специалистов взрыв может произойти буквально в течение трех-пяти дней».

В комментариях и предположениях по этой информации выдвигались гипотезы, что и гибель динозавров, возможно, была вызвана взрывом вулкана такого же типа. Также высказывалась гипотеза, что если этот Супервулкан взорвётся, это будет конец цивилизации, и, вообще, всему живому миру придёт конец, так как при взрыве будет выброшено в атмосферу такое количество газа и сажи, что наступит зима, а температура воздуха может опуститься до космических величин.

Особенно меня напугал прогноз, сделанный одним из научных специалистов, который сообщал о взрыве супервулкана следующее:

«Мощность будет соответствовать десятку тысяч Хиросим, в небо на высоту до полутора сотен километров взметнутся столбы раскалённых газов и пепла. Одновременно пирокластические потоки помчатся вдоль поверхности Земли. Через несколько часов большая часть выброшенного пепла начнет оседать, покрывая им целые государства. Слой до 8 сантиметров

будет покрыт весь мир. Он создаст эффект «вулканической зимы», почти ничем не отличающейся от «ядерной зимы» – эффекта, возникающего при глобальном ядерном конфликте и рассчитанного впервые более двадцати лет назад советским математиком Н. Н. Моисеевым».

Ко всему прочему это сообщение нагнетало ещё и такие страхи: «На всей Земле будет сильное землетрясение, образуется мощное цунами, прольётся колоссальный метеоритный дождь».

Весь массив подобной информации опять чрезвычайно возбудил мои, еще не улёгшиеся после падения метеорита страхи, хотя я не раз давал себе слово не становиться смешным, легко поддаваясь на всякие панические слухи. Однако природная осторожность и предусмотрительность всё равно победили, тем более, наличие свободных средств – чуть менее двух миллионов рублей – давало мне прекрасную возможность активно действовать.

На восемьдесят тысяч рублей я уже закупил продукты в магазине «МЕТРО», а теперь решил и оставшиеся наличные деньги, плюс средства, находящиеся на банковских пластиковых карточках, тоже потратить на продукты, бензин и топливо. Тем более что в случае хорошего развития ситуации, на бирже я легко смогу отбить эти деньги в течение двух-трёх месяцев.

План закупок сложился как-то тоже очень быстро – не зря мы ездили с ребятами в Тулу и нашли там оптовый склад. Распечатав найденные в интернете материалы по супервулкану, я позвал всех в комнату, где стоял компьютер, и обрисовал складывающуюся ситуацию, дав почитать распечатанные комментарии и прогнозы. А что в результате? Все присутствующие только в очередной раз подивились моему чудачеству. Но, как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку, поэтому мне не составило труда быстро убедить ребят действовать по моему плану...

В Тулу мы решили ехать на двух машинах – «Газели» и «мерседесе», чтобы с лихвой запастись там всем тем, что долго хранится и не боится морозов. Кстати, из всех гипотез о последствиях взрыва вулкана я хорошо запомнил информацию о том, что похолодание может продлиться от 5 до 10 лет и замёрзнет всё, даже океан на экваторе. Теперь же срок в 5 лет был мной выбран как минимальный ориентир на нужное нам количество продуктов.

Конечно, я понимал, что такую уйму груза мы не сможем привезти – не хватит ни средств, ни времени, но запас, хотя бы года на два, я хотел иметь. Потом можно будет пошарить по складам и другим местам. Если катастрофа всё-таки произойдёт, я был почти уверен, что вся инфраструктура мигом рухнет и власти ничего не смогут с этим поделать. Единственно возможное, что успеют, а, главное, захотят сделать – в атомных убежищах спасти себя и своих приближённых. Но смогут ли они продолжать контролировать ситуацию в течение длительного времени, если температура опустится ниже минус 100 градусов – это большой вопрос. Такой же вопрос возникал, конечно, и касательно нашей судьбы, но я собирался бороться до конца всеми доступными средствами и сверх того.

За продуктами в Тулу мы выехали только в 11 часов, добираться до продовольственной базы было часа полтора. Прибыв на место и заняв очередь на обслуживание, я направился в контору оформлять и оплачивать закупку – перед нами была очередь из трёх машин. Во время предыдущего приезда за «Арсенальным» я узнал, что желательно, тем более при закупке больших партий товара, оформлять договор на юридическое лицо. У меня от прошлого занятия бизнесом оставалась печать малого предприятия, официально оно еще продолжало существовать, хотя никакой деятельности уже не велось. Я решил воспользоваться этой печатью, тем более этот факт снимал массу ненужных нам вопросов у администрации базы и позволял легально закупать любое количество товара. Я задумал воспользоваться легендой о том, что мы открываем новый продуктовый магазин в посёлке, недалеко от города Ясногорска, а для этого нам нужно приобрести массу различных продуктов – крупы, сахара, соли и консервов, в основном тушенки, так как дачники, да и местные жители неплохо это всё покупают.

Заклучив договор о поставках, мне удалось добиться у руководства и довольно значительных скидок – я пообещал в дальнейшем закупаться только у них. Загрузившись, мы оставили оплаченный заказ, пообещав ещё сегодня приехать за ним. Обрадованная крупной закупкой, администрация гарантировала, что нас обязательно дождутся и непременно загрузят, даже если придется продлить время работы. Всего мы забили в две машины не менее двух с половиной тонн продуктов. На второй заезд заказали продуктов общим весом около трёх тонн, половину составляли различные консервы.

Приехав домой, мы разгрузились, успели перекусить и около 18 часов уже вновь были на продуктовой базе, чтобы забрать новую партию товара. Пока ребята загружались, я пошёл искать банк, в котором можно было снять наличные деньги с пластиковых карточек Сбербанка. Денег этих было довольно много, их всё равно пришлось бы снимать, ведь я чувствовал, что с такими темпами закупок наличных нам не хватит. Найдя отделение Сбербанка, заказал деньги на завтра. Сразу в кассе такой суммы не было, тем более что валюту я попросил сразу конвертировать в рубли. Возвращаясь обратно, проходил мимо аптеки и решил, что мы обязательно заглянем туда на обратном пути.

Ребята уже загрузились и ждали только меня. Заехав в аптеку, мы купили довольно много лекарств, включая все витамины и биодобавки, которые там были в наличии, объяснив это тем, что надолго уезжаем на Север. После такого удачного посещения аптеки мы наконец-то отправились домой. На улицах Тулы всё было совершенно спокойно, радио тоже не выдавало никакой тревожной информации. Приехав на дачу, я первым делом пошел посмотреть, есть ли новые сведения по супервулкану в интернете.

И не зря, информация по Йеллоустону постоянно нагнеталась, становясь всё тревожней: «...Почва поднялась уже более чем на 80 сантиметров.

...Сегодня срочно собирается Научный совет при Президенте США.

...Профессор Макгир, английский геолог, заявляет, что взрыв может произойти буквально в ближайший день, два...»

Так что, мои прежние опасения только усилились. Вечером, часам к десяти я решил пригласить к себе всех соседей, находившихся сейчас в нашем посёлке, рассказать им о сложившейся ситуации и вместе подумать, что делать. Тем более что, исходя из суммы, которую сегодня потратил, всех моих денег, если закупать такими же темпами продукты, хватит ещё не более чем на два дня.

Надо отметить, что собрались все сразу и без опоздания. Пришли Володя с Галей, Коля с Ириной, Игорь явился без жены (она осталась с ребёнком), были ещё строители Валера с Сергеем, естественно, все наши гости и моя Маша. Я всё подробно изложил, показав в ноутбуке все ссылки по этой теме. Сказать, что народ был в шоке, значит, ничего не сказать. Даже Саша с Флюром были заметно взволнованы, они в первый раз собственными глазами увидели, каков был объём тревожной информации, и легко могли наблюдать нарастающую панику в комментариях по ситуации вокруг супервулкана. У Гали и вовсе начался истерический припадок, она постоянно нервно вскакивала, с намерением немедленно ехать в Москву, чтобы привезти сына сюда. Я, как мог, успокаивал присутствующих:

– Если взрыв вулкана произойдет, то он случится не вдруг, у нас, по мнению учёных, имеется в запасе по крайней мере два-три дня, тем более две трети специалистов считают, что и вовсе ничего не произойдёт, так как вулкан уже давно выродился.

Однако при этом я настоятельно порекомендовал:

– Не позднее завтрашнего дня привозите сюда своих детей и близких родственников, потом неизвестно, как сложится ситуация.

Затем, подумав немного, с присущей мне предусмотрительностью посоветовал:

– Да, особо не распространяйтесь о надвигающейся катастрофе, а то все будут смотреть на вас как на идиотов и реагировать соответственно. Те же, кто обладает полной информацией

по этой теме и стоит у власти, постараются ещё и заизолировать где-нибудь, чтобы не распространяли панические слухи.

И привёл всем такой пример:

– Ни по телевидению, ни по радио и даже на уровне слухов никаких намёков на надвигающуюся катастрофу нет. Вы сами узнали обо всём только сегодня, от меня. А значит, кто-то очень боится возникновения паники и намертво глушит любые намёки на серьёзную ситуацию с Йеллоустонским супервулканом, ухудшающуюся с каждым часом.

Наконец я заметил, как люди немного успокоились, стали адекватно себя вести, размышлять и строить планы дальнейших действий. Хотя, прямо сказать, чувствовалось, что многие так и не восприняли серьёзно полученную информацию. Например, Валере и Сергею было невероятно жалко вкладывать те немногие, заработанные с большим трудом, средства, в предстоящую закупку продуктов и прочих, нужных для выживания вещей. Видно было, что жалко денег и многим другим, поэтому я поспешил несколько успокоить их, пообещав:

– Если ничего не произойдёт в течение десяти дней, половину понесённых затрат я возмещу.

После этого сообщения конкретное обсуждение нужных действий пошло гораздо веселее. В конце мы договорились, что я, Саша и Флор продолжат закупать продукты. Володя с утра поедет в Москву за сыном и там наберёт лекарств, а в особенности витаминов, если же останутся деньги и место в машине, то ещё и продуктов купит. Володя пообещал мне, что он снимет все деньги со своей карточки и Галиной тоже, возьмет всю имеющуюся у них наличность и привезёт полную машину нужного товара – у него был джип «Шевроле Блайзер». Так же он высказал ещё одну здравую мысль:

– Если случится взрыв вулкана, то произойдёт колоссальный выброс вредного, опасного для жизни газа, большие проблемы будут с чистым воздухом. У меня на складе в институте много воздушных лабораторных фильтров, есть и воздухопровод, куда вставляются эти картриджи. Собрать систему со всасывающим вентилятором из уже имеющихся комплектующих материалов можно достаточно быстро. Так что всё это нужно привозить сюда.

Привезти и собрать фильтр согласились Валера с Сергеем, автомобиль предоставлял Николай – у него в сервисе была грузовая «Газель». Со строителями в институт вызвалась ехать Галя – она сможет обеспечить доступ на склад и беспрепятственный вывоз оборудования. И ещё она предложила:

– Нужно вывезти также и запас овощей, числящийся за моей лабораторией.

Оказывается, в её институте находилось небольшое овощехранилище для питания подопытных животных, там было несколько тонн картофеля, капусты, моркови. Этот факт меня обрадовал, потому что весьма проблематично было купить на рынке большое количество качественных овощей, а без них никак.

Коля обещал заняться закупкой горючесмазочных материалов, тем более у него имелись связи на заправках, также он мог достать бочки, куда можно будет залить приличное количество бензина и дизельного топлива.

Игорь должен был обеспечить доставку медицинского оборудования, а также на все имеющиеся деньги обещал закупить лекарств и витаминов, для чего завтра собирался съездить на оптовый фармацевтический склад.

Разошлись мы достаточно поздно – время уже приближалось к двум часам ночи. На следующее утро я сразу сел за компьютер и вошёл в интернет – никаких улучшений в Йеллоустоне не наблюдалось, но и резких ухудшений тоже, всё как будто законсервировалось. Но планов по нашим действиям я менять не собирался – что решили, тому и быть.

В девять часов мы, опять на двух машинах, выехали в Тулу на продуктовую оптовую базу. В этот день были намерены сделать две, а если получится, то и три ездки, тем более что загружать нас теперь будут намного быстрее – товар уже подобран и оплачен. И действительно,

в этот день удалось сделать всё по максимуму. Правда, ребята изрядно вымотались, ещё бы, ведь, если считать только силы, потраченные на дорогу, то наездили мы за тот день около 600 километров, а на «Газели» это было сделать ещё тяжелее – максимально на трассе разогнались до 90 километров в час.

Работали весь день без обеда, перекусывая бутербродами, и то, только во время загрузки машин на базе. Последнюю партию разгрузили лишь к восьми часам вечера, всего за этот день завезли восемь тонн продуктов, примерно всё в том же ассортименте... Единственное, что добавилось, это по пять коробок чая и чешских сухих супов в пакетах.

Извинившись перед соседями, которые уже собрались в большом зале у камина, мы с ребятами быстро перекусили в столовой и пошли обсуждать с собравшимися кто что сделал за сегодняшний день. Валера с Сергеем всё ещё ковырялись с воздухозаборной системой, установить которую решили у меня в доме, в душевой комнате на первом этаже, в ней было маленькое окошко. Сняв створки со стёклами, ребята в окно просунули квадратную трубу воздухозаборника, а оставшиеся промежутки запенили монтажной пеной.

В этой системе было два фильтра. Один – тонкий – оказался снаружи окна на улице, это был фильтр грубой очистки, он предназначался для очистки воздуха от пыли и других крупных образований. Второй – толстый, картриджный фильтр, находился в доме, работал даже лучше противогаса и гораздо производительнее. Сам картридж служил намного дольше. Замена фильтров производилась очень просто – сбоку трубы воздуховода вынимался использованный картридж и вставлялся новый. Причём использовать фильтр для грубой очистки можно было многократно, просто промывая его водой. В душевой комнате устанавливался и вентилятор – забор наружного воздуха осуществлялся принудительно, за счет этого в доме создавалось небольшое избыточное давление, и внешний атмосферный воздух не мог в него попасть. По вопросу обеспечения дома чистым воздухом Валера с уверенностью заявил:

– Мы с Серёгой завтра обязательно окончательно установим всю эту систему. Так что можете спокойно заниматься своими делами – от удушья никто не помрёт.

Он немного помолчал, а потом, ухмыляясь, добавил:

– Но денег мы всё равно не дадим! Нам семьи кормить надо... Не все же здесь миллионеры!

У Володи, который хоть и доставил машину, набитую под завязку лекарствами и продуктами, не вышло сделать самого главного – он не привёз сына. Оказывается, тот уехал с подругой отдыхать в Египет на две недели. У Гали опять случилась серьёзная истерика, но я её довольно быстро успокоил:

– У вашего сына, пожалуй, самые высокие шансы на выживание. Во-первых, Египет недалеко от экватора, а там самые тёплые на Земле места, и, во-вторых, это очень далеко от Америки, вот кому я бы действительно не позавидовал, так это, собственно, американцам.

Про себя я думал совершенно иное: и то, что южным странам придётся на самом деле намного тяжелее, и то, что там ничего не приспособлено к функционированию при минусовой температуре – ни дома, ни инженерные коммуникации, ни сами люди. Они все обречены, если океан замёрзнет и минусовая температура продержится не меньше года. Северные страны в этом смысле в лучшем положении, даже касаясь больших минусовых температур. Всё-таки утеплённые зимние дома и большие запасы топлива, подготовленные заранее к длительной, затяжной зиме. К примеру, у нас в России есть такие районы, где не редкость и температура ниже минус 60 градусов.

Кстати о топливе, у нас его было заготовлено явно недостаточно для поддержания тепла при сверхнизких температурах, и я всех поспешил озадачить этой проблемой, вспомнив, что недалеко от нас находился зимний пионерский лагерь, где имелась угольная котельная. Как-то проезжая мимо, я заметил целую гору угля, сваленную у этой котельной.

Особо порадовал Николай, он пригнал бензовоз – на базе автомобиля КамАЗ, полный дизельного топлива (там его было восемь тысяч литров). Он объяснил, что взял машину в займы на десять дней в Серпуховском «Автодоре», где у него работал приятель главным инженером этого предприятия. В «Автодоре» использовали этот КамАЗ для заправки тяжёлой строительной техники, и через неделю нужно было отдать его обратно с таким же количеством топлива. Там же он добыл пустую прицепную бочку и у каких-то знакомых на заправке залил в нее три тысячи литров бензина АИ95, истратив на это все свои наличные средства. Всю эту технику он пока оставил на своём участке. Детей он тоже успел перевезти на дачу, родители, правда, ехать с ним отказались, обозвав легковым идиотом.

Игорь тоже, как и обещал, привёз довольно много лекарств и витаминов, также он взял из своей больницы кучу медицинских инструментов и некоторое оборудование, тоже временно, на несколько дней.

Вечерняя информация из интернета по поведению супервулкана успокоения и облегчения не принесла, подъём грунта продолжался, правда, теперь уже более медленными темпами. Поэтому мы решили продолжать начатое дело: я вместе с Сашей возить продукты, Коля с Флюром и Игорем заготавливать уголь, а Володя пообещал взять еще два грузовика из института, может, даже с грузчиками. И ещё он посоветовал:

– Уголь нужно возить не с котельной, а со станции в Ясногорске, я договорюсь с руководством угольного склада, топливо нам отпустят без денег, по гарантийному письму моего предприятия...

Коля вслед за этим сообщением тоже пообещал:

– А я договорюсь с Палычем из «Автодора», и он выделит на несколько ездов пару самосвалов КамАЗ. Но за это Анатолий должен будет поставить ему потом литр...

На эту подковырку я почти закричал:

– Дорогой! Какой литр! Да если всё нормализуется, я ему все эти КамАЗы забью ящиками с водкой...

На «Газели» Николая и на грузовике, который собирался брать Володя в институте, решили возить уголь, расфасованный в бумажные мешки «крафт». На станции была линия фасовки, правда, за это нужно было заплатить наличными фирме, которая занималась продажей угля населению в розницу. Деньги на это Володя обещал найти. Второй обещанный «Бычок» должен был под контролем Гали вывезти как можно больше овощей с институтского овощехранилища, если грузчиков не дадут, то их заменят Валера с Сергеем. Но до этого они должны с самого утра подготовить место, куда будут самосвалами сгружать уголь – склотить из досок короб, оббить его железными листами и только потом уже ехать грузить овощи, или заканчивать с системой очистки воздуха. Если грузчиков всё же выделят, разгружаться всё равно придётся своими силами, так как посторонним людям не следовало знать, куда увозится такая уйма овощей. Управлять грузовиком собирался сам Володя.

Погода, кстати, наладилась, оттепель сменилась на более высокую, плюсовую температуру, снег практически везде растаял, так что вполне можно было работать. В этот день мы разошлись отдыхать около одиннадцати вечера. Выспавшись, я встал в семь часов и, как обычно, начал просматривать информацию из интернета.

Обстановка вроде бы устаканивалась, все страшные прогнозы и панические посты куда-то исчезли – как корова языком слизнула. Даже биржа пошла в рост, хотя до этого была довольно значительная просадка, и я нёс большие убытки.

Меня обуревали противоречивые мысли. С одной стороны – будет просто прекрасно, если катастрофы не произойдет. А с другой, опять я облажаюсь, и все снова будут смотреть на меня как на чудака и маниакального паникёра, только теперь не только в семье, но и на даче, да, наверное, и по всему посёлку разнесётся. Но для себя я решил, если ничего не произойдет, придется возместить каждому полностью все понесённые затраты, а запасённые продукты

передам или в детский дом, или в дом престарелых – ничего, не обеднею, всё равно все затраты в полгода, ну в крайнем случае за год точно возмещу. Сейчас что-то останавливать или менять было уже поздно.

За первую партию заказанных на сегодня продуктов было уже уплачено, поэтому, без былого пыла и истерического настроя, я собрался и пошёл завтракать, ребята уже сидели в столовой, они тоже были молчаливы и задумчивы, чувствовалась усталость от непрерывных поездок. Наши женщины и вовсе находились в весьма дёрганом, нервном состоянии. Поэтому, в Тулу мы с Сашей выехали в подавленном настроении. Пока ехали, никакой информации по радио о вулкане я так и не услышал, только по «Маяку» какой-то экономист объяснил резкое колебание американского фондового рынка имеющейся информацией о возможном извержении вулкана в Йеллоустоне. Но у неподготовленного слушателя информация об извержении какого-то вулкана, да ещё где-то в Америке, никакого страха, а тем более паники, скорее всего, породить не могла.

Поездки на продуктовый склад приобрели уже рутинный характер – только приехали на базу, как нас быстро загрузили, а я подобрал и оплатил заказ на следующий приезд, и мы покатали обратно в посёлок. Здесь уже в коробе, сколоченном Валерой и Сергеем, лежала гора угля. Как объяснили ребята, самосвалы один раз приезжали, второй раз водители обещали привезти уголь часа в два.

Воздухозаборник нашим работягам оставалось делать часа четыре, не больше. К этому времени обещали привезти уголь и Флор с Колей. Быстро разгрузившись, мы поехали за второй партией товара. Деньги, снятые для покупки автомобиля, у меня уже кончились. Правда оставались практически нетронутыми средства, снятые с карточек, почти миллион рублей, а это значило, что хватит, максимум, на три ездки – ещё две сегодня и одну завтра, последнюю. После чего можно будет отдохнуть и подождать с недельку, наблюдая, какие события будут твориться в мире.

В последнее время мы начали ездить в Тулу только с Сашей, решив, что Флор будет помогать в завозе угля, там, при разгрузке, его руки будут явно не лишними. К часу дня должен был прибыть Володя с первой партией овощей, он уже позвонил мне и заявил:

– Всё тип-топ! Грузчиков выделили! Товар коммуниздим...

Погода для тридцатого октября стояла прекрасная, было довольно сухо, температура держалась около плюс 2 градусов, поэтому второй раз мы обернулись достаточно быстро, часа за три. Когда мы вернулись с очередной партией продуктов, все мужчины разгружали уголь в мешках – его решили складировать в гараж, возле маленьких ворот, чтобы было удобно носить к дому. Мешки были килограммов по тридцать, всего в этой партии их было сто семьдесят штук. Ребята спешили, чтобы успеть сделать ещё одну ездку. Финансировал эту закупку угля Николай, для этого он снял деньги со счета в банке. Кроме этого, ему всё-таки выдали все деньги, имеющиеся у них, Валера и Сергей. Общий психоз затягивал, не выдержали даже такие прижимистые мужики, как наши «бульбаши».

Володя уже один раз сделал ходку на «Бычке», привез 4 тонны картошки, сейчас поехал за овощами по второму разу, при этом просил передать мне, что машину на завтра получить не удастся, так как она будет нужна в институте.

Самосвалы тоже сделали вторую ходку с углем и, как уже предупредили Николая, это была последняя – их снимали и перебрасывали на другую работу. Хотя эти услуги, если честно, нам уже были и не нужны, ведь вся сколоченная ёмкость была теперь заполнена углём до краев – его там было тонн тридцать, не меньше. Чтобы не отвлекать ребят от работы, мы с Сашей сами разгрузили привезённые продукты, к этому времени они закончили и с углём. Мы все пошли в дом немного перекусить, где, переговорив с мужиками, я пригласил их вместе с женами приходить к нам в гости часам к семи. Нужно было всё обговорить, заодно и расслабиться, ведь

ещё оставалось почти пять ящиков пива, купленного в Туле, и, вообще, от работы даже конидохнут.

В третий раз в Тулу мы с Сашей выехали в половине четвёртого, хотя ещё светило солнце, но стало как-то быстро холодать, и ветер усиливался. Однако ехать было легко и приятно – дороги чистые, сухие, так что до складов мы добрались за один час двадцать минут.

Загрузили нас тоже достаточно быстро, мы, как обычно, заказав и оплатив товар на завтра, выехали обратно в посёлок. Погода совсем испортилась, пошел мелкий ледяной снег. Пока ехали по Симферопольскому шоссе до поворота на Пущино, началась сильная метель, стало очень скользко, к тому же уже стемнело, поэтому после поворота мы двигались очень медленно, не более 30 километров в час. Даже находясь за рулём своего «мерседеса», где имелаась антиблокировочная система и прочие причиндалы для безопасного движения, я заметно чувствовал скользкость дороги – лампочка АВС часто загоралась. «А каково же сейчас Саше управлять «Газелью», – с сочувствием подумал я.

Не доезжая где-то километра три до поворота к нашему посёлку, меня начало бросать по дороге то вправо, то влево. Я резко затормозил, досадуя, что, видимо, пробил колесо и сейчас в темноте, при такой плохой погоде придётся его менять. Остановившись, попытался выйти из машины, но в этот момент опять начало сильно трясти, всё зашаталось, и меня резко откинуло обратно на сиденье. «Такое может быть только при землетрясении, – подумалось мне, и сердце испуганно ёкнуло. – Неужели проклятый вулкан всё-таки взорвался?»

Страх и какое-то неожиданно беспомощное состояние вдруг овладели мной. Я неподвижно сидел, находясь в полной прострации, будучи не в силах что-либо сделать. Очнулся только от резких толчков в бок, это был Саша, который что-то громко кричал мне на ухо. Только через несколько мгновений я начал понимать смысл этих выкриков. Оказывается, его выбросило с дороги, и он не свалился в кювет только благодаря нашей низкой скорости и валу снега на обочине, который собрали при чистке полотна. «Газель» носом уткнулась в этот вал, и без посторонней помощи Саша выехать оттуда не смог. Несмотря на бурную деятельность, которую мы развили по вытаскиванию машины из сугроба, освободить «Газель» удалось только минут через тридцать. Я на своём «мерсе» сжег, наверное, все покрышки до корда, освобождая «Газель» из снежного плена – если бы не шипованная резина, вряд ли это удалось бы сделать.

Пока занимались вытаскиванием машины, произошло ещё несколько сильных толчков. Самое интересное, что до Саши ещё не дошёл весь ужасный смысл происходящего. Выдернув наконец «Газель», я подошёл к нему и произнёс:

– Вот и начинается!

– Что начинается?

Я немного дрожащим голосом, ответил:

– Ад начинается! Йеллоустоунская катастрофа всё-таки произошла, и, видать, по наихудшему сценарию извержения вулкана, вот тебе и первые последствия этого. Как ещё по-другому можно объяснить землетрясение в Подмосковье? А по тому, как нас болтало, оно было не менее восьми-девяти баллов...

Саша сильно побледнел, видно, до него начало доходить, и чтобы уже вывести парня из ступора, я пихнул его в бок и сказал:

– Домой нужно быстрее ехать! Вдруг там требуется наша помощь.

Саша тут же очнулся, и мы как могли поспешили к посёлку, слава богу, до него было недалеко, всего три километра. Однако двигаться смогли только с очень маленькой скоростью, так как уже начали появляться трещины в асфальте – не очень широкие, сантиметров по пять-десять, так что на машине пока проехать было можно. Минут через двадцать мы наконец добрались до посёлка. Кстати, связь к тому времени уже отсутствовала – сразу же после толчков я попытался дозвониться до жены и дочери, но сотовый молчал. Из этого я сделал вывод, что на сети произошла авария, скорее всего, от землетрясения разрушились вышки ретрансляторов.

Глава 5

В посёлке уличного освещения не было – кругом темным-темно, сторожей нет, ворота открыты настежь. Выделяясь очень ярко в этой темноте, светились окна только в моём доме. От сердца немного отлегло, значит, дом цел и никто не пострадал, да и ветряк не рухнул.

Мелькали какие-то слабые огоньки у дома Игоря, естественно, мы сразу подъехали к нему и были правы – весь народ уже собрался здесь. Дом Игоря стоял полуразрушенный, крыша сползла, рухнули кое-какие перекрытия. Но, к счастью, ни Надя, ни её малыш Никита не пострадали – Игорь постоянно перекрикивался с женой. К моменту нашего появления мужчины практически освободили проход в дом. Мы сразу включились в работу и примерно минут через сорок этого отчаянного штурма развалин, вытащили ошалевшую Надю с совершенно спокойным, о чём-то своим гукающим, ребёнком, потом все вместе направились к нам в дом.

Там было всё нормально, никаких разрушений не наблюдалось, только кое-какая мебель сдвинулась да телевизор упал и разбился, а во внутренней стене на втором этаже появилась трещина, но всё это было не критично. Стена эта не несущая, в полкирпича, служила просто перегородкой между санузлом и коридором. Я и не сомневался, что мой дом устоит от таких толчков. Всё-таки дом моей мечты был сделан качественно, из первоклассных материалов, с большим запасом прочности, тем более, я неимоверное количество металлической сетки извёл на армирование его стен.

Меня больше беспокоил ветряк, ведь высота его была больше семнадцати метров, но ветряк выдержал испытание с честью. Строители хорошо углубили стойку в землю и качественно забетонировали.

А вот гараж подкачал – рухнули две плиты перекрытия, разбив часть кирпичной кладки и перекосив большие железные ворота. Хорошо, что там не было машины, а то её точно бы раздавило. Запасы угля, других материалов и оборудования не пострадали, они лежали в задней части гаража, у маленьких ворот, машину я туда не ставил, использовал это место для мастерской. Место у больших ворот было свободно, оно предназначалось для стоянки «Газели». В передней части гаража пострадали только щитовая и электросчетчик, на который подавалась электроэнергия с общей линии.

У моих соседей дела обстояли гораздо хуже. Как я уже говорил, у Игоря дом был полуразрушен, у Володи тоже обвалилось несколько перекрытий, и была сильно повреждена задняя стена дома – жить там было уже нельзя, у Николая дом практически весь рассыпался. Один из обломков стены разбил моторный отсек пригнанного бензовоза, хотя он стоял метрах в пятнадцати от дома. К счастью, сама цистерна с горючим не пострадала, обломками дома был полностью раздавлен и автомобиль – «Форд Мондео». Несмотря на это, лицо Коли буквально излучало счастье, ведь они всего за несколько минут до толчков вышли из дома и направились к нам, прихватив с собой детей. Вика с Катей собирались поиграть с ними в «монополию». Если бы Коля с семьёй хотя бы на десять минут задержались, их бы засыпало.

По другим домам посёлка, целы ли они или разрушены – никто ничего не знал, разглядеть было невозможно, очень стемнело. Единственное, что я разглядел, это был дом напротив, через дорогу. Судя по очертаниям, он особо не пострадал. Отсутствие связи заметили все, ни у кого сотовый телефон не работал. Интернет тоже не функционировал.

Всех захлёстывали переживаемые волнения, никто серьёзно не задумывался, что же всё-таки произошло. Когда я поделился своими выводами, все были в шоке – несмотря на предпринимаемые накануне (в течение трёх дней подряд) усилия по подготовке к катастрофе, включая довольно тяжёлые физические работы, никто так до конца и не верил, что это серьёзно, предпочитая считать всё происходящее причудой богатого чудака-соседа. Более или менее серьёзно воспринимал информацию из интернета только Володя, остальные выполняли взятые на себя

обязательства из-за боязни потерять моё расположение. И я сейчас буквально на физическом уровне ощущал, как среди этих людей рос мой авторитет, как они всё серьёзнее стали прислушиваться к моим словам.

Выслушав мои предположения, все начали громко, перебивая друг друга, высказываться по этому поводу. В основном говорили о пережитых ощущениях и намерениях немедленно выехать на помощь своим родственникам и близким. Обстановка становилась все более нервной, даже истеричной. Чтобы всех хоть как-то успокоить, я принес две бутылки водки, разлил ее и буквально вынудил выпить по сто граммов. Минут через пять народ немного успокоился, стал относительно адекватен, одним словом, к людям уже вернулась способность воспринимать и слова окружающих, а не только собственные выкрики.

Потом я всем напомнил, что по прогнозам специалистов после взрыва вулкана должен произойти большой выброс раскалённых вулканических газов и пепла, а также выход на близкую орбиту массы твёрдых осколков, которые скоро начнут падать метеоритным дождём. А также заявил, что по моим прикидкам газ может достигнуть наших мест уже через 12–15 часов после взрыва и к этому неприятному событию надо серьёзно подготовиться. Если же на нас упадёт метеорит, сделать мы всё равно ничего не сможем, поэтому об этом лучше и не думать. Переважив эту информацию, Николай заявил:

– Мне срочно нужно, до подхода сюда вулканических газов, выехать в Пушино за родителями...

Я с этим согласился, посоветовав ему ехать с Володи на его внедорожнике и возвращаться не позже чем через 8 часов, потом проблематично будет куда-либо доехать. Володе тоже надо было попасть в Пушино, постараться вывезти тещу и переговорить с друзьями, предупредить их. Кроме беспокойства о близких всех нас интересовала информация, что же творилось в этот момент во внешнем мире – степень разрушения домов, инфраструктуры и прочее.

После отъезда Володи и Николая мы начали готовиться к возможной газовой атаке, а именно, срочно доделывать систему очистки и подачи воздуха, заклеивать и запенивать все возможные щели.

Также занялись эвакуацией и переносом в дом всей имеющейся живности и того небольшого запаса корма для неё, что был у нас в наличии.

Размещать всех животных договорились в первую от входа комнату, самую большую в доме, из неё мы решили сделать сени. Из живности у нас были только куры, поросята Ирины, пчелы Николая, а также две собаки – Володина лайка Чапа и Колин охотничий пёс Билл, породы кромфорлендер.

Кроме того, надо было подумать и о нашем размещении – раздобыть недостающие кровати и постельные принадлежности. Решили – если не удастся их взять из разрушенных домов, не миндальничать, а вскрывать целые дома и забирать всё, что нам было нужно, включая имеющиеся там продукты и лекарства. Этим пошли заниматься Саша, Флор и Сергей, за которыми увязались и Вика с Катей.

Часа через три вернулись Володя с Колей, грязные и измученные. Оказывается на дороге, ведущей в Пушино, километрах в четырёх от нас образовалась трещина шириной метра в полтора, и никакой возможности проехать по дороге не было. Тогда они попытались двигаться прямо по полю и там намертво застряли. Сколько не пытались вылезти, не смогли и, в конце концов, машина завязла в грязи по брюхо. Пришлось бросить джип и возвращаться пешком. По этому поводу Николай заявил:

– Дело тухлое! Без трактора ловить там нечего. Если его не найдём, машину не вытащить. Придется ей зимовать на этом поле.

Саша с ребятами к этому времени как раз вскрыли один из мало разрушенных домов и начали переносить из него кровати и постельные принадлежности. В этом доме был ими

обнаружен небольшой запас консервов, сахара и макарон – всё это мы легко присвоили, кроме того, там же нашли ещё небольшой бензогенератор.

Ребята перенесли нужное количество кроватей и других вещей, и мы начали распределять комнаты – кто, где будет жить. Всего в доме было их одиннадцать. Четыре комнаты на первом этаже, а так же санузел с душевой кабинкой. Теперь, правда, вместо душа там стояла система воздухоочистки. На втором этаже было пять спален, две из них достаточно большие. Остальное место занимали коридор, лестница и санузел, где даже имелась ванная комната с джакузи. На третьем этаже находились две прекрасные, мансардные комнаты площадью по 25 квадратных метров.

На втором этаже в одной из больших спален была застеклённая лоджия, и с неё открывался прекрасный вид на окрестности посёлка. Эту комнату мы решили не занимать, а использовать её как наблюдательный пункт, оттуда была хорошо видна подъездная дорога в посёлок, да и наш склад с гаражом неплохо просматривались. Нельзя было занимать и две большие комнаты на первом этаже.

Первую от входа мы начали использовать как сени, разместив там всех животных, запас их кормов и немного топлива для печей. Ещё там сейчас находилась часть продуктов, привезённых из Тулы, и овощей, вывезенных из Галиного института, – всё это мы ещё не успели опустить в подвал. Несмотря на то, что эта комната была площадью 45 квадратных метров – она уже была вся забита коробками, мешками и вольерами с животными. Даже пройти к примыкавшей к ней небольшой комнате было затруднительно. В смежной с сенями комнате мы договорились поместить Валеру с Сергеем. Комната была автономна, она могла дополнительно отапливаться установленной там небольшой печью «Булерьян». У печки был общий дымоход с камином, который размещался в большом зале – теперь преобразованном в сени и скотный двор.

Второй большой зал на первом этаже занимала столовая, совмещённая с кухней. Если бы убрать санузел, пространство, занятое лестницами на второй этаж и подвал, а также лифт, то в этом зале тоже было бы 45 квадратных метров свободной площади. Здесь же стояла вся кухонная бытовая техника и два холодильника.

Собирались и общались все мы обычно тоже в столовой, там стояли Т-образно два больших стола, мягкий диван-кровать и 12 стульев – всё это было куплено в магазине «Икея» на распродажах. Так что, все мы прекрасно размещались в этом зале-столовой, там было удобно обедать, так как плита и печка были под боком, кроме этого, на стене висела большая плазменная панель телевизора, она была подключена к системе домашнего кинотеатра.

В маленькой комнате, примыкавшей к столовой, поселились Володя с Галей, на втором этаже, в оставшейся большой спальне остались мы с Машей. Эта комната была нашей спальней с момента постройки и сдачи в эксплуатацию дома. В других маленьких спальнях второго этажа расселились все остальные пары. Третий этаж отвели детям Николаю и Ирины, выделив им по отдельной комнате.

Кстати об информации – её мы могли черпать только из передач по радио и спутникового телевидения, и то, нормально функционировало немного телевизионных каналов и радиостанций. Вещание с Останкинской телебашни отсутствовало. По телевизору рассказывали и показывали страшные вещи – в Москве было разрушено несколько тысяч зданий и сооружений, число жертв исчислялось многими десятками тысяч.

Землетрясение в Москве было силой 8,3 балла, но ей ещё очень повезло. Например, Лондон был почти полностью разрушен, к землетрясению силой 8,5 баллов там добавились гигантские цунами, которые буквально затопили Англию, число жертв исчислялось миллионами. Немногом лучше обстояло дело на территории остальной Европы. Из Америки никаких данных вообще не поступало. Связи ни с одной страной Северной и Центральной Америки не было. Азия тоже сильно пострадала, особенно приморские страны; Японию практически

всю смыло серией колоссальных цунами, в Китае творился форменный ад. Во всех странах, с которыми существовала связь, было объявлено чрезвычайное положение.

Вся эта информация поступала в течение ночи по радио и спутниковому телевидению от разных мировых агентств и телекомпаний. Всё это нам переводила Вика, которая свободно владела английским языком. Из наших электронных СМИ мы ловили только Вести-24 и несколько радиостанций. Под утро с качеством приёма сигналов начали происходить неприятные вещи, появились сильные помехи, изображение и звук становились порой практически неразличимы.

Мы в эту ночь непрерывно что-то делали, ни один человек, кроме маленького Никиты и двенадцатилетней Даши, не прилёг отдохнуть. Было ощущение полной нереальности происходящего, в то же время все были очень перевозбуждены. Когда пропали сигналы телевидения и радио, появились первые признаки проявления извержения супервулкана. На землю вместо снега стали падать серовато-белёдые хлопья пепла. Заметя их, мы сразу включили наш воздухоочиститель, не став проверять качество воздуха на улице, да и сделать это мы могли только одним доступным сейчас способом, пожертвовав каким-либо животным, или выйти самим на улицу. Но выходить никому не хотелось, даже в противогазах, у нас их было четыре штуки и ещё шесть запасных картриджа к ним – всё это привезли ребята, когда забирали детали воздухозаборника из института в Пущино.

Воздух в самом доме был вполне нормальным, электричество подавалось от нашего ветряка бесперебойно. Температура в доме держалась на постоянном уровне, установленном в термореле электрического котла – двадцать один градус по Цельсию. Наш котёл полностью справлялся с отоплением всего дома.

Уже днём все собрались в столовой, сидели уставшие, хмурые и молчали. Видя такое состояние народа, я предложил выпить граммов по сто водки, перекусить и укладываться спать. Всё равно мы уже ничего сделать не сможем. Никто от такого предложения не отказался, женщины тоже решили выпить именно водки, а не вина, как обычно. Но по сто граммов на человека мы, конечно, тогда не обошлись, все были слишком перевозбуждены и, несмотря на усталость, засиделись до одиннадцати часов вечера. Во время этого молчаливого застолья Максим старался поймать по радио хоть какую-нибудь станцию, но все его попытки были безрезультатны. Когда закончили эту мрачную пьянку, у меня плохо отложилось в памяти.

Проснулся я где-то часов в десять утра, к этому времени встали ещё не все. В столовую пришли только Володя с Галей, Николай с Ириной и мы с Машей, остальные продолжали отсыпаться после вчерашнего сумасшедшего дня. Настроение у всех было, мягко говоря, неважное, чему радоваться – радио и телевизор не работали, улицы заметали хлопья пепла, на земле уже образовался слой в полсантиметра, температура воздуха за окном была плюс три градуса.

Мучительно было так сидеть, хотя весь организм требовал действий. Хотелось немедленно собираться и ехать куда-нибудь, помогать, возможно спасти своих близких, родных. Но я был приучен работой на бирже и ещё раньше, своим мелким бизнесом, не совершать непродуманных поступков, удерживаясь от этого любыми доступными средствами. Например, на бирже 95 процентов разорившихся – это те, кто под воздействием слухов и пропаганды либо срочно купил акции, либо встал «в шорт», не обращая внимания на фундаментальный анализ. В нашем конкретном случае внешние условия играли теперь главную роль.

Я всех призвал не суетиться зря и успокоиться, предложив сыграть лучше всего в преферанс, заметив при этом, что сражаться таким образом мы будем не меньше недели, и за это время я всех обнулю, так что дамы смело могут открывать тотализатор, болея за своих любезных и, как говорится, в воздух чепчики бросать.

Играли мы, естественно, на виртуальные деньги. Пока разыгрывали первую партию, подошли завтракать и остальные наши, теперь уже, можно сказать, соратники.

После завтрака началось спонтанное обсуждение сложившейся ситуации – о пережитых ощущениях, о судьбах родственников, друзей и подруг. Не обошлось без женских истерик с

рыданиями, так продолжалось часа полтора, потом мне это всё надоело и, обращаясь ко всем, я предложил:

– Заканчивайте, друзья, все эти самоедские переживания и бессмысленные суждения о судьбах мира, мы на них никакого воздействия всё равно оказать не сможем, поэтому предлагаю обсудить свои проблемы и разработать чёткий план действий в сложившейся обстановке. В первую очередь нужно избрать руководителя нашей группы, а также ответственного по расходованию продуктовых запасов, их наличие только и даёт нам хоть какой-то шанс на выживание. Выбранные нами люди должны установить нормы потребления продуктов на каждый день, без этого в сложившейся обстановке обойтись никак нельзя.

Все восприняли моё выступление с невероятным энтузиазмом, как будто им показали единственный путь выхода из создавшегося ужасного положения. Устроили голосование. За меня, как за руководителя группы, проголосовали единогласно, других предложений не возникло. Главным распорядителем наших запасов, после небольших прений выбрали Володю – в его честности и порядочности никто не усомнился. Главным силовиком, как я его в шутку назвал, выбрали Сашу. Его задачей было организовать дежурства с наблюдением за подъездными путями, а также отпор, если появятся банды мародёров. Я поделился с присутствующими своими опасениями по этому поводу:

– Искатели продуктов, а также других ценных вещей могут появиться здесь довольно скоро, так как вся эта коммерческо-бандитская система перераспределения рухнет тоже очень скоро, если уже не рухнула. Никакие деньги – рубли ли это или валюта, никому не будут теперь нужны. Теперь ценнее всего реальные вещи, помогающие выжить: продукты, бензин, оружие, медикаменты, а потом уже уголь и другое топливо. В этом я полностью уверен.

Зная любовь и почтение наших людей к официальным бумажкам, заставил Вику написать протокол этого собрания, со смешками, все его подписали. После чего я объявил:

– Принимаю первое непопулярное решение. В течение этой недели выходить из дома не будем совсем. На следующей неделе – перед собственным выходом выставим на улицу, на крыльцо собаку или поросёнка. Если с ним ничего не случится в течение трёх часов, тогда попробуем выйти сами.

Народу собак стало жалко подвергать этому эксперименту, поэтому решили вынести поросёнка.

Главным шеф-поваром я назначил свою жену Машу, помощницей Галю. Женщины кроме приготовления пищи должны были, при участии главного нашего медика Игоря, составлять ежедневное меню, исходя из наличия продуктов, выделенных по установленным нормам, которые мы с Володиёй пообещали довести до народа, когда подсчитаем все наши запасы. Они у нас, по большей части, находились в железном сарае и в сених. Теперь надо было всё переносить в подвал, чем я и предложил заняться в первую очередь, пока сидим неделю дома, объявив это немаловажное дело вторым пунктом своего решения:

– Чтобы совсем не отсидеть свои задницы, играя в карты, будем переносить продукты из сеней в подвал, а когда воздух нормализуется, займёмся переброской туда же продуктов из сарая. – И с ехидством продолжил: – Обещаю, скучать не придется. А кому станет грустно, может выйти во двор, подышать свежим вулканическим воздухом – быстро прочистятся мозги.

Почему мы многие продукты разгрузили в сарай, а не сразу в дом или в гараж? Для этого имелось несколько причин. Во-первых, в дом было слишком долго, а мы спешили сделать как можно больше ездов. В гараж мы не разгружали, чтобы не разбивать продукты на несколько частей, важно, чтобы они находились в одном месте, и всё из-за мышей, которые легко могли попортить наши запасы. У меня были две электронные акустические мышепугалки, привезённые из Гонконга. Они работали прекрасно, ни одна мышь не приближалась ближе чем на 5–6 метров. Установив эти пугалки, можно было покрыть ультразвуком только одну территорию – либо гаража, либо сарая. Удобнее и легче разгружать вещи было в сарай – так мы и делали.

Перед воротами в сарай, на столбах, у меня была оборудована кран-балка, правда, с ручной двухтонной талью. И ещё, что тоже важно, склад был больше гаража и по всему периметру там были сделаны удобные четырёхсекционные полки. Уже сейчас на них хранилось больше 15 тонн продуктов. Картошка и другие овощи, привезённые из Галиного института, частично были складированы в сенах. Чтобы компактно поместить продукты в подвале, там тоже нужно было сделать полки – этим после обеда мы и начали заниматься.

Доски, брус и фанеру, а также необходимые инструменты и гвозди, требуемые для сооружения полок, мы перенесли в подвал ещё ночью. Не то чтобы время экономии, делали это больше для того, чтобы как-то отвлечься от поступающей кошмарной информации о катастрофе в Америке. Было не до сна, и я решил, что необходимо чем-то занять людей.

Всю неделю мастерили полки и переносили продукты из сеней в подвал, а также оборудовали места для нормального размещения наших животных. Для птицы сделали зарешёченный вольер с насестами, для поросят небольшие боксы, для собак поставили две будки. Корма для животных пока хватало, его принесли от Ирины, еще, когда эвакуировали животных.

Саша распределил смены для круглосуточного дежурства. Помимо наблюдения за окрестностями, дежурный должен был заносить в электронный журнал два раза за смену показания температуры воздуха, атмосферного давления, показания счётчика Гейгера, а также время восхода и захода солнца и долготу светового дня. Для этого Катя даже написала компьютерную программу. Кроме этого дежурные должны были записывать все значимые события и явления, произошедшие за смену.

Например, второго ноября были замечены на небе следы множества метеоритов, на протяжении всей недели пепел продолжал сыпаться, и слой его к пятому ноября достиг уже 3,5 сантиметра. Первого ноября днём вдруг стало очень сумрачно, и на протяжении всей последующей недели света становилось всё меньше и меньше. Температура постоянно колебалась, но для ноября было не очень холодно, пятого ноября температура была минус 2 градуса по Цельсию.

Свободное время, которого было предостаточно, члены нашей коммуны коротали, смотря фильмы по домашнему кинотеатру, читая книги, или, как мы с Володей и Колей, играя в карты. Молодёжь практически всё свободное время проводила в подвале, за настольным теннисом или бильярдом. Несмотря на изготовленные полки и перенесённые из сеней продукты, свободное место там ещё оставалось. Полки смонтировали по периметру подвала, и они не мешали играм.

Овощи мы начали размещать в малом отсеке подвала, под лестницей и в сауне. Баню решено было пока не использовать, не до этого, слишком большой расход электроэнергии. Если бы возникло желание и необходимость устроить банный день, складированные там запасы овощей можно было бы легко вытащить.

Иногда мы все вместе смотрели фильмы по домашнему кинотеатру, или пели караоке, или просто проигрывали аудиодиски – все эти функции входили в систему домашнего кинотеатра. За эту неделю никому скучно не было, каждый занимался интересующим его делом. Единственное обстоятельство, которое тяжело давило на психику, – нахождение в информационном вакууме, когда не знаешь абсолютно ничего – ни того, что творится в мире, ни куда, в конце концов, мы сами катимся.

Наконец все мы с великим облегчением, хоть и не без опаски, дождались седьмого ноября, того самого дня, когда решили выносить на крыльцо поросят для тестирования качества наружного воздуха.

Рано утром, надев противогазы, Саша и Флор пошли в гараж и принесли овощной зарешёченный контейнер, который поставили на крыльцо, или, как мы его называли, предбанник. Крыльцо было довольно большое, боковые стены были заложены прозрачными стеклоблоками, двери из прозрачного пластика, двойные распашные. За счёт парникового эффекта сейчас там

было гораздо теплее, чем на улице. Летом эти двери легко снимались. Постелив на дно контейнера старый ковёр, чтобы животное не замёрзло, ребята положили на него несчастного, обиженного поросёнка и быстро вернулись в дом.

По их ощущениям на улице была совершенно нормальная обстановка. Пепел лежал вперемешку со снегом, поэтому было трудно понять, сколько его выпало, а общий слой осадков не превышал 8 сантиметров. Видимость на улице была не очень хорошей – солнца не видно, всё небо в густых серых облаках, но и в обычную зиму иногда бывает и такая погода, и такая видимость.

Мы с нетерпением стали ждать окончания эксперимента, эти три часа тянулись невыносимо медленно. Наконец отмеренное нами время подошло к концу. Флор, надев противогаз, принёс поросёнка в дом, тот, возмущённо хрюкая, резво вырвался из его рук. Мы от великой радости, что поросёнок жив, навалили ему полную миску варёной картошки, добавив туда и остатки нашего завтрака. Он удовлетворённо чавкал, быстро поглощая неожиданно щедрое угощение.

Наконец все мужчины вышли во двор осмотреться. В воздухе присутствовал какой-то запах, но не сильный. На ночь мы решили не отключать воздухоочиститель, несмотря на то что фильтров тонкой очистки оставалось только пять, остальные четырнадцать мы уже использовали. Флор, ежедневно надевая противогаз, менял фильтр грубой очистки, который находился на улице. По два раза в сутки менялся и фильтр тонкой очистки.

На улице, хотя стоял полдень, было сумрачно, полное ощущение, что уже около пяти и скоро совсем стемнеет. В воздухе ощущалось наличие мелкой пыли – это ветер раздувал выпавший пепел. Мы решили надеть строительные респираторы (у меня их было десять штук) и заняться насущным делом – переносом продуктов в подвал. При этом Володя должен был сделать точный подсчёт всего, что у нас было. Сегодня решили на вылазку не ходить и никуда не ездить. В первую очередь нужно было разобраться со своими запасами, чтобы знать, на что мы можем, в конечном итоге, рассчитывать.

Володя перед тем, как начать заниматься подсчётом, всё пытался предложить пойти вытаскивать его джип. Но я заявил:

– Если машина ещё на месте, до завтра точно никуда не денется. И вообще, чтобы её вытащить, нужен трактор, а он имеется только в деревне, у Ивана. Мы же, пока соберёмся к нему, пока пообедаем, уже начнёт темнеть, а в нынешние времена, да ещё в темноте, не знаю как Иван, а я, например, сначала бы стрелял, а потом разбирался, кто это ко мне пожаловал и зачем.

Он согласился, что надо подождать до завтрашнего утра, но вынудил дать обещание, что первым делом завтра мы займёмся его машиной. Пообедав и немного передохнув, продолжили переноску продуктов в подвал, работали до десяти часов вечера. Хорошо, что двор у меня освещался со всех сторон – стояло несколько фонарей, и ещё довольно мощный прожектор висел над крыльцом дома.

В районе девяти часов вечера небо прочертила яркая огненная полоса и раздался сильный взрыв, даже стёкла зазвенели. Дежурившая в это время на наблюдательном пункте Катя потом рассказывала:

– Жуть! Я видела сам взрыв, он произошёл километрах в четырёх от дома, на краю поля, рядом с лесом, даже несколько деревьев упало.

Ночью мы тоже слышали несколько близких взрывов, метеоритная бомбардировка нарастала, и я молил Бога, чтобы очередная вулканическая бомба не упала прямо на нас.

Хотя сон был тревожный, нарушаемый громкими взрывами, я встал в 7 часов утра с совершенно свежей головой и активным желанием действовать. К восьми часам поднялись и все остальные. Вид у многих был помятый, видно прошедшая ночь далась им нелегко. Позавтракав, начали обсуждать сегодняшние планы. Сошлись на мнении, что, прежде всего, нужно

попробовать вытащить машину Володи – потом будет намного труднее, всё засыплет снегом, и пробиться к ней, двигаясь по полю, будет весьма проблематично. Так же надо было добраться до Пушкино – узнать хоть, что творится в большом мире. Стоило бы продолжить запасать топливо и провизию, ведь прогнозы по последствиям взрыва супервулкана были всё ужаснее и ужаснее, а длительность наступающей после этого взрыва «вулканической зимы» оценивалась лет в пять-десять. Так что никто уже не сомневался в том, что самые негативные варианты этих прогнозов исполнятся.

На работу по вытаскиванию застрявшего джипа договорились ехать на моей машине вчетвером: Володя, Коля, Саша и я. Взяли с собой три лопаты, ломик и мою ручную лебёдку, предназначенную специально для таких случаев – очень удобно, не нужно никакого упора, одним концом просто ввернёшь в землю, и всё. Взяли с собой, на всякий случай, два ружья. Всего у нас их было три – два моих и карабин Николая. Карабин мы оставили Флюру для охраны нашего дома. Хорошо, что Коля предусмотрительно захватил его из дома до обрушения.

Мой «мерин» с трудом, но пробирался по дороге, засыпанной снегом вперемешку с пеплом – все-таки ABC и шипованная резина. После нас оставалась колея спрессованного пепла, и мне подумалось, что возвращаться по этой колее будет гораздо легче. Минут за пятнадцать доехали до трещины в асфальте, она действительно оказалась шириной более метра. Невдалеке на поле увидели машину Володи, занесённую снегом и пеплом.

Почти что час мы вчетвером пытались её вытащить, но даже при помощи лебёдки удалось стронуть эту бандуру всего-то на несколько сантиметров. В результате, вконец измучившись, решили направиться в деревню за трактором, тем более что тракториста Ивана трое из нас хорошо знали, именно он зимой чистил дороги в нашем посёлке. Еле развернувшись, мы поехали в деревню, которая находилась километрах в четырёх от этого места.

Глава 6

На улицах деревни мы не увидели никаких признаков жизни, как и в обитаемых ранее усадьбах. В поселении царили тишина и запустение, даже привычного лая собак не было слышно. Подъезжая к дому Ивана, я едва не раздавил останки одной из них.

Войдя в дом, даже через респиратор почувствовал запах гниения и сразу увидел труп Ивана с обмотанной вокруг рта и носа марлевой повязкой. Он умер, сидя за столом, а рядом стояла недопитая бутылка водки. Около стола, на диване, в позе эмбриона, лежал труп его жены Светы. Запах в комнате стоял тошнотворно-сладкий. Мы очень быстро выскочили на улицу. Никто даже не попытался осмотреть трупы, и так было всё ясно – они отравились, вдыхая ядовитый воздух, и при этом Иван понял по запаху, что воздух отравлен. Он попытался сделать защиту из марли, но, видимо, это не помогло, поэтому взял и просто напился и жене дал изрядную дозу. Бутылка на столе была литровая и практически пуста. Кроме этого на полу, рядом со столом, валялась еще одна пустая бутылка.

Выйдя из дома Ивана, мы сняли респираторы и закурили. На душе было тяжело, но делать что-то было надо, дома ждали наши родные и близкие – опустишь руки, пропадут все. Поэтому, покурив и снова облачившись в респираторы, мы пошли искать трактор. Он стоял в большом сарае. Коля как опытный механик довольно быстро его запустил, и мы отправились вытаскивать наш джип. С этим делом справились довольно быстро и уже на двух автомобилях и тракторе поехали домой. Добравшись, рассказали о положении дел в деревне. На холодную голову проанализировав всё увиденное, мы пришли к выводу, что отравление воздуха какими-то вулканическими газами всё-таки было. И, по-видимому, ядовитые вещества попадали в атмосферу от сгорания метеоритов. По всей логике газ, вырвавшийся из недр супервулкана, не должен был обладать такой скоростью перемещения, чтобы быстро достигнуть наших мест. Скорее всего, первая газовая атака была последствием сгорания метеоритов в атмосфере, и образующиеся при этом газы имели такую концентрацию, что люди и животные, надышавшись ими, довольно быстро погибали. Правда, мы надеялись, что в наших городах по такому ужасному сценарию дело не пошло, ведь всё-таки там есть специалисты, оборудование, противогазы да и бомбоубежища с системами очистки воздуха. Обсудив сложившееся положение, решили вывезти из деревни все запасы продуктов, ведь разных овощей, солений и варенья у сельских жителей на зиму должно быть заготовлено много.

Поэтому после обеда все мужчины, включая сына Николая, поехали в деревню на большую мародёрскую операцию. Для вывоза добычи сформировали целый караван, состоящий из «Газели», трактора и моего фургона. После вторичного осмотра деревни стало ясно, что нужно будет сделать порядка десяти ездов на «Газели», чтобы вывезти все продуктовые запасы с крестьянских дворов. А в деревне был ещё небольшой продуктовый магазин, в котором различного товара на 3–4 ездки.

Начали погрузку с дома Ивана, у него в погребе было одной картошки мешков тридцать, не считая других овощей, кроме этого рядами стояли бочки с соленьями и банки с вареньем. В сарае Саша нашёл самогонный аппарат, видать старый, заслуженный. Его мы тоже решили увезти, всё-таки техника, которая может пригодиться. Ещё у Ивана стояла во дворе 1000-литровая бочка на колёсах, заполненная доверху дизельным топливом. В общем, судя по всему, это был наш человек, форменный куркуль. Для перевозки найденных вещей и продуктов решили использовать трактор Ивана, благо, большой прицеп к нему стоял возле дома. Мы вообще чувствовали себя как бы его наследниками. Тем более именно мы похоронили эту семью, ну, естественно, и помянули, приняв по пятьдесят граммов у их могилы, тут же, на огороде.

Дело по вывозу и загрузке продуктов и других необходимых нам вещей только из дома Ивана заняло всё время до позднего вечера. Для того чтобы было лучше видно, мы привезли маленький бензогенератор, с его помощью осветили подвал с домом и весь двор.

На следующий день подъём был опять в семь часов утра. После завтрака и недолгих сборов приступили к вывозу запасов из деревни. Кроме продуктов решили забирать и корма для наших животных. За счет деревни наши запасы резко увеличились, особенно овощей и соли. Пригодились товары и из деревенского магазина, правда, в основном водка и сигареты. Водки было много, но дешёвой, скорее всего палёной, более-менее неплохой мы нашли пять ящиков. В ассортименте имелось также немало сухих вин, а вот пиво было всё попорчено, стеклянные бутылки лопнули от минусовой температуры, а в пластиковых ёмкостях сплошной лёд.

Из оставшегося товара больше всего нас порадовали соль и специи, а также чай (ящиков шесть), кофе и разнообразные консервы. Всего из магазина мы сделали четыре ездки на «Газели» – значит, вывезли не меньше семи тонн продуктов и напитков. Машину затаривали с перегрузом, ведь ехать было совсем недалеко. За весь день, а работали опять до десяти вечера, нам так и не удалось всё вывезти, нужен был ещё, минимум, один день. В течение всего времени, пока занимались этим делом, постоянно слышали отдаленные звуки взрывов метеоритов, но близко ни один из них не падал.

Загрузив в десять часов вечера последнюю машину, поехали домой. Хотя был поздний вечер, на улице было не очень темно, всё небо светилось от огненных траекторий падающих метеоритов. Было немного жутковато, световая гамма была, как с картины о Страшном суде, и если бы не мои товарищи рядом, легко можно было двинуться рассудком.

Приехав домой и разгрузившись, сели за поздний ужин. Общее настроение было подавленным, его немного разбавил Флор, у которого всегда были в запасе смешные истории и шутки. Он был оптимист по натуре и балагур. Вот и теперь, на стенания женщин по поводу того, что мы заняли овощами и системой очистки воздуха баню и все места, чтобы помыться, кроме одного, он заявил:

– Женщины очень ленивые – на самом деле они моются потому, что им лень чесаться.

Народ немного развеселился и активно приступил к обмену впечатлениями от поездки в деревню. Во-первых, всех удивило, особенно после жуткой картины, увиденной в доме Ивана, что во всех других, обойдённых нами домах, мы обнаружили всего четыре трупа. Повсеместно находили только мёртвых животных, и то было видно, что они погибли не сразу. Во-вторых, можно было разглядеть следы машин, идущих практически от всех жилых домов – слегка занесённые колеи от транспорта были хорошо различимы на снежно-пепельном покрове. Саша определил, что следы были оставлены несколько дней назад.

Из всего этого мы сделали вывод, что вулканический газ был, не настолько ядовит, чтобы сразу убить всех. Кроме Ивана с женой, другие умершие люди были довольно преклонного возраста. Значит, остальное население деревни успело эвакуироваться, и, скорее всего, в Пушино. Уезжали люди в сильной спешке, об этом говорило большое количество брошенных овощных запасов. Очень настораживал тот факт, что после нормализации атмосферы в деревню никто не возвращался, хотя добротные деревянные дома от землетрясения пострадали незначительно, и в них после небольшого ремонта вполне можно было проживать.

Также мы заметили, что в стоящих на пригорке, двух усадьбах не было найдено ни одного мёртвого животного, только кое-где сломаны заборы да еле заметные следы, уходящие по полю в сторону леса. Кроме того, наши женщины видели сегодня несколько летающих птиц. Выходило, что газ, скорее всего, был тяжелее воздуха и скапливался в низинах, а деревня как раз и находилась в ложбине, на берегу небольшой речушки. И ещё мы заметили, что колеи из деревни вели не на пушинскую трассу, а в сторону леса, значит, там был проезд, а про трещину на шоссе жители деревни знали.

По следам на шоссе было видно, что несколько машин к трещине за эти дни подъезжали, но разворачивались обратно. По следам на дорожном полотне перед трещиной со стороны Пушино было видно, что снежно-пепельный слой довольно сильно утрамбован, а последняя машина подъезжала к этому месту не далее как вчера.

Мы обсудили все эти наблюдения, и у всех стало не так тяжело на душе, ведь, судя по всему, мы не одни остались в этом мире. Тем более, случилась ещё одна большая радость, Максиму удалось поймать по транзистору, по УКВ диапазону, работающую радиостанцию – местную, серпуховскую. Хотя он ловил на небольшую транзисторную антенну, качество приёма было неплохое, речь диктора вполне можно было разобрать, хоть иногда случались помехи. Наконец, подсоединив приёмник к большой антенне, Максим добился приёма хорошего сигнала практически без помех.

По радио передавали довольно-таки безрадостные новости. После всемирного землетрясения, вызванного взрывом вулкана на территории США, большие разрушения произошли и в городе Серпухов. Рухнуло сто двадцать три многоэтажных дома, множество домов сильно пострадало, включая и малоэтажные, из частного сектора. По предварительным подсчётам погибло более двадцати тысяч человек, ситуация усугубилась с появлением в атмосфере ядовитых паров вулканического газа. Несколько сотен человек по Серпуховскому району погибло в результате падения метеоритов, а на территории города было зафиксировано падение семи космических осколков.

С отравленным воздухом, при отсутствии противогаса, по радио советовали бороться, делая марлевую повязку в несколько слоёв и поддерживая её во влажном состоянии. Концентрация газа становилась опасной для жизни на уровне земной поверхности и до 3–4 метров над ней. Нахождение на верхних этажах зданий было вполне безопасным. Население успокаивали тем, что ядовитые компоненты вулканического газа недолговечны и при обычных условиях распадаются в течение 7–10 суток.

Связь с Москвой в городе функционировала только по кабельной линии. Положение в столице было очень тяжёлое, число жертв исчислялось семизначными цифрами. Воздушное сообщение полностью остановлено. Полёты любых видов аппаратов невозможны ввиду сильной турбулентности и наличию в атмосфере большого количества пепла.

По радио через каждые полчаса повторялись призывы регистрироваться на пунктах гражданской обороны, указывались их адреса и сообщалось, что вводится снабжение продуктами по карточкам, которые будут выдаваться только зарегистрированным на этих пунктах людям. Так же сообщалось, что по всей стране вводится чрезвычайное положение, и все случаи мародёрства будут решительно и жестоко пресекаться прямо на месте преступления. Кроме того, вводилось патрулирование города воинскими подразделениями.

Нас, в принципе, обрадовали сообщения по радио, хотя они были очень неприятными, но факт наличия людей, которые пытались взять ситуацию под контроль и облегчить выживание населения, немного успокаивал. Именно сейчас нам было так важно знать, что где-то существует власть, которая занимается настоящим делом, выполняя свои прямые обязанности по снабжению и защите своих граждан. Правда, у нас, мужиков, были большие сомнения, что при таком серьёзном уроне возможна быстрая нормализация обстановки.

Тем более с нашими чиновниками, которые привыкли больше смотреть в собственный карман, и в этой обстановке будут любыми путями спасать, в первую очередь, себя, своих близких и поделщиков, не понимая, что такими действиями обрекают и себя и других на верную гибель. Привычный их образ мыслей, что можно вылезти за счет других, умея угождать вышестоящему начальству, сейчас вряд ли прокатит. Теперь таких легковых дурачков эти «хозяева жизни» уже не найдут – они тихо вымрут. Их просто не пустят на нынешний спасательный плот жизни и будут спихивать с него любыми способами. Чиновничья армия очень далека от жизни обычных людей, но только за счет их незаметного безропотного труда она и могла суще-

ствовать. Как правило, чиновники с их привычкой ничегонеделания не желали принимать и самостоятельных решений. Принципы «круговой поруки» и «не высывайся – убьёт» перешли у них на уровень инстинктов. Однако исторический опыт тысячелетий показывает, что в тяжёлые времена только забота о других и объединение с целью выживания дают шанс на существование. Но центральная власть вряд ли об этом сейчас думает, а если и задумалась, то вряд ли что-нибудь сможет изменить – инстинкты за несколько недель не изменить, а новых людей вся эта чиновничья камарилья вряд ли допустит до власти.

Наши военные Саша и Флюр в один голос утверждали, что имеющимися в наличии военными контингентами порядок навести вряд ли удастся, что самые дисциплинированные и боеспособные части находятся на Кавказе и на границах страны, а при таких условиях транспортного коллапса их невозможно оттуда быстро доставить. Воздушный транспорт не действует, наземный, исходя из видимых нами трещин дорожного полотна и информации о разрушенных землетрясением домах, сооружений и мостов, тоже вряд ли функционирует.

В общем, проговорив до часу ночи, мы всё-таки заставили себя разойтись. Завтра нужно было встать пораньше, световой день значительно сократился, а надо успеть перевезти все запасы из деревни домой, а то найдутся и другие любители лёгкой наживы. Наши женщины в один голос заявили, что теперь они поодиночке дежурить ночью не будут – очень страшно. Вид из окна действительно открывался не для слабонервных: мерцающий красно-бордовый цвет неба и звуки отдалённых взрывов сильно давили на психику. Поэтому мы решили, что на эту ночь дежурства отменим, а начиная с завтрашнего дня женщины будут дежурить по двое, заодно постоянно прослушивать приёмник и записывать важные новости и сообщения.

Встал я по будильнику в восемь часов утра. Все уже, как на работу, начали собираться на выезд «по зачистке деревни от продуктов», мы надеялись за сегодня наконец всё закончить. А завтра хотели попытаться проехать в Пушино и, вообще, осмотреться. В город думали поехать по следам, оставленным деревенскими жителями. Несмотря на продолжающийся изредка падать пепел и снег, колеи, проделанные несколькими машинами, наверняка останутся.

Приехав в деревню, сразу приступили к погрузке. Оставалось ещё перенести запасы из трёх домов. В это время Саша пошёл, чтобы по второму разу осмотреть уже вычищенные дома. Вдруг мы что-то пропустили? И действительно. В доме Ивана мы не заметили занавешенную настенным ковром, нишу, где лежало охотничье ружьё «Сайга МЗ», 12-го калибра, довольно много патронов и, непонятно зачем нужные Ивану, три гранаты Ф-1. Как пошутил Флюр:

– Если ещё поискать, то наверняка найдём и пулемёт «Максим», а может, что и покруче.

Мы обрадовались находке, всё-таки оружия у нас было маловато. Зато теперь образовался целый арсенал: четыре ружья с 315 патронами, а также три гранаты ф-1 и ещё ракетница с 12 выстрелами – её мы тоже нашли в одном из домов. Из интересного нашли ещё один самогонный аппарат и литров десять самогонки. Кроме этого, наткнулись на большой аквариум с рыбками и водной растительностью. Как ни странно, рыбки были живы и аквариум цел, вода в нём не замёрзла – видно дом сохранил тепло. Все работы мы закончили в девять часов вечера и поехали домой. Из деревни вывезли всё, что можно, даже нарубленные дрова.

И снова сени были полностью заставлены привезёнными продуктами, оставался только проход и немного места для животных. Женщины не успевали перебирать привезённые овощи. Мы решили хранить их в деревянных коробах, пересыпая слои песком, как это делают в деревнях. Мастерить короба и переносить овощи в подвал решили начать на следующий день. За ужином обсудили внутренние вопросы нашей жизни, но на этом не успокоились. Решили отправить Володю, Колю и меня на разведку в Пушино на Володином джипе. Остальным поручили изготовление коробов и перенос привезённых овощей в подвал. Женщины должны были продолжать наблюдение и дежурство, а также переборку овощей. После этого все отправились по своим комнатам отдыхать. Вставать решили опять в восемь часов, раньше не имело смысла

– светать начинало только к девяти часам. На сегодня ночное дежурство договорились отменить, вряд ли кто-нибудь в такую страшную ночь решит проникнуть в наш посёлок.

Утро, как и всегда теперь, было сумрачным, солнце не проглядывало, температура около минус пяти градусов по Цельсию, снега не было, пепел почти не падал. Все быстро позавтракали и отправились выполнять задачи, поставленные вчера вечером. Мы втроём, заправив Володину машину бензином под завязку, тронулись в путь.

Поехали вооружённые, взяли с собой два ружья – мою «Сайгу» и карабин Николая. Также, на всякий случай, я захватил одну гранату. Ребятам для отпугивания мародеров оставили всё остальное оружие, дежурившим девочкам выделили ракетницу со всем наличным запасом выстрелов. Это было сделано для их успокоения, чтобы, в случае чего, они могли подать сигнал.

Мы собрались ехать через деревню, по следам эвакуировавшихся жителей. Через трещину решили не ехать, хотя и склотили из брусьев два трёхметровых мостика шириной по сорок сантиметров, и положили их сверху на багажник. Также, на всякий случай, захватили с собой ручную лебёдку и две лопаты. Добравшись до деревни, медленно поехали по проложенным следам. Так, петляя, километра через три выбрались на просёлочную дорогу, которая вывела нас на пущинскую трассу вблизи самого города.

Первое, на что обратили внимание при въезде в город, – у заправки стояла БМД, недалеко от боевой машины был сложен бруствер из мешков с песком, но солдат не было видно. Сама дорога была пустынна – никто въезд и выезд не контролировал. Дороги были нечищенные, просто наезженные колеи, по краям встречались какие-то обломки, видно их просто сдвинули в сторону. Виднелось несколько обрушенных многоэтажек, при снятом респираторе ощущался запах гари. У развалин домов кое-где рылись в руинах группы людей.

Мы не стали подъезжать ни к одной из групп, чтобы выяснить обстановку, у нас была другая, первоочередная цель – добраться до родственников Коли и попытаться вывезти их к нам в посёлок. Потом нужно было заехать домой к Володе, захватить кое-что из личных вещей, а также попытаться найти и вывезти его родных. Судя по всему, проблем в городе было явно предостаточно, это было видно даже нам, хоть находились мы здесь всего 15 минут. Мы заметили в некоторых окнах уцелевших домов печные трубы, которые нещадно дымили – значит, централизованное отопление отсутствовало. Несмотря на сумрачный день, нигде не было видно электрического освещения – значит, и электроснабжение отсутствовало. А что такое город без электричества? Это значит – отсутствие воды, да и канализация, скорее всего, не действует.

Редкие прохожие провожали нас внимательными взглядами – проезжающие машины здесь стали в редкость. На лицах практически всех прохожих мы заметили защитные марлевые повязки. Дом родственников Володи был от нас ближе всего, он стоял в старом городе, напротив административного здания Научного центра, ближе к реке Ока. Это была старая девятиэтажка, построенная ещё во времена Брежнева, подъезжать к ней нам нужно было, двигаясь мимо длинного двенадцатиэтажного здания. Оно было практически цело, только последнюю секцию пересекала трещина, и в квартирах вылетели почти все стёкла. Объехав дом, мы упёрлись в трещину на асфальте шириной более двух метров, трещина шла дальше, по грунту, постепенно расширяясь. И что же мы увидели перед собой? Девятиэтажки, в которой проживали тесть и тёща Володи, просто не было. На том месте, где она раньше стояла, теперь лежала только большая куча обломков. Похожую картину я когда-то видел в новостях по телевизору, когда показывали последствия сильного землетрясения на Сахалине.

Мы были в шоке от вида таких разрушений, тем более что всё это находилось прямо перед нами. Скорее всего, такое обрушение произошло не только в результате землетрясения, но и вследствие сползания грунта к реке, ведь девятиэтажка стояла совсем недалеко от высокого берега Оки. Чтобы попасть к руинам дома, нам не пришлось перекидывать через трещину

наши мостики, привязанные на багажнике джипа. Невдалеке уже был кем-то сделан мостик, наскоро сооружённый из пролёта железного заборчика с досками, положенными сверху.

Мы подошли к руинам дома, там копался в развалинах какой-то человек. Коля его окликнул, тот сначала сильно нас испугался. А что, трое мужиков, одетых в камуфлированные куртки, двое из них с оружием – моя «Сайга» была копией автомата Калашникова, только ствол толще. Поэтому он первоначально дёрнулся убежать, но понял, что быстро выбраться из развалин ему не удастся и замер, молча смотря на нас и жалко улыбаясь. Правда, Володя его быстро успокоил, сказав, что мы приехали за родственниками, чтобы увезти их в деревню, что тут такая трагедия, а мы нечего не знаем о положении в городе, и можно ли где-нибудь узнать о судьбе людей, проживавших в этом доме.

Мужчина вышел к нам, представился Димой, мы угостили его сигаретой и пригласили в машину, пропустить граммов по пятьдесят водки и помянуть погибших. А я видел, что и Володе, и Николаю это тоже было нужно. Необходимо было сбить сильнейший стресс, ведь это был их родной город, а у Володи, вообще, тёща и тесть, скорее всего, погибли. Мы с собой, на всякий случай, захватили целый ящик водки, вдруг нужно будет что-либо выменять, либо о чём-то договориться, а водка в такой ситуации – самая лучшая валюта.

Дима с удовольствием согласился разделить с нами компанию. Кроме водки у нас были с собой бутерброды с сухой колбасой, банка сайры и варёная картошка с солёными огурцами, всё это заботливо собрали нам на обед наши женщины, вместо хлеба ели лепёшки, выпеченные Машей ещё вчера. Дима с жадностью набросился на еду, разложенную Николаем, и прямо с набитым ртом начал отвечать на наши вопросы:

– Сам момент обрушения дома я не видел, но совершенно точно, это случилось уже после землетрясения, минут через пять, потому что у меня в квартире всё начало качаться, и погас свет около восьми часов вечера. После этого я почти сразу вышел на балкон посмотреть, что же это творится вокруг – сначала-то я подумал, что это происки террористов. Выйдя на балкон, едва успел выкурить сигарету, когда раздался жуткий грохот. Я собрался и выбежал из дома на улицу. Всё вокруг было в пыли, везде метались люди, нельзя было ничего понять. Я обошёл дом, только тогда и увидел эту ужасную картину. Выломав пролёт забора, мы с соседями сделали мостик через трещину – правда, с того времени она увеличилась сантиметров на пятьдесят. Перешли к разрушенному дому и встретили человек десять жителей, успевших после первых сотрясений покинуть девятиэтажку. Мужчину и женщину, похожих на описанных вами, я не видел. И, вообще, ни одного пожилого человека там не было. Все собравшиеся попытались как-то разобрать эту кучу, но в темноте и без техники это было бесполезной тратой времени, и я решил вернуться домой. Все остальные тоже разошлись, пострадавшие вроде собирались направиться в местную администрацию, так как никто из ответственных чиновников на место катастрофы так и не приехал. Оставшиеся без дома даже не знали, где им ночевать, во что одеваться и чем питаться, а шёл уже второй час ночи.

Рассказывая всё это, Дима не забывал потреблять водку, и уже после второй пятидесятиграммовой дозы его слегка повело, но он стал более разговорчив, откровенен и охотно стал рассказывать о несчастьях, которые свалились на него и его семью в эти последние десять дней.

Рассказ Димы

После того как я пришёл с развалин обрушившегося дома, спать совсем не хотелось, хотя было уже полвторого ночи, жена тоже не спала, мечась по квартире от одного окна к другому. Света в доме не было, на седьмой этаж пришлось подниматься пешком, ощупывая стену, чтобы как-то ориентироваться и не упасть. Жена, причитая, бросилась ко мне с вопросами, что происходит и долго ли всё это будет продолжаться, ведь завтра утром, когда встанут дети, ей не на чём будет приготовить им завтрак – воды тоже не было. Оттолкнув её, я закричал, что сам

ничего не знаю и не понимаю. Скорее всего, произошёл оползень, и соседний дом развалился, поубивав кучу народа, на улице образовалась громадная трещина, и коммуникации, наверное, тоже все повреждены. Как ни странно, этими словами я её немного успокоил, особенно сообщением о больших жертвах в соседней, развалившейся девятиэтажке, видимо она почувствовала облегчение от того, что мы хотя бы живы и никаких повреждений в квартире нет, ну, а коммуникации всё равно дня через два починят.

Я предложил жене, чтобы окончательно успокоится, принять коньячка, который был приготовлен для подарка тестю на день рождения, ведь я очень замучился и ужасно замёрз. Немного подумав, она дала добро – бутылку мы уговорили где-то за час и только после этого смогли уснуть.

Наутро я, злой и не выспавшийся, встал, чтобы идти на работу, а воды так и не было, умываться было нечем. Неожиданно заработала радиоточка на кухне. Передавали, что произошло катастрофическое землетрясение из-за взрыва вулкана в Америке и чтобы все сохраняли спокойствие, так как все меры по ликвидации аварий будут приняты. Прослушав сообщение, отправился на работу в местную типографию – я работал там электриком. Зарплата была небольшая, но я ещё подхалтуривал на стороне, по крайней мере на покупку автомобиля и на жизнь хватало.

Явившись на службу, узнал, что временно типография работать не будет и всех собирают в клубе Биологического центра к десяти часам. Там сейчас организован штаб гражданской обороны и будет проведена информационная лекция, а также распределят на работу. Пока не начнёт функционировать типография, работать придётся там, зарплата будет такая же. Перейдя в клуб, я услышал то же самое, что передавали по радио, единственное дополнение, что, судя по снимкам из космоса, разрушения наблюдаются по всему миру, а Америке вообще – хана. Из космоса Центральную и Северную Америку не видно, слишком плотные облака, смешанные с пеплом и другими выбросами вулкана, даже радиосигналы не проходят, и информации о положении дел в странах, расположенных там, совсем нет. Также там нас предупредили, что и в сторону России идут эти облака.

Было объявлено, что вводится чрезвычайное положение и временно, до нормализации обстановки, будет действовать карточная система распределения продуктов и топлива. Только по карточкам, которые для работающих будут выдаваться здесь, а для неработающих и детей в домоуправлениях по месту прописки, можно будет получить продукты, бензин и другие жизненно необходимые вещи.

Все магазины, заправки и другие торговые точки закрываются, а имеющиеся в них товары изымаются под расписку для будущей компенсации. Они говорили, конечно, правильные вещи, но я лично видел, направляясь сюда, как несколько парней громили коммерческий ларёк. А прохожие, после отъезда этих бандитов с добытым пивом и другими товарами, которыми они загрузили в свой БМВ, принялись разбирать остатки товара. Я тоже успел урвать блок сигарет «Бонд» и несколько шоколадок. Все это происходило днем, и никакая власть им не помешала.

Между тем, зарегистрировавшись, я получил пока назначение в бригаду по расчистке улиц. Как сказал главный по распределению на работы:

– Тебя обязательно привлечем к работе по специальности. Нужно только, чтобы прояснилась ситуация с подачей электроэнергии – без неё не получится подать воду и тепло в дома. Электрики – специальность на будущее очень нужная.

Я спросил:

– А где же сейчас людям брать воду?

Он ответил, что машины-водовозки на все районы города уже выделены и по графику будут развозить воду. А потом пошутил:

– От жажды никто не умрёт.

Нашей бригаде в двадцать человек выделили трактор «Беларусь», автобус ПАЗик, самосвал ЗИЛ и каждому дали по лопате и ещё на всех три ломика. На возмущение по поводу низкой механизации нам объяснили, что тяжёлой техники и так не хватает, и она вся будет занята на разборке завалов зданий.

Каждому зарегистрированному выделили по пятилитровой бутылке воды, по две пачки галет, плавленый сыр Виола и банку рыбных консервов. На сборе нашей бригады всех отпустили на два часа домой, отнести полученные продукты и сообщить родным, где мы и чем заняты. Телефоны ни у кого не работали. К двум часам дня все должны были собраться у дороги, напротив главного входа в Биоцентр, туда же должна была подъехать и выделенная техника.

Принеся домой полученные и добытые мной лично товары, я рассказал жене обо всей ситуации, творящейся в мире и в нашем городе, сказал ей, чтобы она не тянула, а шла регистрироваться и получать талоны в домоуправлении на детей и на себя. После чего пошёл на новую работу.

Мы расчищали дороги где-то часа два, потом нас с этой работы сняли и направили на разборку рухнувшего дома, возле кинотеатра. Людей не хватало, а там была надежда найти хоть кого-нибудь живого. Всем выдали по противогазу и респиратору. Без респиратора работать там было невозможно. А в некоторых местах из-за произошедших утечек газа можно было работать только в противогазе. Наша бригада трудилась без перерыва до девяти часов вечера, место работ освещалось прожекторами от дизельгенератора. К девяти часам прибыла бригада сменщиков, и я отправился домой.

Кстати, нам выдали ещё и небольшие фонарики с запасными батарейками. Придя домой, я съел холодный ужин. Жена, правда, обнадёжила, сказав:

– С завтрашнего дня можно будет получать горячее питание в институтской столовой, я взяла на всех талоны, но, правда, только на один раз в день.

Я её слушал вполуха, был ужасно вымотан и, несмотря на довольно ощутимую прохладу в квартире, просто рухнул на кровать и заснул. Проснулся в шесть часов утра. На улице было ещё темно, в квартире холодно, комнатный термометр показывал девять градусов.

До выхода на общественные работы я собирался успеть доехать кое-куда на своей машине, чтобы взять пустую 250-литровую бочку, которую вчера нашёл и припрятал, когда мы чистили дорогу. Из неё я хотел сделать печку типа «буржуйки». Накануне я понял, что скорой подачи электричества и отопления не предвидится, а при такой температуре в квартире мы быстро вымерзнем, как мамонты. По пути я хотел заехать и в хозяйственный магазин. Вчера вечером заметил, что магазин вскрыли и что-то из него таскали.

Не позавтракав, так как горячего ничего не было, а сухая и холодная пища в рот не лезла, я пошёл к машине, завёл её и подъехал к магазину. Действительно, кто-то там уже побывал. Очень осторожно, оставив машину метрах в пятнадцати от магазина, я влез в разбитую стеклянную витрину. Решетка, раньше стоявшая тут, отсутствовала, похоже, её вырвали при помощи троса, привязанного к автомобилю. Включил фонарь, вокруг было всё перевернуто, некоторые полки опрокинуты. «Вот сволочи, – подумал я, – ну, вскрыли, ну, взяли, что вам было нужно, зачем же портить остальной товар». А товара в этом хозяйственном магазине оставалось ещё много.

Мне для печки нужны были дымовые трубы, и они тут были, я взял нужное мне количество и отнёс это всё в машину. Вернувшись, нашел ещё два двухметровых листа из нержавеющей стали, свернул их в трубу и тоже отнёс в машину. Потом в три полиэтиленовых пакета собрал разную мелочь, которая могла пригодиться для изготовления печки. К своей радости, нашёл и термогерметик, теперь было чем заделывать щели в печке.

Я торопился, не стоило оставаться там слишком долго, вдруг кто-нибудь увидит. К тому же скоро идти на работу, а нужно ещё привезти бочку и перенести всё домой. Набив пакеты,

поехал за бочкой, потом вместе с женой затаскивал её на свой седьмой этаж, затем мы вместе переносили в дом всю мою сегодняшнюю добычу. Так что, еле успел к девяти часам подойти на работу, ведь надо было ещё успеть забежать в институтскую столовую, съесть свой горячий завтрак (всем, участвующим в спасательных операциях, выделили дополнительные талоны на завтраки в столовой).

В этот день мы были опять направлены на разбор завалов рухнувшего дома. Я видел много людей, которые поселились в здании института, все-таки здесь имелось электричество от дизельгенератора и было гораздо теплее. Сам тоже подумывал, не эвакуироваться ли и нам сюда, но людская скученность (практически везде стояли раскладушки и железные кровати), а также надежда на изготовление печки, удерживали меня от этого решения.

Работали мы часов до двух, но потом прекратили, мешали осадки в виде какого-то пепла и очень неприятный запах, чувствующийся даже в респираторе. У людей, которые долго дышали этим воздухом без противогаза, начинала сильно болеть голова и подступала тошнота.

По команде мы все эвакуировались в здание штаба, в бывший кинотеатр. Там просидели два часа, пока учёные из института делали анализ воздуха. Я очень беспокоился за свою семью, но меня успокоили, сказав:

– По трансляции уже объявили об опасности отравления воздухом и сообщили в инструкции по поведению о том, что нужно закрыть все окна, заклеить щели, а в вентиляционную систему квартир вставить за решётки несколько слоёв марли, которую следует поддерживать во влажном состоянии.

Через два часа выступил профессор из института и объяснил:

– Это вулканический газ и в небольшой концентрации он не смертелен. Он тяжелее воздуха, поэтому вряд ли поднимется выше пяти метров, тем более, рядом низина, русло реки, этот газ будет стремиться туда и выветриваться из города. Газ этот через неделю даже в низинах должен полностью распасться на безопасные фракции и, вообще, людям, живущим на этажах, выше третьего, можно его не опасаться, а спокойно открывать окна.

Этим заявлением он всех более или менее успокоил.

В связи с возникшей газовой опасностью руководство нашего МЧС решило все работы приостановить и всех распустить по домам. О сборе должны сообщить по радио, также предлагалось всем, кто живёт ниже третьего этажа, эвакуироваться в здания Биологического центра или академической гостиницы. Ходить за водой и отоварить карточки советовали только в противогазах. Тут же начали выдавать по два запасных картриджа, продуктового набору и 5-литровой баклажке с водой. После чего, все, уже в противогазах, начали расходиться по домам.

Придя домой, я застал жену и обоих детей, одетых в зимнюю одежду, дети сверху ещё были закутаны в ватные одеяла. Все трое сидели возле единственного источника света и тепла в квартире – свечи, поставленной на маленькое блюдце. Хорошо, что в магазине я набил этими свечами два целлофановых пакета. В квартире стояла температура шесть градусов – на улице было минус четыре.

Не раздеваясь, я сразу приступил к изготовлению печки. Я решил работать хоть всю ночь, но печку сделать, потому что при такой температуре можно было уснуть и не проснуться. К утру печка была готова. Пока все спали, я, надев противогаз, вышел во двор набрать дров. Разных деревяшек валялось много, я сделал уже четвертую ходку, когда встала жена. Она круглыми глазами, недоверчиво смотрела на мою конструкцию, но после того, как я растопил печь, начала с криком восторга прыгать вокруг неё. А я обессиленно уселся на диван, говорить или что-то делать уже не мог.

Проснулся только на следующий день, рано утром, в комнате было уже гораздо теплее – около 17 градусов. Дров уже не было, печка была холодная. Пришлось надеть противогаз и начинать носить дрова, а когда заготовил топлива впрок, то первый раз с момента катастрофы поел дома горячую пищу. Воды у нас оставалось совсем немного. Подумав, решил съездить на

машине в ближайшую деревню Балково за водой, я знал, там был колодец, заодно осмотреться и привезти ещё дров. Около дома уже все деревяшки собрали, этим делом занимался не только я.

По пути заглянул в хозяйственный магазин. Видно было, что его уже довольно сильно подчистили, но я всё равно нашёл там четыре пластиковые 20-литровые канистры. Доехав до Балково, набрал в них воды. Было видно, что многие дома покинуты жителями. В один, по виду жилой, я постучал, думая переговорить с хозяевами. Но меня послали куда подальше и пригрозили, если не уберусь в своё Пушино, а продолжу лазить по деревне, угостить дробью. От греха подальше я ушёл от этого дома и решил осмотреть другие, покинутые хозяевами. Здесь царил полный разгром, видно, дома подверглись мародёрству, и только в одном я нашёл несколько банок варенья и солений, а также большой бак квашеной капусты и полную кастрюлю засоленного сала – эти запасы, лежащие в маленьком погребе, просто не заметили при грабеже дома. Забрав продукты, я из поленицы на дворе загрузил полную машину дров и поехал домой изрядно вымотанный – всё-таки работать всё время в противогазе здорово утомляет.

На следующий день ещё раз съездил в Балково, там уже было несколько машин из Пушино, народ загружался в фермерском коровнике мясом, отрезая куски от погибших животных. Я тоже принял в этом участие, загрузив в багажник килограммов семьдесят вполне нормального мяса. Потом набрал воду и опять загрузил полную машину колотыми дровами, обойдя дворы всех покинутых домов, дров уже оставалось очень немного, основную часть вывезли. По-видимому, здесь побывало уже много народа из Пушино, дорога была хорошо наезжена.

После этой поездки я до вчерашнего дня не выходил из дома. А вчера по радио объявили общий сбор и отменили газовую опасность. Нашу бригаду поставили на вывоз погибших людей и животных. Работа была кошмарная, трупов было много, выполняла эту задачу, наверное, треть всех бригад.

Трупы отвозили к оврагам, что на западной окраине города, там их укладывали в братские могилы и бульдозером засыпали. Туши животных свозили самосвалами в близлежащий овраг. Работали до позднего вечера, единственным послаблением после этого кошмара была выдача всем по двести граммов водки и хороший ужин. Правда, многие есть не стали, видимо горы трупов так и стояли перед глазами. И ещё, нам на сегодня сделали выходной, вот, поэтому я с утра и копаюсь в развалинах, в поисках деревяшек и в надежде найти продукты или ещё что-нибудь нужное в хозяйстве.

Рассказав всё это, Дима, изрядно захмелев, добавил:

– Вы счастливые, что оказались в деревне и не видели всего этого ужаса. Я тоже хотел бы уехать из города, но уже использовал практически весь бензин, а теперь его негде взять. Да и нет у меня ни дома, ни родственников в деревне.

Мы его успокоили тем, что в коллективе с грамотным руководством шансов выжить гораздо больше, тем более что это руководство из официальных структур и имеет полное право воспользоваться стратегическими государственными запасами. Дима печально ухмыльнулся и сказал:

– Права-то мы имеем, но власть правее. И, как обычно, оказывается, что всё это богатство не про нас. Наверху идут свои разборки за ресурсы. Уже сейчас власти разделились на два лагеря. Один – институтское начальство и администрация города, которые контролируют четыре микрорайона. Второй – бывшее полицейское начальство, эти закрепились в микрорайоне ФИАН, где угольная котельная и несколько продуктовых складов. И ни в какую, козлы, не хотят отдавать со складов на нужды города ни уголь, ни продукты.

Поговорив немного ещё по этому поводу, мы распрощались с Димой, подарив ему на прощание две бутылки водки, чтобы он выменял на них продукты для семьи. Было его немного

жаль, хороший человек, но, по большому счёту, помочь ему и его семье мы ничем не могли и, возможно, под патронажем государственных структур, с их грандиозными мобилизационными запасами, его семье предоставлялось больше возможностей выжить, чем нам, рассчитывающим только на свои силы.

Глава 7

Выпивали и разговаривали мы с Димой, в общей сложности, часа три. Из нас троих не пил только я, должен же оставаться кто-то трезвый, чтобы вести машину. К тому же Пушкино не мой родной город, я был здесь всего раза три, поэтому мне было гораздо легче переносить вид всех этих разрушений. Потом мы поехали к дому Колиных родных, он был совсем недалеко, но из-за трещины на дороге нам пришлось сделать довольно большой крюк.

Подъехав к совершенно целому дому, мы вышли из машины и направились в квартиру родителей Коли. Они жили на первом этаже, дверь оказалась открытой, в квартире никого не было, книг и деревянной мебели тоже. Мы поднялись дальше, по лестнице и нашли квартиру, где остались жить люди, хорошо знавшие родителей Николая. Они рассказали нам, что все жильцы с первого этажа погибли, а родителей Коли нашли мёртвыми в подъезде на первом этаже. По-видимому, они почувствовали неприятный запах, вышли из квартиры в подъезд, но сделать уже ничего не смогли. Увезли хоронить их в братской могиле вчера днём. Больше соседи ничего не знали. Николай, до этого сидевший молча, вдруг, никого не стесняясь, зарыдал. Я встал, пошёл к машине, взял из неё две бутылки водки и оставшуюся банку консервов, и мы вместе с соседями помянули трагически погибших родителей Коли. Вскоре Николай немного успокоился, все-таки общее горе сглаживало и его личную трагедию. Потом я настоял на том, чтобы не дожидаться темноты, а начинать уже двигаться по направлению к дому, тем более что дорога в наш посёлок была довольно сложная. Больших возражений не последовало, вот только Коля немного упирался, требуя сначала заехать к нему домой. Ему нужно было забрать кое-какие вещи и фотографии родителей. Но я пообещал, что завтра мы обязательно побываем там, ведь в Пушкино нужно было ещё раз приехать, чтобы пообщаться с администрацией. Может быть, мы сможем оказать друг другу какую-нибудь помощь и быть чем-либо полезными пострадавшим людям.

Наше возвращение совпало с наступлением полной темноты, небо только изредка озарили следы падения метеоритов, их, по сравнению с прошлой ночью, стало гораздо меньше. Приехав домой, мы застали всех очень возбуждёнными. Оказывается, сегодня днём в посёлок пытались проникнуть мародёры. Они приехали на двух машинах и вырвали буксировочным тросом одну из створок железных въездных ворот. Ворота мы постоянно закрывали на навесной замок.

Наши дежурные Вика и Катя вовремя увидели чужие автомобили и сразу предупредили ребят, занятых переноской овощей в подвал. Саша с Флюром, взяв ружья, пошли узнать, что нужно этим людям в машинах. Ребята приблизились к воротам к тому моменту, когда незваные гости уже вырвали одну из створок. На вопрос Саши, что им здесь нужно, бандиты сразу начали стрелять, но ребята наши опытные, подготовленные, их трудно застать врасплох. Саша мгновенно залёг, а Флюр, замаскировавшись у домика сторожей, открыл ответный огонь и вроде ранил картечью двух человек. Но точно определить это было невозможно, так как машины развернулись и быстро уехали. Ребята не стали стрелять им вслед. Описывая этот эпизод, Саша сказал:

– В принципе, мы могли положить там всех мародёров. Эти индюки – полные дилетанты, просто открытыми мишенями были. Надеюсь, что теперь, получив по мозгам, они вряд ли сюда сунутся.

Обсудив это происшествие, мы тоже рассказали, что видели и узнали в Пушкино, а также о гибели родственников и родных Володи и Коли. Узнав о смерти бабушки и дедушки, Максим горько заплакал, что уж говорить о женщинах. С Галей, после нашего рассказа о судьбе дома и вероятной гибели родителей, опять случился истерический припадок, пришлось делать ей успокаивающий укол. Остальных я просто отпаивал валерьянкой.

Потом мы решили помянуть всех погибших. Во время этого скорбного ритуала я узнал, что в обрушившейся девятиэтажке была квартира и Володи с Галей. Несмотря на напряжённость обстановки, наши женщины держались стоически, прошедшие события закалили их – жалоб и истерик практически не было. Поминки затянулись до одиннадцати часов вечера, хотя утром договорились вставать не позже семи часов. Народ был молчалив как никогда. Все вспоминали своих родственников, о которых ничего не было известно.

С этого дня решили опять установить ночное дежурство. В эту ночь посменно должны были отдежурить Валера с Сергеем. Договорились, что ночами теперь будут дежурить одни мужчины. Утром, во время завтрака, распланировали, как уже повелось, задачи каждого на сегодня. Мы, опять втроём, едем в Пушино. Попытаемся встретиться с администрацией, может быть, через неё удастся связаться с Москвой. Наверняка ведь к зданию, занимаемому администрацией, должны быть подведены кабельные линии связи. Мне было необходимо узнать о судьбе моих и Машиных родных. Саша также просил связаться с его командованием и доложить о невозможности сейчас добраться до службы. Ну а Николаю нужно было попасть в свою квартиру, забрать там личные вещи и фотографии, также он хотел захватить с работы кое-какие инструменты и расходные материалы для автомобилей. Ребята в это время отремонтируют ворота и продолжают переносить запасы в подвал. Женщины будут перебирать овощи, займутся дежурством, стиркой и приготовлением пищи.

Из дома мы выехали в восемь часов и по знакомой дороге, уже через полчаса добрались до города и сразу же поехали к зданию администрации. Там Володя вышел – мы решили, что всем вместе светиться совершенно необязательно, это может только навредить. Володя знал прекрасно всё руководство Научного центра, был знаком с мэром и всеми его замами. Обо всём, что нужно, Володя сам договорится, а за ним приедем на это место часа через четыре. Мы с Колей тем временем собирались съездить к нему домой и на сервис, чтобы загрузится нужными вещами. Николай жил в микрорайоне Г, это было совсем недалеко от администрации, и мы оказались на месте уже через семь минут. Поднявшись пешком на Колин этаж, увидели, что дверь в его квартиру взломана и открыта настежь. Зашли и застали печальную картину – деревянной мебели никакой не осталось, только щепки валялись на полу, книг тоже не было. Из вещей в квартире оставались только сваленная в кучу старая одежда и бытовая техника. Мародеры брали, в первую очередь, дрова и пищу. Матерясь, Коля порылся в вещах, кое-что отобрал, всё это мы сложили в пакеты, принесённые с собой, и пошли к машине.

К соседям разозлённый Коля даже не стал стучаться:

– Сволочи! – процедил он. – Наверняка, если не они это сделали, то слышали, как ломали дверь, и ничего не предприняли. А залез в квартиру и таскал обломки мебели и книги однозначно кто-то из нашего подъезда, а может быть, и соседи по лестничной клетке.

Уложив всё в машину, мы поехали к сервису. Он находился на окраине города, возле гаражей, при выезде к деревне Балково. Сервис был тоже разгромлен, видно, искали топливо. Исчезли все смазочные материалы, но инструменты и оборудование не были тронуты. Загрузив в машину ценные инструменты, мы поехали посмотреть, что творится в городе и можно ли чего полезного приватизировать и самим. Также хотели заглянуть в хозяйственный магазин, про который рассказывал Дима, может, там ещё не всё растащили и нужные нам в хозяйстве вещи пока остались.

Недалеко от микрорайона ФИАН я обратил внимание на два полицейских «Уазика» – один припарковался у самого входа в магазин, и люди в форме что-то в него загружали, второй стоял немного в стороне, как бы охраняя первый. Вдруг этот «Уазик» сорвался с места и перегородил нам дорогу.

Я остановился метрах в пятнадцати от него и сразу вспомнил рассказ Димы, что копы отделились от структур администрации и захватили власть над микрорайоном ФИАН. А также,

что они были замечены в грабежах магазинов, и именно, чтобы защититься от их произвола, поставили БМД около заправки, так как копы пытались взять и её тоже под свой контроль.

Из «Уазика» вышли двое в полицейской форме с автоматами, третий остался в машине, но оружие демонстративно высунул в окно. Один из вышедших полицейских громко закричал:

– Быстро! Вышли из машины. Приготовили документы и открыли багажник для досмотра.

Я крикнул Коле:

– Вылезай под защиту корпуса джипа и приготовь ружьё.

Автомобиль я предусмотрительно поставил боком к проезжей части, пассажирским местом к милиционерам. Коля сидел на своём обычном месте на заднем сиденье.

Сам я вышел под защиту машины и, высунув «Сайгу», закричал в ответ:

– Мы едем по заданию администрации, сначала сами предъявите документы и представьтесь.

Заметив оружие, вышедшие полицейские быстро отбежали под защиту «Уазика» и уже оттуда, чередуя слова с матерной бранью, приказали:

– Быстро, козлы, уматывайте от машины, и оставьте в ней ключи. Вы можете не бояться, мы вдгонку стрелять не будем, сами вы нам, на хрен, не нужны.

Николай выглянул, с намерением им что-то ответить, и в этот момент сидящий в «Уазике» начал стрелять, и бил он на поражение. Коля дёрнулся, присел под защиту машины, я тоже передвинулся под защиту двигателя. Потом, оперев ружьё о передний бампер, стал стрелять, не останавливаясь, пока не израсходовал все находящиеся в магазине патроны, а их там было шесть штук, и они были с картечью, а на близком расстоянии это действовало покруче, чем автоматы копов (укороченные АК под 5,45-миллиметровый патрон). Выглянув из-за машины, я увидел, что буквально изрешетил весь Уазик, а от магазина, стреляя в нашу сторону, бегут ещё три человека. Второй «Уазик» уже завели, и сейчас он тоже поедет к первому на помощь. Дело стало принимать совсем неблагоприятный оборот. Тогда я бросил единственную, имеющуюся у нас гранату в сторону набегавших полицейских и крикнул Коле:

– Сваливаем! Быстрее забирайся в тачку, пора делать ноги.

Коля в это время с упоением стрелял в Уазик, стоявший невдалеке.

Хорошо, что наша машина была не заглушена. Плюхнувшись на водительское сиденье, засыпанное осколками от боковых окон, я газанул, и джип, визжа пробуксовывающими колёсами, перемахнул через бордюр прямо на пешеходную дорожку, развернулся и поехал прочь. После взрыва гранаты противник присмирел, преследовать вооружённых людей не решился, только выстрелы раздавались нам вслед. К счастью, переднее стекло, хоть и было продырявлено в двух местах, но ещё держалось, хотя видимость была затруднена. Мы отъехали где-то километра три от места боестолкновения, когда наша машина сильно задымила, а на приборной панели замигала лампочка, показывая сильный перегрев. Я остановился и заглушил мотор, потом зарядил ружьё и только после этого занялся постанывающим Николаем.

Куртка в области правого плеча у него была вся в крови, да и заднее сиденье было испачкано кровью. Под непрерывающийся мат, прерываемый вскриками, я стащил с Коли куртку и оголил плечо. Рана была пустяковая, пуля по касательной задела плечо, содрал кожу и вырвав немного мяса, правда, рана сильно кровоточила. Продезинфицировав водкой и стерев с плеча кровь влажной салфеткой, я обмазал толстым слоем мази «Спасатель» эту, можно сказать, глубокую и крупную царапину, потом залепил её большим бактерицидным пластырем. Всё это я взял из автомобильной аптечки. Для обезболивания я дал Коле три таблетки анальгина, хотя он требовал сто граммов водки.

После обработки раны Николай с проклятиями натянул куртку, и мы вышли из машины, предварительно открыв капот двигательного отсека – нужно было посмотреть, что же случилось с автомобилем. Внешне наш «Шевроле Блайзер» выглядел довольно неприглядно: все

боковые окна были выбиты, на правом боку в обеих дверях выделялось несколько пробоин, фары были разбиты, переднее стекло держалось на честном слове. На нём было две пробоины, от которых расходились длинные трещины, но это всё-таки лучше, чем если бы оно распалось на мелкие осколки. Сейчас хотя бы была видна дорога и не дул в лицо холодный ветер.

Заглянув под капот, мы увидели, что двигатель в полном порядке, а вот радиатору не повезло. На нём была длинная, рваная пробоина от пули, видно, она прошла по касательной к радиатору и вскрыла его, как консервную банку.

– Ремонту не подлежит, – изрёк Николай и стал грязно ругать полицейских, встретившихся нам.

– Что будем делать? – остановил я его руладу.

– А что тут сделаешь? – ответил он, – будем ехать минут по пять, потом останавливаться и охлаждаться. Печку надо включить на полную мощность и постоянно доливать в радиатор воду, может, так до дому и доберёмся. А если движок заклинит, придётся машину бросить и идти пешком.

Мы представили Володю, когда мужик увидит, в каком состоянии его машина. И это после того, как он потерял родственников, квартиру, да и дача стояла полуразрушенная – и нам стало совсем неудобно. Но делать нечего, за Володей ехать надо. Долив воды в радиатор (у нас она была в двухлитровой бутылке из-под газировки), мы поехали к месту встречи, к зданию администрации, по пути ещё раз останавливались, чтобы остудить машину.

На месте встречи уже стоял Володя, он даже замёрз, ожидая нас, температура воздуха была минус пять градусов. Володя просто ошеломен, когда увидел свой автомобиль, он только кивал в ответ, когда мы ему рассказывали о наших злоключениях. Он даже сначала не мог ничего толком рассказать о своём посещении института и местной администрации, только протянул нам два пакета, набитых какими-то приборами, стекляшками, и сказал:

– Связаться с Москвой очень проблематично, прямого выхода нет, только через Серпухов.

Чтобы как-то разрядить ситуацию, я предложил пропустить по сто граммов и перекусить немного. Тем более Коля всё время ныл, что ему необходимо по всем канонам жидкое обезболивующее, а то рана постоянно болит. Так как в машине без стёкол было холодно, мы быстро допили открытую мной для дезинфекции раны Николая бутылку, закусывая бутербродами.

Для того чтобы доехать до дома, нам нужно было где-то раздобыть воды. Володя знал, где стоит водовозка, оставалось найти ёмкости для воды, двухлитровой бутылки было мало. Решили сходить в хозяйственный магазин, о котором рассказывал Дима, там наверняка будут какие-нибудь ёмкости, тем более что он находился совсем недалеко, Володя знал, где. Пошли мы с Володей, оставив Колю как раненого сторожить машину, при этом я посоветовал:

– Если замёрзнешь, побегай вокруг джипа, ведь он уже спас тебя однажды, закрыв своим телом. И вообще, ты охотник и должен тренироваться переносить климатические неурядицы.

В магазине действительно было всё разгромлено, и он стоял почти весь опустошённый, оставалось только много удобрений и земли в мешках – даже краску и ту почти что всю растащили. Хотя я не понимал, кому она могла понадобиться в такой ситуации. Обойдя весь магазин, мы наконец нашли двадцатилитровую пластиковую канистру с антисептиком «Сенеж», а также несколько свёрл и наборов пил для электролобзиков, не понадобились мародерам и обрезные диски для болгарки – всем этим мы нагрузили имеющиеся пакеты и пошли к выходу, у которого стоял ларёк с лазерными дисками. Его тоже практически не тронули. Пошарив там, набрали штук семьдесят различных дисков и отправились к машине. «Сенеж», естественно, вылили, освободив ёмкость.

Николай нервно ходил возле машины и, увидев нас, заявил:

– Больше сидеть тут и ждать не могу, лучше пойду в одиночку за водой.

Я ответил:

– Опять, Николя, ты пролетел! Зачем ходить, когда можно доехать.

Сложив всё в машину, мы поехали к месту стоянки водовозки, до неё было меньше километра. Наполнив ёмкости водой, сразу двинули домой, периодически останавливаясь, охлаждая машину и доливая воды в радиатор. В салоне, несмотря на постоянно работающий обдув от печки, было холодно, и все мы очень замёрзли. Таким образом, добирались до дома три часа, вместо тридцати минут, за которые доехали до города утром. На улице похолодало, температура опустилась ниже минус 7 градусов. Когда уже стемнело, и мы подъехали к дому, то, несмотря на выпитое, были уже совершенно трезвые, от холода, наверное. Зайдя домой, отогрелись за ужином и начали рассказ о столкновении с полицейскими. Потом о посещении местной администрации и института нам всё рассказал Володя.

Рассказ Володи

После отъезда Толи с Николаем я, в первую очередь, решил посетить администрацию, чтобы посмотреть, кто сейчас там всем распоряжается. И мэра, и его замов я знал достаточно хорошо. После думал направиться в свой институт, а потом зайти на работу к Гале, чтобы взять пару низкотемпературных термометров, об этом просил Толя.

В администрации мне сказали, что мэра нет, он так и не объявился после катастрофы, а всем сейчас заправляет Погорелов, раньше он был заместителем директора Объединенного научного центра по административной части. Михалыча я знал очень хорошо, раньше он работал в нашем институте начальником «Опытного производства», и мы с ним часто пересекались по моему бизнесу – он оказывал мне существенную помощь по делам производства. Поэтому я смело, игнорируя сидевшую секретаршу, постучал и вошёл в его кабинет. Михалыч обрадовался моему появлению. Хлопнув меня по плечу, он воскликнул:

– Привет! Ну что? Жив, курилка!

Потом предложил присесть и рассказать о моих злоключениях. Коротко рассказал ему, что в момент катастрофы мы с Галей находились на даче, которую сильно разрушило, и сейчас живём у соседей, куда набились все оказавшиеся в нашем дачном посёлке люди. Что тесть с тещей погибли в городе под обломками рухнувшего дома, в котором была и моя квартира.

Посуровев лицом, он посочувствовал:

– Может быть, им ещё повезло, и смерть была быстрой и лёгкой.

Потом я спросил:

– Не могут ли власти оказать нам помощь топливом и продуктами? В свою очередь, мы готовы делать всё, что поручат.

На мои слова он горько засмеялся и начал рассказывать о положении дел в городе как старому товарищу, ничего не скрывая, без прикрас.

– Во-первых, в городе погибло не менее трети всего населения, по крайней мере мы собрали и захоронили более трёх тысяч человек – это не считая погибших и не найденных под развалинами. Сейчас в наличии тех, кто зарегистрировался и получает пайки, – одиннадцать тысяч человек. Это не считая микрорайона ФИАН, где в живых остались не более двух тысяч человек, а всего до катастрофы в Пушкино проживало 21 тысяча человек.

Во-вторых, больших складов с продуктами на территории, контролируемой нашей администрацией, нет. Они все находятся на той территории микрорайона ФИАН, что контролируется силовыми структурами города под руководством начальника полиции. И полковник, несмотря на все требования, для города ничего не выделяет, утверждая, что власть не легитимна, что избранного народом мэра нет, а он подчиняется только ему. На предложение о том, чтобы взять на себя всю полноту власти и заботу о населении, главный полицейский отвечает отказом. Наверное, боится, что на такое количество народа надолго его запасов продовольствия не хватит.

Ещё какая-то группа образовалась в пансионате «Родник», находящемся на северной окраине города. У них там имеются продуктовый склад и угольная котельная, и они единственные, кто во всём городе не замерзает. Городская же ТЭЦ работала на газе, подача которого после катастрофы прекратилась. Единственное, куда мы добились подачи тепла с маленькой, резервной институтской угольной котельной, это в два корпуса института – Академическую гостиницу и здание администрации. Только туда подаётся и электричество с двух дизельных генераторов. Угля нам хватит, хорошо, если месяца на два, солярки на месяц.

Запасов найденных и переписанных продуктов, даже при самых маленьких нормах, гарантирующих выживание, хватит на всё население, максимум, на два месяца. Подвозить топливо и продукты из Серпухова сейчас очень проблематично, мосты через Оку разрушены. Пробовали доплыть туда на теплоходе, но рухнувшие пролёты загородили фарватер. Правда, сейчас решается вопрос о доставке продуктов и топлива грузовиками до пристани, что на том берегу Оки, недалеко от автомобильных мостов Симферопольского шоссе, но и это дело может сорваться, если река начнёт замерзать и теплоход не сможет ходить. Так что, особо ждать помощи от области, пока река не замёрзнет, не стоит.

Центр помог только вначале, для поддержания порядка прислав взвод солдат на трёх БМД из Тульской десантной дивизии. Мы их поставили охранять склады Научного центра, гипермаркет «Карусель» с запасом продуктов и АЗС – единственный реальный ресурс администрации. Ведь только в обмен на бензин милиционеры дают некоторые продукты, в частности муку и крупы. В «Карусели» этих продуктов не очень много, на складах Научного центра в основном овощи для селекционной работы и корма для подопытных животных, ну и небольшой запас продуктов для пищеблока.

Запрашивали ещё помощь в Ясногорске, они прислали, конечно, одну машину с мукой и сухим молоком, а также три самосвала с углём, но сказали, что ещё вряд ли получится. У них своё начальство в Туле, кроме того, море беженцев и разрушений.

А людей, Володя, мы сами не знаем, чем занять, иногда приходится просто придумывать работы, чтобы все были при деле. Вот сейчас начали организовывать валку леса на дрова. Так что, помочь мы вам вряд ли сможем, и мой тебе совет, лучше сидите там, на своей даче и не высывайтесь. Нарубите дров, охотьтесь или рыбачьте. В конце концов, всё будет легче продержаться, чем нам, с этим скопищем нытиков, иждивенцев и халтурщиков.

Конфликты, можно сказать, из-за ничего здесь у нас вспыхивают ежедневно, масса беженцев живёт в зданиях института в невероятной скученности. Считаю, вся служба безопасности Научного центра занята предотвращением и гашением этих конфликтов. Все ругают власти и руководство города, обвиняя в непринятии мер и допущении такого положения, а сами, между прочим, не хотят ударить палец о палец, чтобы облегчить своё положение. Считают, что всё должны положить им на «блюдечке с золотой каёмочкой», везде норуют схалтурить и делают всё, для себя же, из-под палки.

Видать у Михалыча сильно наболело, коли он начал так жаловаться и всех обличать. Раньше я такого за ним не замечал. «Да! Груз накопившихся проблем совсем измочалил мужика», – подумал я.

– По вопросу связи с Москвой, – продолжил он, – тоже ничем не могу тебя обрадовать. Проводная связь есть только с Серпуховом и Ясногорском и только через коммутаторы. Автоматическая связь отключена и у нас, и в Серпухове. С Москвой можно связаться только через Серпухов и только с государственными учреждениями, автоматическая связь в Москве тоже прекращена. По секрету тебе могу сказать, положение в Москве ещё хуже, чем у нас, – полгорода разрушено. Серпухов забит беженцами из Москвы, у нас их не видно только потому, что мосты через Оку обрушены. Так что сидите и не рыпайтесь – здесь вы всё равно ничего не найдёте. Магазины, которые мы не успели взять под охрану или всё оттуда вывезти, уже давно пограблены мародёрами. Лучше съездите в Тулу, может, там повезёт и что-нибудь достанете,

все-таки там имеются большие стратегические склады. Как я слышал, на какой-то выработанной шахте есть громадный продовольственный склад «Госрезерва». При таком положении его должны расконсервировать, и вполне возможно, беженцам там могут раздавать продукты. А я чувствую, что мы скоро будем вынуждены эвакуировать город и, скорее всего, в Тульскую область, всё-таки там и добыча угля производилась, и приличные запасы продовольствия есть, а зиму наши учёные прогнозируют очень холодную. Величина солнечного излучения, ранее достигающего поверхности Земли, упала в разы, так что ещё раз советую, запасайте как можно больше дров. И ещё, у тебя дача вроде возле деревни Зайцево, там у местных много скота было, скорее всего, скотина отравилась и пала. Наши биологи проверили и пришли к выводу, что мясо погибших несколько дней назад животных после термической обработки вполне можно использовать в пищу – оно не успело протухнуть при минусовых температурах. Мы уже два дня ездим по деревням, собираем туши домашнего скота и здесь их разделяем. Так что и вы займитесь заготовкой мяса.

Михалыч поднялся с места, намекая, что пора заканчивать, ведь у него ещё много дел. Я вспомнил просьбу Саши о звонке в Москву на службу и сказал об этом Михалычу, он пообещал отправить подобную телефонограмму. Потом он вышел со мной в приёмную и поручил секретарше помочь в составлении телефонограммы, и по установленному графику связи с Серпуховом отправить её для передачи в Москву. Затем Михалыч попрощался со мной и ушёл. Я оставил телефонограмму у секретарши и направился в свой институт, думая повидаться с коллегами.

В здании моего института все помещения были забиты железными кроватями и простыми матрасами, лежащими на полу, кругом стоял стойкий запах пота и какой-то химии. Дежурный спросил, кто я такой и к кому пришёл, не желая меня пропускать в собственный кабинет. Но тут вышел Василий Петрович, работник нашей охраны, который меня хорошо знал, и конфликт быстро разрешился. Я прошёл в кабинет, который был тоже заставлен пятью кроватями. Стола и стульев не было, но сейф стоял на месте. Я открыл его и забрал находившуюся там бутылку французского коньяка, две банки шпрот и коробку конфет, положил в пакет компьютерные диски с различными «утилитами» и моими работами, после чего, попрощавшись с Василием Петровичем, пошёл в лабораторный корпус Галиного института – вотчину моей жены.

Корпус встретил меня неприятливо – стёкла в вестибюле разбиты, холодно, везде загажено. Осторожно ступая, чтобы ни во что не вляпаться, вошёл в лабораторию, где, по словам Гали, имелись низкотемпературные термометры, они были установлены в специальных морозильных камерах. В течение минут десяти я демонтировал три из них, потом пошёл в кабинет Гали, чтобы захватить какие-то нужные ей лекарственные препараты, находившиеся в сейфе-холодильнике. Аккуратно разложив взятые вещи по пакетам, я вернулся на место встречи с ребятами, никого из своих коллег так и не встретил, а специально искать не стал. Толя с Николаем уже должны были подъехать.

Увидев их на разбитой машине, я сначала совершенно обалдел, но, вспомнив недавний рассказ Михалыча, особенно о количестве погибших, подумал: «Что значит сейчас моя разбитая железка по сравнению с такими чудовищными жертвами». И меня резануло по сердцу непривычное чувство особенной близости к ребятам, когда увидел окровавленную куртку Коли. Ну, а остальное вы уже слышали из рассказа Анатолия с Николаем.

После нашего и Володиного рассказов все начали горячо обсуждать общее положение дел, а особенно поведение полиции в Пушино. Потихоньку разговор перешёл на происшествия в посёлке. Оказывается, сегодня к нам опять подъезжала какая-то машина, но Вика, дежурившая на наблюдательном пункте, заметила её ещё издалека и заранее сообщила об этом Саше. Саша с Флюром, как и вчера, вооружились и пошли узнать, что нужно этим людям, прояснить,

так сказать, ситуацию, но теперь уже они приближались к этим непрошеным гостям с большей осторожностью. Приезжие, заметив вооружённого Сашу, сразу развернулись и, не вступая ни в какие разговоры, быстро уехали.

Глава 8

Очередное появление мародеров у нашего посёлка заставило задуматься Сашу с Флюром – а всё ли мы выгребли из соседней деревни? По нынешним временам ничего нельзя оставлять – мигом мародеры всё приватизируют. Поэтому ребята на моём фургоне съездили в деревню, хотели привезти ещё мяса, но туш животных там уже не нашли. По многочисленным следам от колёс автомобилей они поняли, что сюда приезжали из Пушкино на двух больших грузовиках – загрузили туши и уехали, предварительно обшарив все дома. Мы вовремя всё оттуда вывезли, единственно жалко, что не забрали сразу все туши. Кроме появления чужой машины никаких других событий не происходило, все, как обычно, занимались переносом и переборкой овощей.

Потом вернулись к обсуждению и планированию наших действий в свете рассказа Володи о положении дел в Пушкино, Серпухове и Москве, а также косвенному подтверждению моих записей из интернета о прогнозе резкого похолодания и наступления длительной «вулканической зимы». Учёные из академических институтов Пушкино тоже предупредили администрацию о крайне суровой зиме и необходимости создания больших запасов топлива. Мы, в общем-то, подготовились к суровой зиме; одного угля теперь было больше тридцати тонн, а если ещё учитывать дрова, которые можно было без особых проблем нарубить в лесу, совсем рядом, то любые морозы нам нипочём. Однако, судя по прогнозам из интернета, привычного лета в ближайшие годы ожидать не стоит. На земле будет царствовать одна сплошная зима с кошмарными, почти космическими отрицательными температурами. В летние месяцы этот вселенский холод слегка смягчится и морозы будут соответствовать привычной для нас январской стуже.

Да... читаешься разных ужасов из интернета, прямо жить не хочется, кажется – пропадёшь, что бы ни делал. Такие мысли как раз и возникают у человека, который не своим умом живёт, а во всём полагается на мнения всяких там профессоров и академиков. Если бы я ориентировался в своей прежней биржевой деятельности только на маститых экономистов – давно бы прогорел. А так, сидишь со своим скромным умишком и интуицией, глядишь – откусишь, пускай маленький кусочек, но от большого и вкусного пирога жизненных благ. Так что закалку от негативной информации, появляющейся то в СМИ, то в интернете, я прошёл не слабую. Вот и сейчас – пусть учёные кричат, что всё пропало и выжить в наступающей вечной зиме невозможно, я просто так не сдамся. Невозможно допустить распространения в собственной душе и вокруг состояния полного отчаяния и бессилия, ведь тогда точно – всё пропало, тогда погибнут близкие мне люди, поэтому биться буду до конца, до последнего вздоха. Так что успокаиваться, что на имеющихся запасах можно продержаться какое-то время, не собираюсь, тем более, если прогнозы сулят десятилетнее похолодание.

Конечно, нереально сейчас полностью запастись топливом на такой длительный срок, но попытаться-то можно. Потом, когда наступят арктические холода, это сделать будет намного труднее. А может, и, вообще, невозможно. При температуре минус шестьдесят носа из тёплого помещения не высунешь, не то что заниматься активными поисками топлива. А по прогнозам специалистов такая температура будет в среднем по году. И что же – сложить лапки, чтобы успеть насладиться последними днями благополучной жизни? Ну, уж нет – буду дёргаться, как та лягушка в кувшине с молоком, которая, непрерывно трепыхаясь, взбила-таки себе из него масляный остров, оттолкнулась от твёрдой поверхности и выбралась из адского кувшина.

Все эти мысли я настойчиво вбивал в головы своим товарищам, когда мы обсуждали ужасные факты гибели людей, подкреплённые эмоциональными впечатлениями от посещения Пушкино. Казалось бы, сейчас нужно затаиться и бросить все силы на сохранение того, что имеем, именно это предлагали сделать Володя и Коля и с этим были согласны практически все. Только Саша и Флюр поддержали меня, что нельзя успокаиваться на достигнутом, а нужно продолжать наши экспедиции. С одной лишь поправкой, что конечная цель этих экспедиций –

возможность объединения с хорошо организованной группой людей. А создание дополнительных запасов – это вторично. У большой организованной группы все государственные резервы в запасе, объединенные вокруг государственных структур защищены гораздо сильнее, чем маленькие автономные группы, где малейший сбой (например, болезни или поломка жизненно важной техники, в нашем случае ветряка или глубинного насоса, подающего воду) грозит обернуться неминуемой гибелью всех членов коммуны.

В общем-то, всё правильно – ребята рассуждали весьма здраво, и я был, в целом, с ними согласен. Но имелось одно «но» – где найти такую структуру, под знамёна которой можно было, не колеблясь, встать всем нашим маленьким миром? Где те люди, облечённые властью, которые не растерялись, думая только о своём благополучии, а несут свой тяжкий, спасительный для всех крест в это страшное время? Конечно, мы не знаем, что творится в целом по стране – но то, с чем столкнулись в Пушкино, оптимизма не внушало. Полный раздрай в руководстве, озлобленные, не верящие ни во что люди, словом, совершенная безнадёга – вот что на самом деле творилось вокруг. Да и не нужны мы оказались этим властям. Они не знали, как обеспечить даже своих, выживших в городе людей, что говорить о пришлых. И это сейчас, когда погода позволяет действовать, а самые тяжёлые испытания ещё впереди, с беспредельно низкими температурами. О дальнейшем и подумать было страшно! Нет... как говорится, «нам такой хоккей не нужен»! Уж лучше сразу в гроб, чем мучиться, вытирая сопли неимоверному количеству бездельников, халявщиков, да и просто больных и немощных людей. Никаких сил и ресурсов не хватит, чтобы протаскать такую массу людей через кошмар сложившейся ситуации, тем более под постоянно пробуксовывающим, патронажем существующего государственного аппарата.

Эти мысли я высказал народу открыто и прямо, и вскоре в процессе разгоревшегося спора, опираясь на факты, полученные из поездки в Пушкино и из реалий прошлой жизни, сумел убедить других не влезать, казалось бы, в праведную борьбу за выживание посторонних людей, а сосредоточиться на спасении, грубо говоря, собственных задниц. А так как самое узкое место у нас сейчас – недостаточные запасы печного топлива, его и надо искать. Нам известно, где поблизости имеется его много – это угольный склад железнодорожной станции в Ясногорске. Вот туда и нужно ехать и попытаться выцарапать хотя бы то количество угля, за которое мы уже заплатили (есть же накладная со штампом «оплачено»).

На многих лицах после высказанного мной предложения я заметил ироничные улыбки – смешно им, видите ли. Я и сам внутренне усмехнулся, но продолжил совершенно серьёзным голосом:

– Да ясно, никто сейчас не даст угля – но попытаться действовать законными методами стоит! Под лежащий камень вода не течёт – всё нужно пробовать, везде пытаться урвать хоть кусочек ресурсов. А в поездку за углём предлагаю взять Серёгу – один его вид внушит уважение к нашему требованию. Оденем его в камуфляж, на плечо парень повесит карабин и будет тенью ходить за мной по всем кабинетам. Думаю, вид двухметрового амбала, с мягко говоря, суровым выражением лица, мощной ручищей придерживающего ремень карабина, придаст особый вес моей просьбе отпустить уже оплаченный уголь.

Я хохотнул и подмигнул Сергею, он как обычно сидел молча, с каменным выражением лица. Что делать – даже такой плоский юмор с трудом доходил до моего бывшего каменщика. Парень он хороший – прямой, бесхитростный, и ироничный слог создан явно не для его ушей. Вот и сейчас, все, поняв буквально, он тут же предложил:

– Батя, а может, мне и гранату взять в другую руку и тельняшку надеть? Тогда наверняка тамошние козлы нам больше угля отгрузят.

Народ уже в полный голос гоготал, а Сергей с недоумением озирался, не понимая, что смешного в его словах.

Наконец все уgomонились, и опять возобновились разговоры о том, что не стоит никуда ездить, а лучше укрепиться как следует в посёлке и охранять, и так немалые, запасы продуктов и топлива. Мародеры уже два раза пытались проникнуть в посёлок и, что вполне вероятно, такие попытки повторятся. А если в следующий раз сюда заявится целая банда, как же можно сейчас ослаблять наш гарнизон? Валера, знавший мою любовь к цифрам и фактам, заявил:

– Сам посуди, у нас сейчас больше тридцати тонн угля, к тому же ветряк имеется. А он один стоит всего запаса топлива и, пускай – самоделка, но надежнее чем заводские. Сам удивляюсь, как мы смогли смастерить такой агрегат. А в этом деле я понимаю и отвечаю, что пахать он будет как швейцарские часы. Так что нет смысла нам из-за пары тонн угля городить огород. Нерентабельно – хрен, сколько времени и сил на это загубим, да бензина сожжем, транспортируя уголь. Проще, если ты так переживаешь о печном топливе, за то время, что потратим на поездку в Ясногорск, нарубить дров в нашем лесу.

В общем-то, логично рассуждал Валера, и возразить ему было сложно, но я попытался:

– А кто тебе сказал, что мы привезём только две тонны? Накладная – это только зацепка, чтобы проникнуть на этот угольный склад и сойтись с кладовщиками. А дальше вступают в дело товарно-обменные отношения. У нас полно водяры и сигарет, вот и будем всё это менять на уголь, а если повезёт, то на бензин и соляру. А топливо нам, по-любому, нужно запастись ещё – температуры-то учёные прогнозируют космические, так что топить печи придётся непрерывно, даже с работающим ветряком. Кроме того, в Ясногорске осмотримся, вдруг окажется, что там власти помудрее, чем в Пущино, и реально предпринимают меры для того, чтобы люди могли выжить в предстоящем ледниковом периоде. Тогда можно подумать и о том, чтобы влиться в тот коллектив. Когда много народу и грамотное руководство, легче пережить предстоящий коллапс.

После этого монолога я достал пачку компьютерных распечаток с интернет-прогнозами последствий взрыва супервулкана и уже в который раз стал армагеддонить. Минут десять зачитывал собравшимся ужасные предсказания маститых учёных и бросил это занятие только когда народ по-настоящему въехал в ситуацию, а у женщин на глазах заблестели слёзы и послышались недвусмысленные всхлипы. По-видимому, переборщил я с нагнетанием ужасов о наступлении ледникового периода. Пришлось немного сдать назад и, напротив, заняться внушением, что человек вполне может жить при таких сверхнизких температурах. И как пример привёл некоторые эпизоды из жизни людей, зимовавших в Антарктиде. Хорошо, что я прочитал не очень давно один из романов В. М. Санина «Семьдесят два градуса ниже нуля». Писатель сам принимал участие в нескольких антарктических экспедициях и хорошо знал, как люди выживали при запредельных минусовых температурах. И не просто выживали, а ещё и активно работали. Например, в семидесятиградусные морозы на тракторах выпуска конца шестидесятых годов прошлого века была совершена беспрецедентная экспедиция на научную станцию «Восток». А это две тысячи километров по поверхности вечных льдов, без всяких дорог и помощи извне. Даже металл в такие морозы становился хрупким, солярка замерзала, становясь похожей на холодец, техника частенько не выдерживала запредельных температур с ездой по торосам и ледяным буеракам, часто ломалась, но люди, люди выдержали всё, и караван всё-таки пробился к своей конечной цели. Исследователи, ведущие научную работу на станции «Восток», получили необходимые запасы продовольствия, топлива и смогли продолжить свою деятельность.

Мои пространные разглагольствования по поводу жизненного подвига людей, осваивающих Антарктиду, были прерваны возмущённым возгласом Николая:

– Да понятно всё, Толян! Те ребята были героями, их специально отобрали и подготовили к действиям в экстремальной ситуации. Из двухсот пятидесяти миллионов отобрали всего несколько человек, к тому же за ними стояла великая страна, и они знали, как ждут их с победой. А мы-то обычные люди, неожиданно-негаданно оказавшиеся у последней черты. Никто за

нами не стоит, никто не поможет – наоборот, всякая шваль так и норовит последнего лишить. Вот и остается нам – забиться в нору и постараться, не привлекая постороннего внимания, продержаться, переждав самое жуткое время.

Высказанная Колей мысль меня как будто подстегнула, и я, сменив привычный спокойный тон чуть ли не на крик, заявил:

– Брось, мужик, себя принижать-то! Мы такие же, как и те люди, покорявшие Антарктиду! Гены те же, вот только немного изнежились мы от хорошей жизни, но как возьмёт она нас в «ежовые рукавицы», сразу проявится память предков. Самое главное не скисать, бороться до конца. И тогда судьба повернётся к тебе лицом, а к паникёрам, халявщикам и бандюгам – грязной жопой. Так что нельзя спокойно сидеть и ждать, нужно всё время двигаться навстречу удаче – ей будет гораздо легче нас найти.

– Правильно, Батя, мыслишь, по-нашему! – поддержал меня Флюр. – А что касается мародёров, так мы и вдвоём с Саней отобьемся от целой банды этих шакалов! Можете ехать спокойно, оставьте нам пару ружей и патронов побольше, ну и гранаты тоже не помешают.

Этот монолог сопровождался ироническим шушуканьем народа за столом. Но это ничего – повеселились немного над петушиным выпадом Флюра, зато сразу общее настроение поднялось. Женщины перестали кукситься, мужики заулыбались, в результате разговор от обсуждения ужасных картин предстоящего похолодания плавно перешёл к тому, что мы сможем противопоставить этому изменению климата. А именно, сколько продержимся, имея в запасе тридцать тонн угля. Меня назначили в этом вопросе экспертом, будто я им специалист-теплотехник. Пришлось отрешиваться:

– Да что вы пристали ко мне – я не академик и не полярник! О жизни людей в Антарктиде знаю только по книгам Санаева. Из них усвоил только то, что люди выживали даже при температуре минус 87 градусов – это минимум, который фиксировался на станции «Восток». А ещё то, что при семидесяти двух градусах ниже нуля эти люди ещё не просто работали, сидя в тёплых кабинах тракторов, но и ремонтировали их на открытом воздухе, и одному парню однажды пришлось такую тонкую работу при этом выполнять, которую нельзя было сделать в рукавицах, пришлось голыми руками. И ничего, остался жив и здоров. Хватанул после спиртяги, отогрелся в кабине и всё. Представляете, металл при такой температуре хрупкий становится, а руки терпят! И это не фантастика, а реально происходившие события.

Валера, которого интересовало, прежде всего, как поведёт себя при сверхнизких температурах ветряк, внимательно прослушав эту информацию, воскликнул:

– Батя, если металл становится хрупким при сверхнизких температурах, то и наш ветряк не выдержит. При сильном порыве ветра швеллеры колонны полопаются и конструкция развалится! Тогда все наши потуги бессмысленны – мы просто не сможем продержаться без электричества!

– Не знаю, Валер, как поведёт себя ветряк, но в пользу того, что он будет исправно функционировать, говорят многие факты. Ну, во-первых, на станции «Восток» был ветряк, и он пахал при температуре минус 87 градусов; во-вторых, колонна нашего ветряка собрана из корпусных деталей башенного крана, а там металл специальный, с большим запасом прочности к ветровой нагрузке и низким температурам; а в-третьих, бокс, где расположен генератор, обогревается, и там даже при сильных морозах будет поддерживаться оптимальная температура для работы генератора и редуктора; что касается лопастей, то они изготовлены из композиционного материала, которому по хрен, что плюс 100 что минус 100 – он в космосе не рассыпается, не то что на Земле. Надеюсь, ветряк выдержит, конечно, если будем проводить вовремя все регламентные работы. Так что, забудем пока о нём, сейчас первоочередное – печное топливо, и ещё продуктов не мешало бы добавить в наш запас. Но главное – топливо, продуктами мы обеспечены года на два, а вот углём – нет. Если температура будет за минус 80, тогда, чтобы от печек получить максимальный жар, придётся им скормливать килограммов по сто пятьде-

сят – двести угля в сутки – расход как в большой котельной. А куда деваться – объём дома-то нешуточный.

– Да что ты к этому углю прицепился! – воскликнул Коля. – У нас под боком, вон, какой лес стоит! Руби дров, сколько нужно и отапливай ими дом хоть сто лет!

– Умный ты очень, Николая, как я погляжу – руби себе, понимаешь! Да ты хоть представляешь, какое количество дров нужно, чтобы отопить такой дом при температуре минус сто градусов? А сколько топлива для бензопил? И как прикажешь работать при жутком холоде? Да ты сдохнешь от такой работы быстрее, чем заготовишь дров хотя бы на месяц хорошей топки. Нет, только уголь нам сможет помочь! И изыскивать его нужно именно сейчас, пока по дорогам ещё можно проехать, дальше хуже – всё заметёт снегом... А кто чистить будет? Ну, а уж если не сложится достать уголь, тогда да, придётся рвать жилы на рубке дров, тогда выхода нет – не вымерзать же, как мамонты в ледниковый период.

Однако мужики оказались людьми весьма недоверчивыми – слова-то мои они выслушали, одобрительно кивали при этом, но как только я закончил, Володя встал и направился за калькулятором и толстым инженерным справочником. Потом, пока остальные тупо балаболili о предстоящем похолодании, Володя с Колей, сверяясь со справочником, долго что-то высчитывали. Наверняка сравнивали, сколько можно получить джоулей, сжигая одинаковые по весу порции дров и угля. А, зная Володину дотошность, я не сомневался, что он кроме этого наверняка ещё рассчитывает, сколько нужно килокалорий, чтобы прогреть дом при сверхнизких температурах.

Пока эти придиры делали подробные расчёты, остальные дружно навалились на чай и в процессе разговоров освоили целый самовар божественного напитка, тем более что к нему ещё прилагались вкуснейшие пряники с клюквенной начинкой. Умникам не оставили ни одного. А нечего въедливо перепроверять каждое слово своего капитана. Именно это я с ехидством и сообщил ребятам, после того как они закончили расчёты и тоже захотели отведать пряничков.

– Нет, господа, нет, прошёлкали вы вкуснятину на своём калькуляторе. Была всего одна упаковка, и теперь, недоверчивые мои, придётся пить пустой чай. А впредь вам наука – будьте проще, доверяйте добрым людям. Тогда и сыты будете и нос в табаке!

Однако, закончив ёрничать, не без любопытства поинтересовался:

– Ну что показали ваши расчёты? Прав я, что нужен уголь, или дровами обойдёмся?

Володя, глядя на меня немного обиженными глазами, сумел преодолеть себя и ответил:

– Сволочи вы, мы для всех этот расчёт делали. А «все» сожрали вкусноту и не поморщились. Мы же хотим, чтоб не на авось, чтоб всё хорошенько продумать, а вы... Ладно, по нашим расчетам получается, что теплота сгорания килограмма угля ДПК или антрацита малозольного почти в три раза выше, чем у еловых подсушенных дров. Получается, что тонна угля заменит кубов восемь тех непросушенных дров, которые мы сможем нарубить.

– Вот, видишь, Вовка, значит, я прав! Сам понимаешь, что такое заготовить восемь кубов древесины, даже при такой более или менее комфортной температуре, как сейчас. Да только привезти из леса напиленные чурки и то морока, а ещё их порубить, да потом аккуратно уложить в легкодоступном, закрытом от снега месте. Неделю будем пахать, как проклятые, чтобы компенсировать недопоставку двух тонн угля, за которые мы ещё и бабки заплатили. Так что вам не мешало бы подсчитать, сколько нашего пота прольется и какое количество продуктов мы съедим, чтобы поддержать силы при такой тяжёлой работе. Нет, ребята, нужно ехать в Ясногорск и выбивать свой уголь.

Неожиданно в разговор вступил Сергей. Шумно отдуваясь от потреблённых сверх норматива нескольких чашек чая и пряников – это он слопал полагающиеся Володе и Коле, – Сергей наконец заявил:

– Когда двинем в Ясногорск, неплохо бы заехать к нашим сторожам, я знаю, где они живут. Ребята хорошие, можно было бы их и сюда перетащить. А что – пахать могут, не изба-

лованы – нам в дальнейшем, ой, как пригодятся лишние рабочие руки. Помещений в доме, чтобы их поселить, хватит, не объедят. К тому же сестра у Васьки классная – красивая, хозяйственная и душевная очень. Хорошей компаньонкой будет для наших женщин – развеселит, кого хочешь, никакой тоске поселиться в душе не даст, а как затанцует, запоёт – обалдеешь!

Народ втихую веселился, я тоже чуть не расхохотался. Этот большой ребенок был совершенно уверен – никто и не заметит, как хитро он протаскивает в нашу коммуны понравившуюся ему девчонку. Но это было слишком очевидно. Даже Максим, пятнадцатилетний сын Коли, еле сдерживал смех. Однако если опустить эти неуклюжие попытки, слова Сергея имели смысл. Действительно, места в доме у нас были, можно без напряжения поселить ещё человек трёх – четырёх. Продуктов тоже полно и часть из них с ограниченным сроком годности, и как бы мы ни старались, наличными силами едоков употребить их все без остатка вряд ли получится. Вот и выходит, что когда некоторые люди пухнут от голода, мы хладнокровно выбрасываем еду, пусть и просроченную – просто преступление какое-то. Так что нескольких человек мы вполне прокормим в это самое тяжёлое время. Ну а потом, по-любому, нужно будет организовывать экспедиции по добыче продуктов и топлива, тогда большую помощь могут оказать нам такие крепкие ребята.

У меня ещё во время посещения Пушкино возникла мысль предложить одному из местных жителей Диме переехать с семьёй в наш посёлок и влиться в коммуны. Однако знал я парня плохо, это меня и остановило. Думал разузнать побольше о нём самом и его семье, а потом сделать это предложение. Но затем так всё закрутилось, что было не до того – сами еле ноги унесли из Пушкино. А теперь специально ехать в Пушкино за совершенно незнакомыми, чужими людьми было как-то «не комильфо». Мы же не из армии спасения – мужики суровые, ни разу не похожи на «мать Терезу». Ладно, я – запретил себе даже думать о судьбе родственников и старых друзей, проживающих в Москве, если и остались живы, просто нереально их было вывезти после землетрясения из гигантского мегаполиса (слишком далеко, и опять же мосты через Оку). Но даже Володя с Колей, у которых было полно знакомых в Пушкино, заикнуться не смели об эвакуации их из города и понятно почему – понимают ребята ограниченность наших ресурсов, но, что самое главное, они и сами нашли убежище не в своём, а соседском доме. Но Серёга более непосредствен, поэтому и пытается пристроить понравившуюся ему девушку.

Что же, может, и стоит предложить Григорию и Василию перебраться на жильё в посёлок, который они раньше охраняли? Но только им, другие сторожа были какие-то мутные, себе на уме. Я бы не хотел иметь таких людей в нашей коммуне. Мы, конечно, тоже не ангелы, но, по большому счёту, камней за пазухой не держим; если кому чего не нравится, говорим прямо, закулисных интриг не ведём, словом, доверяем друг другу, за счёт ближнего облегчить теперешнюю, и так полную трудностей, жизнь не спешим. По моим прежним наблюдениям Григорий с Васей – это довольно простые ребята, чем-то похожие на Сергея, такие же молчуны и работяги. Иногда бывало, делали работу «за просто так», не требуя оплаты – входили в положение. К тому же не нытики и к бутылке не тянулись. Подхалтуривали, конечно, на участках. А куда при той жизни было от этого деться? На одну зарплату как прожить? Вот и приходилось крутиться, тем более, если руки у ребят на нужном месте и навыки кое-какие имелись. Например, Василий весьма неплохой сварщик, и этим ремеслом он, пожалуй, зарабатывал больше, чем сторожем.

А вот мужики из второй смены сторожей, те совсем другие – за любую мелочь требовали оплаты. А если, не дай бог, приедешь в посёлок ночью и потревожишь, чтобы открыли ворота, злобы в ответ получишь выше крыши – бухтят потом полчаса, хотя на самом деле свою же работу выполняли, не чужую. При этом сколько раз я приезжал ночью, столько и заставлял их пьяными. Сдавалось мне, что и на руку они были нечисты. А откуда, спрашивается, у этих мужиков деньги, чтобы непрерывно «керосинить»? Зарплата маленькая, а ещё надо семью содержать. Работать они не любили, да и вряд ли в нашем посёлке нашёлся бы хоть один, дове-

ривший им даже копку земли! И инструмент сломают, заразы, и дела толком не сделают. Лучше уж какому-нибудь узбеку заплатить – и денег меньше, и работа выполнена. Да и пост свой эти сторожа сразу же бросили, как только немного трянуло это землетрясение; даже ворота не закрыли и не предупредили никого, что уезжают.

Когда я занимался реальной экономикой, у меня прямо комплекс какой-то выработался на подобных людей – к себе на работу ни за что бы ни взял, но, вот, использовать в своих целях – очень даже мог, ведь таких большинство, приходилось как-то мирно сосуществовать. Но это в той, спокойной жизни – когда всего в досталь. Сейчас же, извините, не буду делиться последним со всякой шушерой. Мешать им выжить, конечно, не собираюсь, пытаюсь отобрать ресурсы, чтобы использовать их на благо более достойных, тоже не хочу, пускай живут, как могут, но только от меня подальше. Выживут – флаг им в руки, нет, значит, Бог наказал за гнусность натуры.

Таковыми размышлениями была забита моя голова, в то время когда Флор подкалывал Сергея за желание привезти сюда Настю – сестру сторожа Василия. Остальные с удовольствием подзуживали ребят и подхихикивали, наблюдая за этой словесной пикировкой. Когда веселье немного спало – Сергей полностью проиграл любителю позубоскалить и теперь сидел, молча уткнувшись носом в очередную чашку с чаем, – именно я помог парню достойно выйти из того глупого положения, в которое он сам себя и загнал, пытаясь соревноваться с истинным мастером подковырок и двусмысленных намёков. А начал я с вопроса:

– Серёга, а ты уверен, что Василий и Григорий согласятся к нам перебраться? Может, им и в Ясногорске хорошо. К тому же вдруг у них большие семьи – мы много народу принять не сможем, максимум четверых.

Сергей, глянув на меня с надеждой, вибрирующим от волнения голосом, проговорил:

– Да маленькие у них семьи – у Гришки только беременная жена, а родители живут, вообще, в другой области. Ну, а у Васьки семьи нет – он с сестрой живёт в квартире, доставшейся им от родителей, которые погибли в автомобильной катастрофе. Думаю, обе эти семьи с удовольствием переберутся к нам. Ловить им в Ясногорске нечего. Они не блатные, и, хрен, им кто предоставит хлебную должность – ребята честные, жопу лизать большому боссу не научены – пропадут там совсем. Или с голоду помрут, или загрызут их какие-нибудь пробивные, беспринципные шакалы.

– Ну, хорошо, убедил! Если остальные не против принять в наш коллектив новых членов, предложим ребятам перебраться сюда.

Ни один человек «не был против», однако обсуждению этого вопроса было посвящено минут двадцать. В основном жители нашего посёлка делились впечатлениями о Григории и Василии, и у всех были хорошие воспоминания о ребятах, да и о Насте тоже. Она часто бывала в посёлке и однажды помогала Ирине лечить травмированного поросёнка. Настя работала в Ясногорском ветеринарном пункте медсестрой и хорошо умела обращаться с животными.

– Настюша, можно сказать, спасла Борьку от неминуемой участи оказаться у меня на столе, – с ухмылкой пошутил Николай, – ругал я её потом за это, до слёз довёл девчущку!

Обсудив этот вопрос, мы плавно перешли к планированию поездки в Ясногорск, уже никто не возражал против посещения этого города. Естественно, если всем миром решили сторожей оттуда забрать, то народ согласился с моим предложением. Дискуссия возникла только по вопросу – сколько народу отправить в город и на какой технике, но его решили быстро. Нужно было привезти не меньше двух тонн угля, это можно было сделать только на тракторе с прицепом. Но в тракторе увезти такое количество людей было невозможно, а в прицепе, сидя на угле, могли бы ехать только ребята, но никак не беременная женщина. Значит, получалось, что дополнительно нужен автомобиль. Лучше всего подходила «Газель» – вдруг удастся раздобыть больше двух тонн угля, вот в кузов его и загрузим. В кабине с водителем, естественно,

поедут женщины, ну а ребятам, без вариантов, придётся трястись в кузове, да... ещё и личные вещи переселенцев можно в него загрузить.

По количеству людей и по персоналиям спорили дольше, в общем-то, многие хотели принять участие в этой экспедиции, даже раненый Коля и тот желал прокатиться до Ясногорска. Упирал на то, что «до города, всего-то, 15 километров» и он вполне может порулить – не тяжелораненый. А в поселке что, только обузой будет, особенно, если вдруг опять появятся мародёры – стрелять ему затруднительно, а вести автомобиль или трактор – нет. Но, в конце концов, решили направить в эту экспедицию двоих – больше не имело смысла. А если потребуется самим грузить уголь, в этом деле могут поучаствовать и Григорий с Василием. После обсуждения стало ясно, и кто поедет в Ясногорск – это были: Сергей, который единственный знал, где живут сторожа, ну и я – как самый пробивной товарищ. Было сомнительно, что нам так просто, без разговоров, прямо по накладной отпустят уголь – значит, придётся торговаться, предлагая за него водку. А кто это может сделать лучше, чем опытный бизнесмен?

Самые долгие разговоры вызвал вопрос, чем нам с Сергеем вооружаться. Воевать в городе вряд ли придётся. Эпизод со столкновением с полицией в Пушино – это, скорее всего, исключение из правил. Слишком машина у нас там была заметная, по-видимому, в настоящее время полноприводный автомобиль – большая ценность, и пушинские полицейские, вырвавшиеся из-под контроля местных властей, совсем обезумели, увидев такой джип, и решили, что он непременно должен принадлежать им. В Ясногорске такое вряд ли могло случиться: во-первых, на окраине города располагалась военная часть; во-вторых, кроме обычной, там имелась ещё и транспортная полиция, а это разное начальство. Таким образом, образовалось несколько центров силы, сомнительно, чтобы они пожелали объединиться в одну хунту. Кроме этого Ясногорск входил административно в Тульскую область, до него можно было легко добраться как из областного центра, так и из других, районных. Это тебе не Пушино, который относился к Московской области и располагался, считай, что на острове, отделённый от областных властей мощной водной преградой – Окой. А мосты на реке разрушены, без них до города из Москвы или районного центра Серпухова не добраться. Так что, делай там что хочешь, никакие областные власти до тебя не доберутся. А зачем областным тульским властям лезть в чужой огород, только если последует соответствующее распоряжение из центра. Но федеральным властям сейчас не до произвола чиновников в каком-то отдельном маленьком городке – в стране миллионы погибших, всё управление и инфраструктура разваливается.

Так что, понятно, почему такой бардак в Пушино. В других городах наверняка получше, поэтому ехать в Ясногорск вооружёнными до зубов не стоит – лучше ружья оставить здесь, для отпугивания банд мародёров. К тому же без стволов будет легче разговаривать, если нас остановят на каком-нибудь пикете. Однако отправляться в путь совсем беззащитными как-то боязно, поэтому я настоял – беру одну гранату, а Сергей вооружается ракетницей, для которой у нас специально была сшита кобура. Выглядела такая ракетница, с нагло торчащей из кобуры рукояткой, весьма внушительно – я бы сказал, даже посolidнее, чем какой-нибудь «макаров». По крайней мере такое впечатление сложилось бы у неопытного человека – клановщика, например, или чиновника, распоряжающегося отпуском угля. Так и рассчитывали, чтобы произвести пугающее впечатление именно на подобного рода контингент.

Но главными козырями в этом деле были ящик водки и блок сигарет, которые мы решили захватить с собой в Ясногорск. Именно на бартерную операцию у меня была самая большая надежда в вопросе отгрузки нам угля. Накладная будет для чиновника прикрытием, основанием, так сказать, на отгрузку, а на самом деле без личного, шкурного интереса он, хрен, просто так отдаст ставшее теперь самым главным стратегическим ресурсом печное топливо. Сошлётся на какое-нибудь распоряжение и всё – иди тогда, ищи правду у начальства в Туле. Может быть, конечно, для этого дела ящика водки и многовато, но я думал за эту жидкую валюту получить угля гораздо больше, чем указано в оплаченной накладной. В нашем деле главное – зацепиться

за нужного человека, а дальше дело техники – может удастся договориться всю имеющуюся водку поменять на уголь.

Наконец все вопросы с предстоящей поездкой в Ясногорск были решены, разговор потихоньку стал сворачиваться, и народ начал расходиться по своим комнатам. А куда деваться – слопать что-нибудь уже никому не светило (норма съестного на сегодня была вся сметена под чистую), смотреть фильм или идти в подвал к настольным играм не хотелось (устали все), просто так болтать надоело – оставалось идти спать. Поэтому, пожелав немногим оставшимся в столовой спокойной ночи, я, подмигнув жене, направился в свою опочивальню.

Глава 9

В Ясногорск выехали только в десять часов утра, к тому времени на улице слегка посветлело. Раньше выезжать не имело смысла – Сергей не настолько хорошо знал, где живёт Василий, чтобы найти его дом в темноте. Дорогу он помнил только зрительно, даже название улицы не помнил, не говоря уже о номере дома и квартиры. Ну, провожал он несколько раз Настю до дома, но на этом все его познания о местонахождении квартиры нашего бывшего сторожа Василия кончались. А где живёт Григорий, он вообще знал только со слов самого этого сторожа, ну ещё и Настя буквально «на пальцах» пыталась объяснить, где располагалось жилище напарника её брата. Так что насвистел нам Серёжа про то, как «отлично знает, где живут наши сторожа».

Так мы и двигались: я – естественно, на «Газели» – за трактором с прицепом, который еле полз впереди, управляемый Сергеем. Хорошо, до Ясногорска было недалеко, и такая езда – с мизерной скоростью, на второй передаче, не успела до конца истрепать мои нервы. Уже через сорок минут подобного геморроя на горизонте показались окраины Ясногорска. Я был в этом городе пару раз и тогда сумел запомнить некоторые ориентиры, особо выделяющиеся на общем фоне малоэтажной застройки. Теперь этих ориентиров не было. Например, вместо высокой водонапорной башни просто лежала груда щебня. Да и вообще, разрушений было очень много; особенно угнетал вид пожарищ на тех местах, где раньше стояли частные деревянные дома. Совсем мне стало грустно, когда увидел на обочине, слегка засыпанное снегом, тело человека, его мёртвую плоть грызла довольно большая собака, нарушив пепельно-снежный саван труп. Она яростно вырывала замороженные куски мяса, наслаждаясь привалившей удачей. Я нажал клаксон, чтобы её пугнуть – собака не обратила никакого внимания на гудок.

Мерзкое зрелище, надо вам сказать, когда тело твоего соплеменника яростно рвёт изголодавшийся, чудом выживший, облезлый пёс. Отвратительные ощущения сменились тоской по канувшим в лету чудным временам, затем чувства и вовсе отступили, призвав к работе рассудок. Это что же получается – в Ясногорске дела обстоят хуже, чем в Пущино? В Наукограде, по крайней мере, трупы вдоль дорог не лежали и народ, худо-бедно, суетится, разбирая завалы, а здесь тихо как в морге, дороги завалены поваленными столбами и каменными осколками. Проехать можно только по единственной колее, которая затейливо петляла между кусками бетона. Да и вообще, время к полудню, а на улице не видно ни одного человека.

Жуткая мысль посетила мою бедную голову – мы едем по городу мёртвых, и там, впереди нас ждут только горы трупов и стаи бродячих собак, беснующихся, копающихся в горах тухлого человеческого мяса. Апофеозом этого бреда явились прозвучавшие в воспалённом мозгу слова из одного старого советского фильма: «А вдоль дороги мёртвые с косами стоять, и тишина...» Хотя в основу картины была заложена оптимистичная идея и эти слова произнесены известным комедийным актёром, а я всегда смеялся до слёз над этим эпизодом, сейчас мне было совсем не весело, в душу медленно вползал предательский холод ужаса.

Силой воли я вернул мысли в логическое русло – какие, к чёрту, мертвяки! Вон, колея видна на дороге, значит, совсем недавно здесь проехало несколько машин. Многочисленные столбики дыма на горизонте – значит, топят печи, а возле них отогреваются живые люди. Просто в городе бардак, а недееспособная власть не смогла организовать чистку дорог и разбор завалов. Эти простые рассуждения быстро привели меня в работоспособное состояние, но совсем прогнать чёрные мысли всё же не удалось, они витали вокруг, опутывая паутиной сомнения изначальную надежду на благополучный исход нашей миссии. Почему мы так уверены, что наши сторожа живы, может, они давно погибли под завалами своих жилищ во время землетрясения, может, отравились вулканическим газом или умерли от голода, если недееспособ-

собные власти не смогли обеспечить распределение ресурсов между выжившими. Да масса вариантов сейчас погибнуть простому человеку, не приближенному к госкормушке.

Пока мой мозг паниковал, предаваясь подобным мыслям, тело жило своей жизнью – руки крутили баранку, заставляя машину объезжать упавшие на дорогу, электрические столбы, а глаза следили за тем, чтобы «Газель» во время этих манёвров держалась наезженной колеи. Так что паника паникой, а по сути я твёрдо держался ранее поставленной цели. Эх, хоть бы одна живая душа рядом, не было бы так гнусно и страшно... И, наконец – о чудо – мы въехали на улицу, где, можно сказать, кипела жизнь! По крайней мере несколько человек куда-то целеустремлённо двигались, а ещё семеро с канистрами и пластиковыми баклажками толпились возле цистерны на базе автомобиля ЗИЛ. Слава богу, значит, власть всё-таки существует, если организовано снабжение людей водой. Ещё на этой улице стояло несколько уцелевших домов. А именно – три, практически целые, пятиэтажки, а в небольшом отдалении ещё несколько трёхэтажных строений.

Появление трактора и «Газели» внесло некоторую сумятицу в поведение людей на улице; идущие остановились и повернулись в нашу сторону, а суетящиеся у водовозки замерли и теперь с жадным вниманием вглядывались, в приближающуюся к ним маленькую колонну. Может, в их сердцах вспыхнула искра надежды, что вот, наконец, о них вспомнили и прислали долгожданных спасателей, которые и накормят и обогреют. И теперь, наконец-то после всего того кошмара, что пришлось им пережить, наладится нормальная человеческая жизнь. А почему бы им действительно не понадеяться в этот момент на чудо, когда в их, давно забытый Богом район, уверенно въезжает колёсный трактор с большим прицепом и грузовая «Газель». Ко всему прочему, видно, что эта техника в одной связке и управляется не расхристанными мужиками, а людьми, одетыми в одинаковую, военного образца одежду. Кто это ещё может быть, кроме государственных людей – только они теперь, при всеобщем дефиците топлива, могут разъезжать на такой технике?

Не знаю, какова была степень разочарования стоявших у водовозки людей, когда мы, не останавливаясь, проехали мимо, я видел только реакцию мужика, замершего на тротуаре метрах в тридцати от нас и смотревшего прямо мне в глаза. Когда он понял, что мы не собираемся останавливаться и проедем дальше, в сердцах плюнул в мою сторону, что-то отчаянно прокричал вслед, потом повернулся и направился туда, куда шёл до нашего появления.

Как только я увидел живых людей, тоска в душе сменилась болью. Теперь жалость к этим бедолагам, уныло куда-то бредущим или покорно ожидающим своей очереди, чтобы набрать немного воды, захлестнула мой мозг. Казалось бы, мы находимся в таком же положении – тоже пережили катастрофу в стороне от госрезервов, однако себя и своих друзей я вовсе не считал ушибленными и обездоленными. Отчего же, видя этих, вполне нормальных и здоровых людей, я думал, что все они, как клиенты хосписа? Видимо, такая обречённость была в их лицах, что даже тот мужик, что выразил своё отношение к проезжающей мимо жизни презрительным плевком, и тот выглядел как раб обстоятельств и каждодневных привычек. Не чувствовалось в нём жажды жизни. Отчего же эти люди не желали сделать что-то сами, объединиться с другими пострадавшими от коллапса, отчего они не захотели бороться, затуманивая мозг пустой надеждой получить помощь от родного государства. Захотелось открыть окно и крикнуть во весь голос: «Дураки... бросайте всю эту херню, не будет вам никакой манны с небес, никто не поможет – только собственными руками вы сможете вырвать у судьбы шанс выжить самим и своему потомству! Объединяйтесь, идите в деревни – там полно пустых домов, если их утеплить и заготовить дрова, появится шанс не превратиться в ледяную куклу. Продукты тоже найдёте – по погребам – не всё ещё награбили мародёры, вам хватит на первое время. Шевелиться нужно, черти, работая до седьмого пота! Может, повезет, и выживете, а нет – на небесах вам воздастся за ваши мучения, за то, что не поддались одному из самых страшных смертных грехов – унынию!»

Конечно, я не открыл окна и не стал ничего этого кричать стоявшим на улице людям – смешно и бесполезно, подумают – «ну вот, очередной сумасшедший нарисовался и мажет всякую чушь». Теперь много таких появилось, я сам видел двоих в Пушино. Один, точно, явный псих, с пеной у рта орал:

– Ну что, дождались Божьего гнева, вот вам страшный суд, молитесь, грешники, может, умрёте не в страшных муках! Алилуя, сволочи... алилуя!

Второй, если ему не заглядывать в глаза, был внешне вроде бы вполне нормальный человек – мужик лет шестидесяти, в очках, с бородкой (ну, чистый академик из научного центра). Он, собрав вокруг себя народ, (народу было два человека – я и Коля), проникновенным голосом, умными словами, щедро сдабривая сказанное научными терминами, вещал о том, как нужно поступать, чтобы выжить. Я остановился около этого чудака, стоящего в одиночку и громко хорошо поставленным голосом, (наверное на лекциях в университете) вещающего, как мне показалось, интересные вещи. Я заинтересовался следующим монологом:

– Только хардкор, только лучшее. Максимум эффективности, максимум рациональности и максимум интеллекта. Это ведь очень прогрессивно, когда умный дом сам заботится о себе. Трубы нужно устанавливать трёхслойные, с термоизоляторами и горячей прочисткой. Стены и полы можно и нужно утеплять пробкой с пенопластом.

То, что речь толкал, стоявший в одиночестве, человек, конечно, настораживало, но слова эти как-то перекликались с теперешними моими мыслями об устройстве дома. Вернее, с сожалениями, что я сделал всё по старинке, по тем догмам, которые были вбиты в меня ещё с института. Прошлый век, тогда не было даже самого понятия «умный дом». Да и часть материалов, которые использовал для строительства, сейчас бы заменил другими. Как раз теперь я и находился в размышлениях, как быстро можно увеличить энергоэффективность дома, который являлся нашим убежищем. Когда до меня донеслись слова одиноко стоявшего и размахивающего руками мужика, нет, чтобы поступить как другие люди, сторонкой обходящие этого чудного оратора. Нет, я как дурак подошёл к этому, как мне показалось, креативному мужику и стал слушать его разглагольствования, хотя Коля пытался удержать меня от этого непродуманного шага.

Мужик, воодушевлённый нашим вниманием, совсем разошёлся, начал взахлёб выкрикивать свои маразматические мысли и заикнулся на одной из них: «... зачем закапывать мёртвых, когда можно мелко порубить трупы, залить нечистотами из канализационных стоков и на получившемся грунте выращивать в теплицах богатые урожаи. И будет вам счастье, и все будут сыты!»

При этих словах он цепко ухватился за лацкан моей куртки.

«Блин, вот попали, – мелькнула в голове мысль, – «бежать нужно от этого маньяка подальше, а то ещё порубит прямо здесь, живого на свой грунт». Бить по роже этого напроцех съехавшего с катушек человека было как-то несерьёзно, я чисто машинально выхватил из кармана большую шоколадку (добыча из деревенского магазина) и сунул её прямо в руки схватившему меня психу. Тот, увидев такой изысканный по нынешним временам, деликатес, мгновенно выпустил мою куртку и схватил шоколад. Затем с животным рыком, не снимая обёртки, отправил половину плитки в рот и сомкнул челюсти. Я, не медля, отскочил подальше от психа и чуть ли не бегом бросился в сторону нашего джипа, за мной последовал и Николай. Я спешил и даже не оглянулся посмотреть, что же дальше стал делать этот безумный человек сразу после нашего бегства.

Позже, когда мы обсуждали с Колей этот эпизод, всё удивлялись – как получилось, что такие психи умудрились выжить, а нормальные люди погибли? Откуда они берут сейчас пищу и как существуют в неотапливаемых домах? Да и вообще странно – совсем плохо соображает человек, а вулканическим газом не отравился... Ведь, если даже он жил на верхнем этаже многоэтажки, ему ничто не могло помешать выйти на улицу, когда вулканические газы оку-

тали Землю? Оставалось предположить только одно – эти люди двинулись рассудком совсем недавно. От того кошмара, что видели и испытали, у любого крыша съедет. Например, тот тип с навязчивой идеей порубить трупы и сделать из них компост наверняка участвовал в сборе и захоронении погибших людей.

Воспоминания о недавних эпизодах встреч с «неадекватными» напрочь отбили у меня охоту что-либо советовать незнакомым людям. Их недоверие и скептицизм можно было сломать только одним способом – предоставить продукты или вещи, которые сейчас были в особой цене. Тогда, пожалуй, станут слушать, только при этом всё равно будут думать, что ты полный псих.

В наших бесконечных разговорах были предложения взять на воспитание нескольких детишек, но все эти намерения разбивались рассуждениями о том, а есть ли гарантия, что они выживут с нами. Скорее всего у детей больше шансов выжить, если о них будут заботиться госструктуры, имеющие под собой немеренные запасы госрезерва. Другое дело – осиротевшие малыши, наверняка мы бы их приютили. Поселять же у нас родителей с детьми как-то не хотелось. Неизвестно, что за люди, вдруг внесут разлад в наш коллектив – склоки, упрёки, зависть – обычное дело, даже у нас бывают размолвки, хоть и знаем друг друга давно.

Трактор свернул с прямой дороги, пришлось сосредоточить всё внимание на управлении «Газелью». Тут уже не до посторонних мыслей – не успеешь среагировать и вмажешься в тракторный прицеп, у которого даже стоп-сигналов не было. А я, чтобы сузить обзор и не замечать людей на улице, держался очень близко к этому опасному прицепу. Проехав метров двадцать после поворота, трактор остановился, я тоже нажал на тормоза. Мы встали на разгромленной детской площадке, напротив одного из подъездов последней пятиэтажки. Именно этот подъезд был нашей первой целью – в одной из квартир на четвёртом этаже этого дома проживал Василий с сестрой Настей.

Остановились мы на этой бывшей детской площадке по одной простой причине – ближе к дому невозможно было проехать, подъездная дорога была завалена кучами мусора, к тому же кое-где в проглядывающем асфальте виднелись большие проломы. Это были ливневые стоки, лишённые чугунных решеток. Единственным местом вблизи дома, где можно было пристроить нашу технику, являлась бывшая детская площадка – на ней остались только ржавая железная горка и качели. Все деревянные элементы выломали и растащили на дрова, включая коробку от песочницы.

Не успел я открыть дверь «Газели», как в ноздри ударил целый букет отвратительных запахов – воняло гниющими отходами, канализацией, гарью. Всё это и ранее ощущалось, при закрытых окнах и дверях, но концентрация была не та, а когда мы с Сергеем, закрыв кабины, направились в сторону нужного нам подъезда, стало ещё больше нарастать.

По пути пришлось перепрыгивать через провал в асфальте – оттуда дхнула и вовсе непереносимая вонь. Оставшиеся в живых люди использовали эту клоаку для слива нечистот и отходов жизнедеятельности. Наверное, так же воняло и в прекрасном древнем Риме недалеко от проходящей через город их Клоаки.

Даже вблизи эта пятиэтажка казалась повреждённой не особо сильно. Бросались в глаза только несколько продольных трещин, выбитые стёкла и оторванные водостоки – мелочь по нынешним временам. Стены и крыша не рухнули, значит, была надежда, что в этом доме теплилась жизнь. Идиотизм, конечно, что люди ютятся здесь, а не эвакуируются в сельскую местность, где стояло много более или менее целых пустых деревянных домов. Инертный мы всё-таки народ, лень поднять свою задницу и покинуть привычный клоповник: «Лучше буду нюхать дерьмо, замерзать и голодать, зато получу паёк, к тому же здесь вкалывать не надо, а в новом, незнакомом месте, ещё неизвестно как». Трудно придумать иную причину такой сильной привязанности к этим зловонным развалинам. По дороге в Ясногорск мы проезжали несколько деревень. Конечно, какое-то количество жителей там осталось, но в основном дома

стояли пустые, некоторые и вовсе с заколоченными окнами. Определить нежилые дома было просто – трубы там не дымили.

Вскоре мы зашли в подъезд, здесь воняло ещё сильнее, чем на улице, ко всему прочему примешивался сладковатый, мерзкий запах гниющей органики. Наверняка в квартирах на первом этаже лежали разлагающиеся трупы. А пахло так сильно, потому что дверей в эти квартиры не было, впрочем, так же как и косяков, – их просто вырвали с корнем.

Жуткое впечатление осталось у меня от подъёма на четвёртый этаж. Как можно жить в таких условиях, я не понимал – но люди жили. Первая обитаемая квартира была на втором этаже – по крайней мере в этой квартире сохранилась входная дверь, и она была закрыта. Кроме того, к этой двери была протоптана тропинка, заметно выделяющаяся на запыленной и замусоренной поверхности коридорного пола. На третьем этаже все квартиры были жилые, но в коридоре было не чище. Четвёртый этаж нас порадовал относительной чистотой. Хотя дверь в одну из квартир была выбита, но щепок, осколков штукатурки и других следов взлома не наблюдалось, как и пыли, проникающей из разбитых подъездных окон, по-видимому, здесь хоть как-то прибирались. Конечно, пыли и грязи, нанесённой обувью с улицы, хватало, но по сравнению с нижними этажами – небо и земля. Хотя следы, оставленные грязной обувью, нас порадовали – они вели как раз к той квартире, которая нам была нужна, а то я, если прямо сказать, после увиденного в этом подъезде, с его тошнотворным запахом, уже начал сомневаться, что мы застанем здесь в живых Василия и Настю.

Сергей, не приостановившись, с ходу принялся стучать кулаком по двери нужной нам квартиры. Долбил он по ней минут пять, а я в это время смотрел на другие – ожидая, что от такого шума они распахнутся и выплянут соседи, узнать, что же там такое творится. Но никто не заинтересовался тем, что происходит у них на лестничной площадке. Вдруг за дверью, по которой долбил Сергей, раздался звук падающего предмета, и я сразу же перевёл на неё взгляд и не зря. В дверном глазке что-то мелькнуло, раздался щелчок открываемого замка, и дверь распахнулась.

В проёме, опираясь о косяк, стоял Василий, вернее то, что от него осталось. А за эти две с половиной недели, что я его не видел, молодой здоровый парень умудрился стать похожим на тень. Если судить по лицу, похудел он, наверное, раза в два и здорово походил сейчас на узника немецкого концлагеря – провалившиеся щёки, выпирающие скулы и громадные печальные глаза. Парень был в тренировочном костюме, поверх него толстый шерстяной свитер, правая нога была замотана пледом.

Лицо Василия выражало крайнее изумление, он только и смог, заикаясь, произнести:

– С-се-рёг, ты? – и замолчал, только стоял и хлопал ресницами. Чтобы как-то разрядить это гнетущее молчание, я, постаравшись придать голосу бодрый и весёлый тон, заявил:

– Ну что, Василий, не пригласишь гостей в дом? Забурел тут в своём Ясногорске, что ли?

– Ой, извините, Анатолий Филиппович, растерялся! Конечно, проходите, очень рад вас видеть. А уж Настюшка как будет счастлива, не представляете!

После этой фразы Василия, Сергей оживился:

– А где Настя, странно, что эта егоза первая не побежала открывать дверь?

– Так она сейчас спит. Намучалась со мной, вот и отрубилась! Да вы проходите, нечего тут, у открытой двери стоять.

Опираясь рукой о стоявший в коридоре шкаф, Василий как-то неловко отступил, а мы по одному прошли в квартиру. Когда я закрывал за собой дверь, Василий произнёс:

– Вы не раздевайтесь, в квартире холодно и грязно. На кухню проходите, там у нас сейчас жилая зона.

Первым в эту самую «жилую зону» направился сам Василий. Шёл он, сильно хромя, хотя и придерживался руками стены. «Вот же, чёрт, травмировался где-то парень, как это некстати, – подумал я с сожалением. – Всё равно возьмём тебя к себе, даже таким!»

Неожиданно, в распахнутом настежь кухонном дверном проёме, откуда и поступал свет в коридор, возникла фигура с развевающимися длинными волосами. С громкими всхлипами она, чуть не сбив Василия, метнулась к Сергею и повисла у него на шее. Это была Настя. Она запричитала сквозь всхлипы:

– Серёженька, я верила, что ты появишься и заберёшь меня из этого ада. Я так молилась! Бог есть, Серёженька, Бог есть! Увези меня отсюда, заberi, умоляю!

И Настя в голос зарыдала, продолжая висеть на Серёге. Картина была ещё та, даже я, толстокожий, расчувствовался, наблюдая, какое потрясение испытывала сейчас молодая девушка. Да... бедная девчушка, пока не выплеснет из себя всю ту муть, которая обрушилась на неё после катастрофы, вряд ли будет адекватной. «Вот когда придёт в себя и немного успокоится, тогда и поговорим с ней, а сейчас пойду-ка на кухню и побеседую с Василием», – подумал я и начал протискиваться между стеной и Сергеем, с повисшей на нём Настей.

«Жилая зона» произвела на меня гнетущее впечатление. Особенно конструкция, являющая собой некоторое подобие печки. Труба, протянутая от неё к форточке, выглядела как верх маразма – ржавая сотка, на которой висели трусы, носки, испачканная кровью рубашка и бюстгальтер. А под этим безобразием располагался не менее ценный реквизит – скособоченная, облезлая раскладушка с горой грязных одеял на ней. Впритык к безобразной лежанке стоял стол с большой стопкой грязной посуды, а рядом диван, на котором, по-видимому, спала Настя – два одеяла, одно на другом, они были сейчас откинuty, явив взору серую от пепла простыню. Стул на этой семиметровой кухне тоже был, по крайней мере угадывалась его спинка под горой наваленной одежды.

Осмотрев кухню и не найдя ничего лучшего, я бесцеремонно уселся на диван, прямо на простыню, тем более что мои штаны были гораздо чище чем она. Со мной рядом, кряхтя, начал усаживаться Василий. Я, кивнув головой на его ногу, спросил:

– Сломал, что ли? Василий горько усмехнулся:

– Если бы! Дело гораздо серьёзней – бетонной плитой раздробило кость в голени, в кашу – мучаюсь страшно. Если бы Настя не утатила со своей бывшей работы наркоту для животных, скопытился бы уже давно от боли. Часа два после того как Настюша уколет этой хренью, ничего – вон, привязал к ноге ножки от стула, так даже передвигаться могу.

– Где же тебя угораздило?

– А так – разбирали тут один полуразваленный дом, пытаюсь спасти заблокированных там людей, ну меня плитой перекрытия и придавило. Еле самого вытащили.

– А что же медики? Почему в больницу не отвезли?

– Не до меня было. Люди травиться воздухом начали. Я-то сознание потерял и ничего не помню, а Настя рассказывала, когда ребята меня домой принесли, были уже в противогазах. Сестрёнке обещали, что врач обязательно приедет и меня перевезут в организованный при первой поликлинике госпиталь. Оставили кое-какой еды, воды и противогаз, наказали без него на улицу не выходить, и лучше, вообще, туда сейчас не соваться. Настя пообещала, но на следующий день пришлось ей нарушить обещание. И всё из-за меня – когда я очнулся и чуть ли не на стенку стал лезть от боли, она, надев противогаз, побежала в эту первую поликлинику. Но получился облом, не было там никакого госпиталя, да и, вообще, никого там не было. На этом Настя не успокоилась, направилась в штаб ГО. Он сейчас находится в здании администрации города. В том здании, как рассказала Настя, сейчас вообще как в раю – тепло, есть электричество, да и воздух чистый. Она там часа два блаженствовала, пока ходила по разным начальникам с просьбой оказать помощь пострадавшему в спасательной операции. Ей обещали, сказали, правда, что бригада медиков сможет приехать только дня через два-три. Положение, мол, сейчас очень сложное, и госпиталь, развёрнутый в первой поликлинике, вынужден был эвакуироваться в пансионат «Родники». Там, так же как и в этом здании, имеется система центрального кондиционирования, через которую очищается наружный воздух. Настя была в отчаянье – что

же теперь делать, как облегчить мучения брата? Ей ничего не оставалось, как направиться на свою прежнюю работу и исполнить задумку, которая пришла ей в голову ещё дома, когда я кричал от боли благим матом. Хорошо, у неё были ключи от конторы и она знала секретный код сейфа, где хранились наркотические вещества. Телефонная связь в городе отсутствовала, и, естественно, сигнал о том, что в помещение ветлечебницы кто-то проник, на пульт вневедомственной охраны не поступил. Да, если бы связь и работала – появление Насти на работе было вполне естественно. Обычно именно она приходила первой и отзванивалась в полицию, что охраняемый объект снят с сигнализации.

Неожиданно Василий прервал своё повествование, посмотрел на меня какими-то жалкими, влажными глазами и спросил:

– Анатолий Филиппович, да что я вас баснями кормлю, может, вы скушать что-нибудь хотите? Не подумайте, что мы тут с голоду пухнем. У нас даже ещё мясные консервы остались – собачьи, правда, но ничего, вкусные.

– Да-а-а... по тебе не скажешь, что вы тут жируете! – усмехнулся я. – Вон, исхудал как, одни глаза остались.

– Так это не из-за нехватки пищи, просто боли чёртовы достали – есть ничего не могу. А так, жранья полно – Настя натащила со своей работы собачьего корма – море. Для нас двоих, наверное, на месяц хватит. И, кстати, он с витаминами и микродобавками, можно сказать, полезен для организма и по вкусу ничего. Представляете, как жизнь достала девку, что она, с её-то честной натурой, воровать начала? За несколько дней, пока воздух на улице был отравленный, перетащила домой половину всей ветлечебницы. Так что сейчас мы живём, как породистые псы, – ни в чём себе не отказываем!

Василий издал нечто, напоминающее смешок, и снова грустным голосом продолжил:

– Девка – просто золото! Вон, пока я находился в наркотических бреднях, сама сгоношила из подручных материалов печку. И теперь мы не только сытые, но и в тепле. А медпомощь к нам так и не приехала – бардак начался в городе. Центральных властей, считай, нет, в каждом районе теперь свои боссы. Кто сидит на продуктовых и топливных запасах, тот и диктует свою волю. До пострадавших теперь никому нет дела, выкручивайся сам. А если издохнешь, туда тебе и дорога! Я-то ладно – отработанный материал, а Настю жалко. Жить нужно таким, детей рожать, а не погибать здесь. Возьмите её с собой, Анатолий Филиппович, не пожалеете, я вам честно говорю!

– А мы сюда за этим и приехали, увезти вас обоих в посёлок. Продуктами и топливом мы там запаслись и даже электричество у нас есть. Ветряк его даёт, над которым вы так смеялись. Так что, переживём самые трудные времена – не бойсь!

Вот, заберём ещё Гришку с женой, заедем на угольный склад и двинем в посёлок.

– Так... погиб Григорий! Я, можно сказать, из-за этого и пострадал. Именно в его доме мы разбирали завалы, когда я вроде бы услышал его голос. Как дурак сунулся к провалу, откуда можно было лучше слышать заблокированных внизу, а тут плита сорвалась, ну и зацепило. Потом ребята, которые меня сюда принесли, Насте сказали, что работы на том доме прекращены. Людей так и не разблокировали, и они там все отравились вулканическим газом.

– Да-а-а... печально это слышать! Страшная смерть – оказаться людям в мышеловке, а ведь у Гриши жена беременная на седьмом месяце! У-у-у, блин, вот судьба... Пашешь, пашешь, а тебя бац и прямо по башке мочит! Расстроил ты меня, Васёк, расстроил!

Я замолчал, Василий тоже. Он молча сидел, опершись локтями о стол и сжав ладонями голову. Лица его не было видно, но на пыльной поверхности стола образовалось несколько мокрых пятен. Заметив следы слёз, я жёстким голосом заявил:

– Всё, Василий, хватит сопли на кулак мотать, давай, командуй Насте, чтобы она вещи собирала. А мы с Серёгой в это время тебя на улицу выведем. Посидишь в «Газели», пока вещи перенесём.

– Да не нужно меня брать, только обузой буду! Вы только Настю увезите, я тут останусь. Может, ещё возьмут меня в госпиталь, а если нет – здесь легче умирать, зная, что Настюша в надёжном месте с хорошими людьми.

Василий оторвался от стола и сейчас откровенно куксился, потупив покрасневшие глаза.

– Ты что, мужик! Мы своих не бросаем, а ты наш! – прикрикнул я. – Приедем в посёлок, там тобой займётся Игорёха – сам знаешь, какой он доктор. Через месяц забудешь о своих проблемах. Если нельзя будет вылечить, отрежет, на хрен, твою ступню, и всех делов. Сделаем протез, и через месяц уже будешь бегать. Прекращай кукситься, морпех, прорвёмся, где наша не пропадала! Давай, давай, собирайся – время не ждёт, а нам, пока светло, нужно ещё за углём успеть заехать.

Уже не слушая бормотания Василия, я встал и вышел из кухни. Нечего надеяться на раскисшего мужика, лучше самому объяснить Насте, что нужно с собой брать. В коридоре картина меня ожидала вполне мирная, Настя уже не рыдала. Она полушепотом беседовала с Сергеем, изредка раздавался даже девичий смешок. Пришлось нарушить эту идиллию, и я крикнул:

– Настя, давай быстро собирай вещи – поедете с Василием с нами в посёлок. Бери документы, все оставшиеся продукты и самые тёплые вещи. Если есть чистое бельё, тоже захвати. Мы сейчас с Сергеем спустим Василия к машине, а ты к тому времени должна быть готова. Да, и ещё, на всякий случай сделай сейчас Василию обезболивающую инъекцию, чтобы он нормально доехал. Мы не сразу в посёлок, нужно ещё заглянуть на угольный склад. Там можем часа два-три пробыть, так пускай лучше Вася мирно поспит в кабине «Газели», чем такую боль терпеть.

Мои слова, хоть и произнесённые довольно грубым тоном, были встречены восторженным визгом. Настя мгновенно отлипла от Сергея и метнулась, чуть не сбив меня с ног, в кухню. Там – я наблюдал – достала разовый шприц, наполнила его какой-то жидкостью из мензурки и сделала укол ошалевшему от такого стремительного развития ситуации Василию. Затем так же быстро прошмыгнула мимо меня в одну из комнат и стала шуршать вещами. «Да-а-а, шустрая девчонка, надо и нам поторопиться, а то она, пожалуй, быстрее соберется, чем мы Василия спустим к автомобилю».

И действительно, мы долго промучились с Василием, который после укола превратился в большую куклу, с трудом реагирующую на команды, хорошо хоть, вообще, не уснул и как-то нам помогал. Даже, чтобы усадить парня в кабину, пришлось немало повозиться. Сначала освободили место от обменного фонда, который предназначался для бартерной операции, – водку переложили в пластиковые пакеты и пристроили их за сиденья.

Дальше всё пошло гораздо быстрее, мы за два раза перенесли уже подготовленные узлы и покидали их в кузов «Газели». Чёрт с ними, если испачкаются в угольной пыли, потом очистим, не बारे. А если прямо сказать, после разговора с Василием я уже начал сомневаться, что нам удастся раздобыть уголь. Но, как говорится, попытка – не пытка, и всё-таки стоило подъехать к железнодорожному тупику, где был угольный склад.

Настю тоже посадили в кабину «Газели», хотя Сергей хотел её пристроить к себе, но внял моим словам, что Василий сейчас неадекватный и его нужно придерживать, чтобы не мешал водителю.

Наконец все устроились, и я вслед за трактором Сергея тронулся с места.

Глава 10

К станции мы подъехали минут через десять, потом ещё столько же пробирались меж железнодорожных путей, выискивая ветку, которая вела к угольному складу. Наконец выбрались на дорогу, которая вела к нужному нам месту. Когда проезжали вдоль железнодорожного пассажирского состава, из предпоследнего вагона начали выпрыгивать люди, вооружённые автоматами. По знаку одного из них, вышедшего вперёд, пришлось остановиться. Мне, конечно, всё это очень не понравилось, но, куда тут денешься, когда автоматы направлены прямо на тебя. Я несколько приободрился, когда заметил среди останавливающих нас людей двух человек в полицейской форме.

Промелькнула мысль – полицейский пикет, усиленный гражданскими добровольцами из какого-нибудь охранного предприятия. Может, там даже есть ребята из Васиной конторы. Наверное, поэтому я без особой тревоги выбрался из кабины и направился к этой группе людей, объясняться, зачем и почему мы тут появились. Беспокоился только о судьбе водки и сигарет. Наверняка эти орлы обшарят «Газель» и всё это найдут, естественно, конфискуют – надо же поддерживать боевой дух у такой прорвы народа – вооружённых людей было человек десять.

Беспокойство перебивала довольно-таки наивная мысль: а может, ребята просто проверят документы и пожелают нам счастливой дороги. Или, если всё же конфискуют водку, у них разыграет совесть и они разрешат нам загрузиться углём, кучи которого виднелись метрах в пятистах от нас. Эти люди, по-видимому, и контролировали сохранность его запасов. Если так действительно получится, о лучшем варианте и мечтать не надо. Не придётся бегать по начальникам, вымаливая отпустить уголь, – всё можно решить здесь, с командиром этой группы. И вообще, наладить с ним контакт, и всю нашу дрянную водку обменять на уголь. Вот с такими мыслями и с накладной в руке я шёл к железнодорожной насыпи, к трём вооружённым людям, которые укрывались от ветра за железнодорожным вагоном. Приблизившись, был неприятно поражён увиденным – с ними рядом уже стоял Сергей под прицелом автомата одного из бойцов.

Не дав мне возможности что-то сказать, не представившись, тип, держащий в руках изъятую у Сергея ракетницу, с ходу наехал на меня:

– Вы что, суки, творите? Без спросу заезжаете на нашу территорию! – Потом немного выдохнул и, буравя меня злобным взглядом, продолжил: – Ты, пидер, кто вам разрешил здесь ездить?

Я протянул ему накладную и начал, было, объяснять, что мы едем за уже оплаченным углём. Не дослушав, он выхватил накладную, скомкал её, задулил получившимся комком прямо мне в лицо и заорал:

– Вытри этой бумажкой свою вонючую жопу! Нарушили закон, будете платить мзду. Транспорт конфискован, а вы сами приговариваетесь к общественным работам – будете грузить любимый вами уголёк. Понятно, урод?

– Да, но почему? Мы же ничего такого не сделали! Если нельзя, сейчас развернёмся и уедем!

– Ша, козёл, уедет он... Вы уже попали под выкуп, тем более у твоего брателлы нашли вот эту херню! – Беспредельщик помахал у меня перед носом ракетницей, нагло усмехнулся и продолжил: – Вооружены вы были, пидеры, а это значит, что выкуп увеличивается. Если бы Болт не нашёл у твоего лося вот этой пшикалки, могли бы отделаться одной конфискацией имущества, а так придётся самим пахать. А будете халтурить, вообще, пожалеете, что на свет родились. Веник за каждый процент невыполнения плана вставляет каждому такому пидеру палку или две – это уже под настроение.

Мужик заржал, его охотно поддержали и два других вооружённых типа. «Вот мы попали! Уроды, а не люди! В рабов нас хотят превратить... прямо идиотская какая-то ситуация... что же делать?» Но ничего путного в голову не приходило, оставалось скрежетать зубами и с подчеркнуто затравленным видом наблюдать за главным беспредельщиком. А тот, нахохотавшись всласть, соизволил, наконец задать вопрос:

– А вы откуда нарисовались-то?

– Так это... из Петухово мы, за углём приехали.

– Петухово? Это же земля Сипатого! Какого же хера вы в чужой огород-то полезли?

Голова в эти недолгие решающие мгновения работала со скоростью компа, судорожно перебирая всевозможные варианты спасения, и один из них я тут же начал продвигать, надеясь, заболтав урода, выторговать время:

– В нашей общине есть кое-какие ресурсы, за нас дадут хороший выкуп. Отпустите или меня, или моего напарника, второго оставьте в заложниках, и не позднее завтрашнего дня получите по ящику водки за каждого.

На самом деле не в этом заключался мой план. Ясно же было – эти сволочи не пойдут ни на какие честные договорённости, даже если, обуреваемые жадностью, отпустят одного из нас, когда им привезут выкуп, непременно потом захватят и его и того, кто привезёт водку. Расчёт тут мог быть только на ответное силовое воздействие – собрать всех наших ребят, устроить ночью тут небольшую разборку, захватить нескольких бандитов, а потом обменять их на нашу технику и задержанных людей. Я был уверен, что Саня с Флюром смогут буквально «голыми руками» устроить здесь большой кипишь, а остальные будут их прикрывать. Так что, главное было сейчас постараться возбудить у бандита непомерную жадность, чтобы он был кровно заинтересован выжать из этой ситуации как можно больше навара. Я был готов сколько угодно торговаться в сторону увеличения размера выкупа. Но все мои намерения были в один миг разрушены оказавшимся – хоть и не совсем в точку – однако довольно прозорливым восклицанием беспредельщика:

– А-а-а, наступать хочешь Сипатому! Да мы моргать на него хотели. Сука, науськал своих шестёрок нарушить договор и думает, прокатит. Может, ему в подарок твою голову отправить, чтобы увидел, как быстро здесь его козлам рога-то обламывают?

Бандит довольно продолжительное время задумчиво на меня глядел, как бы решая, что же ему делать с этим ничтожным насекомым. Неприятная, надо сказать, ситуация – прямо, мурашки по спине. Не отводя от моего лица цепкого изучающего взгляда, он неожиданно лениво произнёс:

– К тому же не нужна нам ваша вонючая водка, у нас самих целая железнодорожная цистерна со спиртом «Экстра» имеется. Ладно, животное, не буду я тебя по частям отправлять Сипатому. Пока, не буду! А станешь плохо работать, точно, пошлю.

Хотел ещё что-то добавить, но его отвлекло появление новых объектов для удовлетворения своих садистских наклонностей. Бандиты всё-таки добрались до кабины «Газели» и теперь, весьма довольные данным фактом, вели Настю с Василием к своему главарю. При этом периодически подвываящую Настю один из бандитов тащил за волосы, а двое других пинками гнали сильно хромающего и постоянно падающего Василия. Подобная картина явно разгневала главаря, и он заорал:

– Кныщ, какого хера вы тащите сюда этого инвалида? Кончай его, потом работяг пошлём, чтобы эту вонючую тушу перевезли в ров.

Раздалась короткая автоматная очередь, и нашего бывшего сторожа, в недавнем прошлом такого красивого и жизнерадостного парня, в один миг не стало. Хорошо, он был под воздействием наркотиков и не успел ощутить всего трагизма собственного положения и того, что уготовано его сестре. Зато я всё отлично понимал и судорожно искал выхода из этого кошмара.

Однако вскоре, а именно, когда притащили Настю, стало не до рассуждений – события так стремительно закрутились, что мне пришлось действовать, не соображая, чисто на инстинктах.

Настю поставили перед главарём, она мелко тряслась и смотрела на него круглыми от ужаса глазами. Тот, оглядев её, довольно хмыкнул и приказал:

– Карась, давай, тащи её в мой вагон. Посадишь к остальным тёлкам. Развлекусь маленько, потом передам её вам. Гы-гы-гы... только Венику её сразу не отдавайте – распотрошит сучку до самого горла.

Только этот Карась схватил Настю за волосы, чтобы тащить в приказанное главарём место, как бедная девчушка вырвалась и с пронзительным визгом бросилась прочь, но далеко убежать не успела – раздалась короткая автоматная очередь, и она упала. Но в отличие от брата, скончалась не сразу – забилась, бедолага, в конвульсиях, и главарю пришлось добить её очередью из своего автомата. В тот момент, когда Настя кинулась бежать, дёрнулся и Серёга. Он двинул одному бандиту по роже и резко бросился к тому, кто стрелял, но добежать не успел. Ещё один беспредельщик, стоящий сбоку, ткнул его стволом калаша в область печени, а когда Сергей согнулся от острой боли, долбанул по голове прикладом. Потом принялся яростно пинать упавшего парня ногами, вскоре к нему присоединился и тот бандит, которому Сергей заехал по физиономии, Главарь бандитов, после того как добил девушку, несколько секунд с интересом наблюдал, как избивают моего товарища, а потом крикнул:

– Сухой, прекращайте хернёй страдать! Кончайте этого лося, а-а...

Закончить фразу он не смог, его загипнотизировала моя поднятая рука, а вернее то, что в ней находилось – граната Ф-1. Во время всей этой суеты я успел достать из кармана гранату, выдернуть чеку и, удерживая лимонку двумя пальцами, протянуть руку прямо к роже этой мрази.

Лицо бандита посерело, когда он увидел в нескольких сантиметрах от себя этот смертоносный предмет – знал, козёл, что при взрыве у него нет ни одного шанса уцелеть. А больше всего воздействовал на его психику мой нервно дрожащий палец, с усилием прижимающий скобу гранаты. Естественно, я нервничал, сердце в этот момент, наверное, море адреналина гнало по сосудам, к тому же держать на вытянутой руке груз весом шестьсот граммов в моём теперешнем состоянии было тяжеловато.

Надо отметить, к чести бандюги, что он уже после секундной заминки смог взять нервы под контроль и сразу попытался как-то разрулить ситуацию, произнеся слегка охрипшим голосом:

– Ты что, мужик, ошизел? Взорвётся же! Давай, заканчивай свои выкрутасы – думаю, сможем договориться, отпустим вас с корешом к Сипатому.

Я в этот момент сам готов был взорваться не хуже гранаты. Психика пошла вразнос, мозги плавали в море адреналина – хорошо, крохотный кусочек рассудка выжил, продиктовав следующую фразу:

– Ну что же, если выкуп подходит, мы, пожалуй, пойдём. Прикажи своим шавкам опустить автоматы!

Главарь громко выкрикнул приказания. Следом за ним и я заорал:

– Серёга, быстро сваливай! Ныряй за поезд и там жди меня!

Мой напарник перед этой командой стоял на четвереньках и мотал головой, пытаясь прийти в себя после удара прикладом по голове. Его обидчики стояли рядом, двумя кобрами уставившись на мою руку с гранатой, – они тоже находились в зоне поражения лимонки и прекрасно это осознавали, поэтому никто не препятствовал Сергею подняться. Наконец, пошатываясь, он подошёл к пассажирскому составу. Затем, как мне казалось, ужасно медленно и неловко забрался на невысокую насыпь, встал на четвереньки и полез под вагон.

Как только его ноги скрылись из виду, я, обращаясь к главарю бандитов, сказал:

– Ладно, прощевай, братан, я тоже сваливаю! Приятно было пообщаться! Но если выкуп устроил – ракетницу-то отдай!

Получив обратно ракетницу, отобранную у Сергея, я засунул её свободной рукой в карман, улыбнулся и произнёс:

– Да, чуть не забыл – выкуп-то заberi! Перед этим я сжал гранату всеми пальцами, а сейчас сунул кулак с подарочком за полу, распахнутой на груди длинной куртки бандита. Мгновенно отпрыгнув, метнулся к вагону, на счёте двадцать три упал на насыпь и, больно ударившись о рельсы, перекатился на другую сторону. Когда катился вниз по насыпи с другой стороны эшелона, услышал звук взрыва. Правильно, гроыхнуло как раз вовремя, когда я про себя произнёс цифру двадцать пять, значит, с того момента, когда отпустил спусковую скобу гранаты, прошло примерно пять секунд, а точнее 4,8 – этот факт я помнил со времён военной кафедры в институте. На этой задержке во взрыве Ф-1 и строился весь мой авантюрный расчёт – успеть сунуть гранату сволочуге, а самому рыбкой нырнуть под вагон и укрыться от взрыва на другом краю железнодорожной насыпи. Я надеялся, что при этом ни один осколок не зацепит ни меня, ни Сергея, который к тому времени уже должен был находиться за этой насыпью. После взрыва надо было немедленно рвать подальше от этого места. Даст бог, бандиты совсем ошалеют от взрыва, и нам удастся скрыться, пока они приходят в себя. Так что, план незамысловатый, рискованный... а что другое оставалось? То обстоятельство, что я стоял рядом с железнодорожной насыпью, давало хороший шанс преодолеть её за пару-тройку секунд.

Всё это я просчитал и удачно выполнил, но вот следующую фазу запарол, кажется, так как лежал теперь под насыпью и не мог даже дышать, не то, чтобы «скорее рвать подальше от этого места». Страшно болела грудина и позвоночник, получившие неслабые удары о железяки, когда я крутился, с ходу преодолевая железнодорожные рельсы. Мне даже показалось, что когда я мысленно произносил «двадцать четыре», при очередном столкновении моего тела с одной из рельс что-то хрустнуло в области рёбер. Захлестнула нестерпимая боль, а следом за ней невероятная злость – неужели сейчас всё загублю? Ведь подставляю не только себя, но и Серёгу – вот он сидит, совсем недалеко, и сам здорово тормозит, по-видимому, ещё не отошёл от побоев.

Не знаю, сколько времени я так валялся, беспомощный, совершенно неспособный передвигаться, даже на четвереньках, не то что бегом, однако безволие мгновенно пропало, когда с той стороны эшелона начали долбить автоматы. Я мгновенно вскочил, преодолевая дикую боль, и заорал Сергею:

– Ты, тормоз долбаный, быстро за мной! – И бросился что есть духу бежать вдоль насыпи, пригибаясь, чтобы не зацепила шальная пуля.

Стреляли наугад, целя между рельсами и днищем поезда. Наибольшее количество искр, отлетающих от колёсных пар и рельсов в результате рикошетов автоматных пуль, концентрировалось в месте за вагон от нас – в том направлении, откуда мы и приехали. Естественно, я побежал в противоположную сторону.

Нёсся так, как бегал, наверное, только в далёкой юности на соревнованиях по лёгкой атлетике. Но в те времена я был молод, не пил, не курил – как же, спортсмен, – к тому же одежда была другая, лёгкая и кроссовки, а сейчас, хоть и старпёр, навьюченный по полной программе, в тяжёлых говнодавах, а результат не хуже. Вот что может человек, когда запредельная концентрация адреналина в крови и дикое стремление выжить. Однако молодость побеждала, и вскоре я услышал позади громкое пыхтение Серёги. Хотя парень бросился бежать с задержкой, но догнал меня очень быстро.

Казалось бы, при таком спурте невозможно поменять направление, не снижая темпа, но только не в нашем случае. Бандиты перебрались на другую сторону поезда и открыли огонь по удаляющимся мишеням. Естественно, я метнулся вправо; как кенгуру, в несколько прыжков перепрыгнул ещё одну железнодорожную насыпь и понёсся к развалинам какого-то громадного

здания, виднеющимся метрах в ста от нас. Преследователи тоже на месте не стояли, и, не успели мы добежать до здания, пули начали веером крошить кирпичную стену справа от меня. Но, слава богу, мы успели миновать торец здания и, свернув за угол, убратся из сектора обстрела.

На этот последний рывок я отдал все силы без остатка и дальше бежать больше не мог. Хотя, казалось бы, спасение совсем рядом – метрах в трёхстах от нас стояли многочисленные грузовые вагоны, какие-то небольшие строения, штабеля шпал и другого железнодорожного имущества, то есть вполне можно было затеряться среди этого производственного бардака. Но организм решил по-другому, не желая больше терпеть мучений; жить, не жить – всё равно, лишь бы всё быстрее закончилось.

Поэтому почти сразу после поворота я, уже ничего не соображая, по инерции преодолев ещё метров десять, резко остановился. Да так, что следовавший за мной Сергей не успел среагировать и не менее резко затормозил, ощутимо толкнув меня в спину. Я не удержался на ногах и упал на руки; отрезвляющая боль в ладонях заставила мозги зашевелиться в поисках путей спасения, не связанных с физическими нагрузками, добывающими сейчас моё, и так уже совсем немощное, покалеченное тело.

Пока стоящий надо мной Сергей громко орал, безуспешно пытаюсь словами стимулировать к последнему рывку, я, еле поднявшись и обтерев окровавленные руки о куртку, начал затравленно озираться. Взгляд сразу зацепился за провал в стене здания. В эту громадную трещину вполне мог пролезть человек. Перебивая Сергея, я выкрикнул:

– Поздно пить боржоми! Не успеем мы уже добраться до грузовых вагонов – бандиты появятся раньше. А по пути к ним никаких укрытий – перестреляют как куропаток. Давай, быстро, вон в ту щель в стене – попробуем отсидеться в этих развалинах.

Времени вступать в диалог не было, и я, повернувшись, с какой только мог скоростью бросился к спасительному провалу в стене. Славу богу, он был недалеко, и измученные ноги уже очень скоро смогли до него дошагать. Сергей, остановленный в своей матерной руляде на полуслове, некоторое время недоумённо наблюдал за моим перемещением, пока я, добравшись до пролома, не начал влезать в здание, а потом пулей ринулся следом.

Забравшись внутрь, я, поражённый открывшейся картиной, застыл на месте, в изнеможении прислонясь спиной к какой-то громадной железной штуковине – одной из деталей для тепловозов – таких здесь было не мало; они валялись под обломками обрушившейся крыши. По-видимому, раньше это был ремонтный цех железнодорожного депо, сейчас превратившийся в свалку груды металлолома вперемешку со строительным мусором – рухнувшие на ремонтируемые тепловозы массивные железобетонные колонны были завалены сверху плитами перекрытия, образуя массу шикарных нор, в которых можно было затаиться – страшно, правда, было лезть туда. Я вспомнил недавний рассказ Василия – он получил травму как раз на таких развалинах, когда неожиданно, без видимых причин, прямо на него обрушилась плита перекрытия. Здесь таких плит было множество. Ужасней всего выглядела одна наклоненная бетонная колонна, на которой гроздьями висело несколько плит – держались чудом, на тонкой арматуре, одна из плит раскачивалась. Совсем не хотелось приближаться и к расположенной рядом шикарной куче металлолома, колоритно заваленной железобетонными плитами.

Мои размышления, куда бежать и где прятаться, прервало появление Сергея. Вопрос стоял о жизни или смерти; шарахаться куда придётся негоже, несмотря на то что преследователи вот-вот будут тут. Цейтнот? Да, но выигрывает, в конечном итоге, не тот, у кого реакция быстрее, а тот, у которого мозги работают лучше. Следовало хоть немного подумать, где нам замаскироваться, – совет мне нужен был (ум, как говорится, хорошо, а полтора лучше), и я спросил:

– Как думаешь – где спрятаться от этих козлов? – Однако зря спросил, только время потерял.

У парня в этот момент реакция сработала лучше, чем мозги. Он с ходу, не рассматривая другие варианты, указал на первоначально привлёкшую меня грудку металлолома и бетонных плит.

– Дебил! – воскликнул я, не стесняясь в выражениях. – Ты что, хочешь закончить как Васёк? Вон, видишь, почти над этим местом висят на тонкой арматуре железобетонные плиты. Один чих, и свалятся, мать твою – прямо на бошку!

Я был на взводе, поэтому в другой ситуации, скорее всего, продолжил бы частить Сергея, прикрывая этим свою растерянность, но острое чувство опасности подстегнуло к немедленному действию, и я, не рассуждая, крикнул:

– Давай, за мной! – И юркнул в узкий проход, находящийся совсем недалеко. Он шёл вдоль стены и образовался в результате обрушения лестничного пролёта. По-видимому, над этой частью здания, на втором этаже, находились служебные помещения; этаж обрушился, но лестничные пролёты, прислонясь к стене, не дали кирпичу и плитам засыпать всё пространство, превратив в одну монолитную кучу. Протиснуться в эту щель было можно, правда, метра через четыре пришлось ползти накарачках, а затем эта кротовая нора упёрлась в стену. Мы добрались до торцевой стены здания – дальше хода не было.

«Вот и приплыли – запаниковал я, ругая себя последними словами, – а ещё Серёгу дебилом назвал». Но делать нечего, обратный ход включать поздно. Я постарался успокоиться и стал про себя нахваливать плюсы нашего убежища, при этом минусы, как бы, не замечая. Во-первых, высота норы значительно увеличилась, и у стены можно было даже стоять. Во-вторых, здесь не совсем темно – имелась небольшая трещина в стене, через которую хоть как-то просачивался свет с улицы. К сожалению, через эту щель нельзя было наблюдать за обстановкой снаружи – трещина в стене делала некий кульбит, и я мог видеть только следующий ряд кирпичей. Но воздух и уличный свет сквозь неё поступал. А что касается отсутствия нормального обзора – с одной стороны, это плохо, с другой хорошо – с улицы тоже нельзя было увидеть, что творится в этом закутке. Да и гранату сунуть невозможно, если обнаружат, что мы здесь затаились. Но самый большой плюс этой норы заключался в том, что в образовавшейся пещере можно было держать оборону даже с нашей ракетницей. Лаз сюда узкий, низкий, извилистый – автоматом с той стороны завала нас не достанешь, а если кто рискнёт и полезет проверять, куда ведёт этот ход, сразу получит в морду ракету. Она в таких стесненных обстоятельствах, пожалуй, будет эффективней, чем пуля.

А дальше уж, как карта ляжет! Серёга – парень здоровый, сможет вытащить из прохода обожженного бандита – а тот будет наверняка сильно травмирован, ведь я собирался запулить в этот узкий лаз не одну, а сразу несколько ракет. Так что – вытаскиваем бандюка, отбираем у него автомат, а если повезёт, то и гранаты. Затем пробираемся к выходу и начинаем там отстреливать, кого встретим. Даст бог, продержимся до вечера, а потом постараемся улизнуть из этой мышеловки. Придётся рискнуть, пробираться под ещё не обрушившимися плитами перекрытия к дальним провалам в стенах этого здания. Больших трещин слишком много, чтобы бандиты все их заблокировали. План, конечно, незатейливый и слишком авантюрный, но по крайней мере одного гада мы, точно, сумеем прищучить в этом тесном лазе.

Внушив себе подобными мыслями хоть какую-то надежду, я кратко обрисовал их Сергею. Подробно не получалось – и времени не было, и, что немаловажно, просто физически это было сделать затруднительно – в том месте, где проходил этот инструктаж, нормально дышать было совершенно невозможно. По-видимому, во время катастрофы, совсем рядом отсюда кого-то придавило обрушившимися плитами, и теперь запах гниющего мяса концентрировался в самой высокой и удобной части нашего убежища. Однако, быстренько распределившись – кто, где и как будет держать оборону, – мы разошлись по своим боевым постам.

Сергей уселся сбоку от лаза, через который мы сюда попали. В руках он сжимал довольно толстый железный прут – этой палицей он должен был действовать, если вдруг ракеты не оста-

новят врага и бандит ворвётся в наше убежище. Вдруг так получится, что горящие заряды будут попадать в места, защищенные одеждой, и этот факт только разозлит бандита. Вот, когда он в ярости (пусть даже стреляя из автомата) вывалится из лаза, сразу и получит по своей тупой тылке удар железной колотушкой. Огонь из обычного стрелкового оружия нам был не страшен, да и гранаты, в общем-то, тоже – невозможно в таком тесном лазе их кинуть.

«Так что не всё так плохо, и, чтобы нас выкурить из этой норы, нужно очень сильно постараться или газовые гранаты, что ли, применить, – думал я, пристраиваясь возле щели, из которой поступал свежий воздух с улицы, – но откуда у бандюг такое оснащение? Так что, не ссы, парень, – прорвёмся! Поживём еще, покоптим небо!» Да и вообще, бандиты, может, и не догадаются, что мы спрятались в этом здании – какой дурак забудется в эту мышеловку, когда совсем недалеко есть место, где спокойно можно затеряться. Ведь за то время, пока автоматчики сюда доберутся, преследуемые успеют добежать до грузовых вагонов, которые стоят в трёхстах метрах. Бандиты же видели, с какой скоростью мы улепётывали.

Помяни нечистого, и он появится – эта народная мудрость подтвердилась сразу, как только я подумал о бандитах. Из трещины донёсся вполне различимый возглас:

– Вот, суки, свалили!

Дальше последовали не менее забористые, матерные предложения, где нас с Серёгой сравнивали чёрт знает с кем, планируя сделать с нами чёрт знает что. Эту непотребную ругань прекратил вдруг грубый выкрик явно запыхавшегося человека:

– Что встали, мудаки, вперёд, к вагонам!

В ответ раздался протестующий гомон, а потом чей-то бас произнёс:

– Ты что, Колун, охерел? Там сотня вертухаев с овчарками никого не найдёт. Считай, свалили пидары, нужно обратно возвращаться. Думаешь, нам не охота за брателл с этими козлами рассчитаться? Но тут ничего не попишешь – слишком шустрые они оказались!

– Шустрые... а нам-то от этого не легче! Да если Малёванный узнает, что мы их так легко отпустили, он за Хряка сначала всю бригаду раком поставит, а потом, кого насмерть не затрахают, прикажет Боцману всем им яйца оторвать.

Обладатель баса ответил:

– Да ладно, Колун, никто не будет стучать Малёванному. Дураков нет! Скажешь боссу – Хряк сам виноват, не дал нам обыскать ублюдка, ну тот гранатой и шарахнул. А мы, мол, потом этого змеёныша замочили, заодно и бабу его.

– Да... придётся так и сделать! Но на всякий случай, Гестапо, возьми Прыща с Солодом и пошарьте вот в этом цеху, а ты, Пугач, с остальными, двигайте к грузовым вагонам. Вдруг сбежавшие козлы наткнулись на кого-нибудь из бригады Косяка. Нехорошо, если косяковские притащат уродов к Малёванному, а мы про это и знать ничего не знаем. Если косяки их взяли, скажи, что Колун даёт за «уродов» канистру спиртяги и баранью ногу. Всё, давайте, пацаны, – разбежались!

Раздались, постепенно затихающие, шаги множества ног, потом все стихло. Но мой обострённый слух всё же улавливал, что рядом, за стеной, кто-то остался. А вскоре и обоняние это подтвердило – через щель к нам просочился ароматный запах табака. Скорее всего, отдававший команды бандитам мужик остался у стены и решил покурить, ожидая результата выполнения приказов. Ах, как хотелось закурить, но какое там – рядом с трещиной лучше было бы даже и не дышать – если я прекрасно слышал то, что творилось на улице, у стены, оттуда нас тоже могут услышать, особенно покашливания – Серёга этим грешил, – но, слава богу, парень стоял довольно далеко от трещины. Но – вот, чёрт! Только я об этом подумал, как мне самому страшно захотелось прокашляться, и, еле сдерживаясь, я, от греха подальше стал медленно и осторожно отползать от трещины.

Только добрался до места, где, по моему мнению, можно было тихонько кашлянуть, как это желание куда-то испарилось. Потом раздалась длинная автоматная очередь, завершив-

шаяся страшным грохотом, таким, что мне показалось, будто даже бетонная поверхность, на которой я сидел, содрогнулась, и стены нашего убежища, заваленного сверху метровым слоем бетонных осколков и кирпичей, буквально потряс истошный человеческий вой, резко прервавшийся короткой автоматной очередью.

Стало ясно – у бандитов, искавших нас в большом помещении, что-то случилось. Скорее всего, кто-то из них, чтобы не лезть в узкий проход, выстрелил туда из автомата. Одна из оставшихся плит перекрытия (а может, и не одна) не выдержала такого сотрясения воздуха и обвалилась, зацепив кого-то из этих мразей. Да зацепила не слабо, так что остальные брателлы посчитали – пострадавший уже не жилец, и прекратили мучения своего подельника. Теперь бандиты вряд ли будут рисковать жизнями, проверяя все закутки, где могли затаиться беглецы. И я, всё-таки сумев откашляться, пополз обратно к трещине.

Полез туда не для того, чтобы услышать, что творится за стеной, а чтобы просто подышать свежим воздухом. Я был уверен, что бандит, оставшийся у стены, услышав автоматную очередь и грохот, побежал проверить, что творится в здании. Я бы точно так и сделал, но у главаря бандитов, как видно, нервы были покрепче. Он продолжал безмятежно покуривать сигаретку у трещины, только вот, не знаю, какую по счёту.

Минут пять я сидел у щели, вдыхая ароматный дым, потом к этому бандиту подбежали ещё двое. Один из них – обладатель знакомого баса – закричал:

– Колун, там Прыща завалило – рана страшная, кость из бедра торчит, пришлось кончить хитровану, чтобы не мучился. Говорил я тебе – не нужно лезть в этот отстой, нет там никого, кроме крыс! А теперь вот братка потеряли из-за твоего упрямства!

– Не пыли, Гестапо, сам виноват! Бегать надо лучше и стрелять точнее, тогда бы «козлы» от вас не ушли. Спиртяги меньше сосать надо и баб трахать, тогда бы и Прыщ не попал в такое дерьмо. Ладно, замнём... пошли обратно. Пришлём работяг, вытащить тело Прыща, похороним и помянём брателлу по-нашему!

На этом разговоры за стеной стихли, послышались отдаляющиеся звуки шагов. Сердце отпустило – вроде бы нас теперь никто не должен искать. Ещё бы прошли те, кто проверял возле грузовых вагонов, и можно выползать из нашей норы. Наверное, с полчаса я вслушивался в звуки, доносящиеся с улицы, но всё было тихо. Курить хотелось неимоверно, я всё-таки не выдержал и достал сигарету. После перекура мы с Сергеем устроили совещание, на котором решили, что вылезать из нашего убежища будем, только когда стемнеет.

Время тянулось ужасно медленно, было холодно, даже несмотря на то, что одеты мы были по-зимнему и на улице температура не очень низкая. Уже после часа нахождения в этой конуре создалось впечатление, что мы заточены в морозильной камере. Приходилось разминаться, периодически подсакивая. Однако до наступления полной темноты мы не выдержали, выползли из убежища, когда на улице только начинало смеркаться. Минут сорок, пока ещё можно было хоть что-то разглядеть, изучали наш будущий маршрут. И, когда совсем стемнело, наконец-то выбрались из здания.

Обратный путь занял у нас часов шесть. Из них часа два мы выбирались из Ясногорска – в темноте, как суслики, боясь малейшего шороха, прыгали от одного укрытия к другому. Только когда вышли на шоссе, немного расслабились. И тут уж Серёга разошёлся – матерные рулады шли одна за другой, и все они сводились к одному: «вот, доберёмся до посёлка, возьмём оружие, остальных мужиков и устроим сукам приятное пробуждение. Перестреляем всех бандюков к чёртовой матери, а трупы скормим бродячим псам». На все его кровожадные проекты я отвечал одно:

– Хватит, ты прямо как тот «заяц во хмелю» – реально на вещи посмотри. Бандиты намного нас сильнее. Даже профессиональные бойцы – Саня с Флюром – не смогут с нашими пукалками переть на автоматы. И сам знаешь – бандитов там море; кроме бригады, которая нас тормознула, есть ещё. У нас патронов не хватит, чтобы их всех отстрелять, если даже они не

будут сопротивляться. Уймись, пацан, и радуйся, что бандиты не знают, где мы живём. Только Хряку я сказал, что мы из Петухова, а он теперь в аду – ожидает своей очереди покипеть в котле с маслом!

В конце концов, Сергей притих, сосредоточившись на дороге. А идти было тяжело, даже по наезженным колеям – оступишься, и нога сразу, по щиколотку проваливалась в смесь пепла и снега, покрывавшую дорогу. Наконец впереди появился отблеск света, а вскоре мы добрались до калитки и вступили на территорию посёлка. Горевший в доме свет означал, что никто не спит. Обычно мы выключали свет на улице и плотно занавешивали окна, чтобы издали не было видно, что в этом месте пользуются электричеством.

Действительно, никто не спал. И более того – уже готовилась спасательная экспедиция в Ясногорск. В ней должны были принять участие все мужчины, кроме раненого Коли, которого оставляли с ружьём охранять посёлок от мародёров. Наше появление было как снег на голову и вызвало массу вопросов у мужчин и слёз, прерываемых причитаниями, – у женщин. Особенно, когда они узнали о печальной судьбе наших сторожей и Насти. Но это было всё потом, а сначала крепкие рукопожатия, слёзы радости и поцелуи Маши, восторженные выкрики Вики и других наших женщин. Всё это продолжалось до тех пор, пока я буквально не взмолился с просьбой сначала накормить страдальцев, у которых почти сутки не было во рту даже крошки хлеба.

И потом уже, сидя за столом, предварительно слолав по две тарелки наваристого борща, мы рассказали обо всех злоключениях, которые выпали на нашу долю в Ясногорске. После чего было много криков, угроз в адрес бандитов и предложений наказать уродов, убивших Василия и Настю, но после вдумчивого разговора все согласились со мной – не развязывать вендетту – до хорошего это дело не доведёт. Нужно все силы и время пустить на подготовку к тяжёлым временам, а не терять их, мстя отморожкам. Ну, поубиваем мы их всех, как гарантировал Флюр, что, разве это согреет нас при температуре минус 100 градусов? Нет и ещё раз – нет! Только запасы топлива, которые мы сейчас сможем заготовить, дадут нам шанс пережить этот катаклизм с запредельно низкими температурами. А бандиты, они и так сдохнут в своих вагонах от холода, пусть даже у них и имеется железнодорожная цистерна со спиртом. Главное сейчас – запасы топлива, а не пошла. Поэтому мы решили приступить к усиленной заготовке дров. Уголь мы вряд ли теперь где-нибудь достанем; его весь, наверное, разобрали или зарезервировали власти, привезти его со станции в Ясногорске мы уже явно не сможем.

В ходе этого своеобразного совещания Саша загорелся поездкой в Тулу. Начал доказывать, что нам непременно удастся раздобыть там оружие, а может, и продукты, по крайней мере выменять их на водку и самогон – благо, этого добра у нас предостаточно. Всё равно самогон и палёную водку никто из нас в здравом уме пить не будет. В Туле же наверняка на эту водку удастся выменять патроны, а может, и автомат Калашникова – всё-таки это оружейная столица России. Также в Туле был отдел от службы Саши и Флюра, и через них наверняка можно будет связаться с Москвой. К тому же там дадут какой-нибудь продуктовый паёк на него и Флюра, а может, и на Вику, ведь все необходимые документы у них были с собой. Я был не против поездки в Тулу, дополнительное оружие нам было явно необходимо, но в связи с этим меня мучил один вопрос, его я и задал парню:

– На чём ты поедешь туда? Володин джип у нас изуродован, джип Николая раздавлен обломками дома, «Газель» потеряли в Ясногорске – остался в наличии только мой «мерин». А на этих нечищенных дорогах, с огромными трещинами от землетрясения, легко можно застрять и потерять последнюю машину.

Саша резонно заметил:

– Батя, а ты сам подумай! Последние из посетивших нас мародёров были на обычных «жигулях», и, по всему видно, нигде не застревали, а «мерседес» тяжелее их и гораздо мощнее; у него есть и АВС, и другие навороты, к тому же и диаметр колёс больше, и сами покрышки шипованные. Мы сегодня с Валерой ездили в деревню, и не было никаких проблем с проехи-

мостью. Так что, если ехать, лучше не тянуть, ведь уже конец осени, скоро начнутся снегопады, вот тогда, точно, никуда не сможем добраться.

– А как же наши снегоходы! – воскликнул Коля. – У нас же имеется два прекрасных аппарата – один Анатолия, второй соседский.

– Да, – ответил Саша, – а ты попробуй двести километров проехать на снегоходе, да ещё в мороз. Отморозишь задницу, сразу подобные мысли пропадут, так как думаешь ты именно ею.

Обговорив все наши проблемы, решили, что завтра все будут отсыпаться и отдыхать после той встряски и нервотрёпки, которую получили не только ездившие в Ясногорск, но и остальные. А послезавтра утром в Тулу всё-таки поедem, захватив с собой десять ящиков водки и весь самогон для обмена на что-либо полезное. А для ликвидации возможных проблем, особенно при проезде через трещины, положим в фургон мостики, изготовленные ещё перед поездкой в Пушино, а также пару лопат, ломик и ручную лебёдку.

– С таким набором мы, точно, везде пройдем, – пошутил Флор, – и, вообще, только за один самогон нас на руках до Тулы донесут.

Договорились, что в эту экспедицию теперь направятся лучшие наши бойцы – Саша и Флор – ну и я как самый опытный торговец. Выезжать надо было засветло, чтобы постараться обернуться за день. Темнеть сейчас стало раньше – уже в шестнадцать часов ничего не видно, – температура тоже регулярно понижалась.

После целого дня отдыха встали в шесть утра, потом завтракали, заправляли и готовили машину, загружали её водкой и другими вещами, и так провозились до восьми – в это время и выехали.

Глава 11

С собой в Тулу в качестве обменного фонда я решил захватить и двенадцать блоков сигарет. Сигареты и водка должны пользоваться спросом в такой тяжёлой, стрессовой ситуации.

Дорога была не из лёгких, хоть мы и двигались по уже проложенной колее, очень часто встречались трещины в асфальте, поэтому скорость держали небольшую, максимум, сорок километров в час. Недалеко от выезда на Симферопольское шоссе, перед деревней, образовалась большая трещина, более метра шириной, забросанная обломками деревьев и строительным мусором, но проехать было можно. Но мы, на всякий случай, положили и свои мостки, чтобы переехать на другую сторону. Пролёт моста на развязке с Симферопольским шоссе был разрушен и упал прямо на дорогу, перегородив её. Выехали на трассу через разделительную полосу на нужное нам тульское направление, опять же по наезженной колее, видно так делали не только мы.

Движение было небольшое, пока ехали в сторону Тулы, навстречу попались только две машины и одна военная колонна из шести грузовиков. Посты ГИБДД опустели, на всех проезжаемых нами заправках въезды были заблокированы или грузовиками, или сваленными в кучу брёвнами. На трёх АЗС заметили военную технику. Мы так и предполагали, что топливо достать вряд ли удастся, рассчитывать можно было только на себя. В городе пришлось внимательно следить за машиной, чтобы не слили наше топливо, а то так и путешествовали бы пешком сто километров – удовольствие не из приятных.

По трассе ехать было полегче – не засыпанных гравием трещин практически не встречалось, поэтому держали скорость уже километров семьдесят, замедлялись только в местах пересечения с другими дорогами. Как правило, пролёты мостов были обрушены, приходилось эти завалы объезжать.

На въезде в Тулу тоже пришлось выезжать на противоположную полосу движения – разворотная эстакада была разрушена. Подъездная дорога в город оставляла ещё худшее впечатление, чем Симферопольская трасса. Здесь сразу было видно, что её ни разу после катастрофы не чистили – образовались довольно глубокие колеи, петляющие меж каких-то обломков и брошенных автомобилей.

После нескольких минут езды по этой дороге, я заметил стоящий на обочине «Уазик» патрульно-постовой службы, вокруг суеилось несколько вооружённых полицейских. Они досматривали микроавтобус «фольксваген». Видно было, что его багажник и часть салона были набиты какими-то пакетами. Рядом стояло ещё несколько грузовиков и фургонов. «Слава богу, хоть какой-то порядок соблюдается», – подумал я. Правда, мне не понравилось, как грубо полицейские вытаскивали пассажирку из машины. Также вызывало недоумение, почему всех проверяют здесь, ведь мы проехали совершенно пустой пункт ДПС километрах в трёх от этого места.

Один из полицейских внимательно проводил нас взглядом, но останавливать не стал. Въехав в сам город, мы поразились бардаку, творившемуся повсюду. Видно было, что улицы не убирают, кое-где на обочинах виднелись трупы людей, на развалинах никакой организованной разборки не велось. На руинах некоторых зданий копались бомжатского вида личности. По сравнению с Пушкино, здесь было намного меньше порядка, несмотря на то, что у властей имелось гораздо больше всех видов ресурсов, включая топливо и продовольствие, и армейских частей здесь было в достатке, к тому же множество других специальных служб.

Проезжая по городу, мы заметили много военной техники, стоящей у больших продовольственных магазинов и заправок, но ощущения порядка не было. Когда много начальства, каждый тянет одеяло на себя. Если даже в Пушкино образовалось два центра власти, то здесь, судя по всему, их гораздо больше.

В первую очередь, поехали на продовольственную базу, где в прошлые разы мы закупали продукты. У нас всё ещё теплилась надежда что-либо там получить – ведь в прошлый раз я оплатил следующий заказ. Мало мне дураку было посещения Ясногорска – идеалист долбаный!

Подъехав туда, увидели, что у ворот стоит БМД, а поблизости жгут костёр солдаты-десантники. Увидев фургон, они взяли автоматы наизготовку и подошли к нашему автомобилю. Пулемёт в башне БМД тоже недвусмысленно нацелился на нашу машину. Подошедший сержант в наглой форме потребовал:

– Выйти из машины и предъявить документы! И быстро приготовить машину для досмотра на предмет поиска неразрешённых грузов: продовольствия, топлива и оружия с боеприпасами.

Саша с Флюром предъявили ему документы, а «ксивы» у них были весьма серьёзные и навороченные – там даже имелась бумага, где было сказано, что грузы и граждане, сопровождаемые ими, проверке и досмотру не подлежат. Развязность и наглость сержанта сразу куда-то пропали. Он уже совершенно другим тоном спросил, что требуется товарищу капитану.

Саша начал придумывать на ходу и, глядя прямо в глаза сержанту, заявил:

– Мы по заданию командования составляем список объектов жизнеобеспечения в этом районе Тулы, а также выясняем, какие меры приняты для их охраны. Так что, боец, мы посмотрели на объект и удовлетворены, можете продолжать службу.

Сержант покосился в мою сторону, Саша продолжил:

– А это мобилизованная машина с водителем-хозяином.

Сержанту нечего было сказать, не идти же звонить, проверять наши полномочия. Тем более что документы были серьёзные, а мы ничего не просили, не требовали, только посмотрели и собрались уезжать. Поэтому он молча козырнул, повернулся и пошел обратно к костру, махнув бойцам, чтобы те опустили оружие. А я всё это время боялся, что солдаты заглянут в машину и увидят водку с самогонкой, тогда уже никакие «ксивы» не помогут, обязательно всё конфискуют. Могут и пристрелить, а машину сожгут, чтобы не оставлять следов. Поэтому после разговора я весьма быстро развернулся и помчал к центру города. Больше решили никакие склады и крупные магазины не искать.

В центр города мы поехали, чтобы найти отдел Сашиной с Флюром конторы, в надежде, что там им должны выделить продуктовые пайки и оказать другую помощь. И, чем чёрт не шутит, может быть, удастся эвакуироваться в такое место, где имеются большие стратегические запасы продуктов и какой-нибудь стабильный источник энергии, например, ядерный реактор, а также большое, организованное поселение людей. Всё-таки большой группой пережить наступающую «вулканическую зиму» будет намного легче.

Ещё ребята очень хотели связаться с Москвой – дисциплина и чувство долга у них уже в крови, они обязаны доложить и получить указания. И как я их не убеждал, что в такой ситуации они, в первую очередь, должны думать о родных и о себе, и им так скажет любое начальство – ребята продолжали гнуть свою линию.

Въезд в центр был перекрыт военным патрулем из той же Тульской десантной дивизии. Командир патруля проверил документы ребят и посоветовал, как найти нужную службу. Он, зябко кутаясь в свою шинель (замёрз на посту бедолага), еле слышно произнёс:

– Здание нужного вам отдела разрушено, и все службы сейчас собраны в помещениях администрации города. Там, по крайней мере, тепло, есть электричество и организована гостиница для офицеров, потерявших свои части.

При этом он с сочувствием посматривал на Сашу и Флюра.

Когда мы подъехали к администрации, ребят направили к дежурному майору, а я в это время стоял в стороне, меня никто не выгонял и вообще, как бы, не замечали. Майор, мельком просмотрев документы, раздражённо пробубнил:

– Вот, опять отпускники, тут своим-то места не хватает! – и более спокойным голосом добавил: – Что вам, совсем негде остановиться?

– В принципе, есть, – ответил Саша. Мы живём на даче у родственников, а в Тулу приехали связаться с командованием в Москве и доложить. До службы доехать нет никакой возможности, все мосты разрушены, никакой транспорт не функционирует, даже обычной телефонной связи нет.

Майор, уже деловым тоном, произнёс:

– Связываться с Москвой бесполезно, там наверняка не до вас, своих проблем хватает. И у нас в Туле положение тоже очень напряжённое, особенно по размещению людей. Отапливаемых помещений катастрофически не хватает, системы центрального отопления и электроснабжения нарушены, и в ближайшее время наладить её не обещают. Поэтому я советую не пытаться пристроиться где-нибудь здесь, возвращайтесь-ка обратно на свою дачу и переждите там пару, тройку месяцев. А справку, что вы обращались сюда, я вам напишу, а также выдам продуктовый аттестат, правда, на получение только однодневного пайка, больше не разрешено. Если хотите получить ещё на один день, должны приехать завтра. Выдам я вам также талоны на сегодняшнее посещение столовой и, в виде исключения, даже на товарища вашего, – он кивнул на меня.

Делать было нечего, выступать и что-то доказывать – бессмысленно. Поэтому ребята молча козырнули, а майор начал оформлять продуктовые аттестаты и ещё какие-то справки. Получив обещанные бумаги, мы, первым делом, отправились в столовую – горячий обед был очень кстати. В столовую набилась уйма народу, стоял тяжёлый запах немытых тел, перегара и какой-то гнилости. Обед был, мягко говоря, невкусным, после него у меня сразу началась изжога, то ли дело наши женщины готовят. Однако мы подъели всё полностью, чтобы не выделяться среди окружающих людей, которые с жадностью поглощали всё подряд. Потом я пошёл в машину, а ребята направились отоваривать свои аттестаты.

Я вышел из здания, подошёл к машине и, прислонясь к ней, решил покурить после невкусного, но довольно сытного обеда в столовой. После еды и нахождения в душной столовой стало жарко в тёплой одежде и захотелось охладиться на лёгком морозце и подышать свежим воздухом. Как только закурил, ко мне подошел молоденький солдат, призванный, наверное, не более трёх месяцев назад. Он, вероятно, охранял автостоянку. Подошёл он стрелкнуть сигарету, я ему, конечно, выделил даже несколько штук, уж очень он имел жалкий вид – весь был какой-то скукоженный, всё время хлюпал носом, на лице следы побоев, хотя на плече болтался автомат Калашникова. Мы разговорились, я посочувствовал парню, – холодно, наверное, находится тут и погреться-то негде.

Солдатика звали Андрей, и он, живо реагируя на мои слова, страшно обрадовался, что есть кому высказаться и поплакаться.

Рассказ Андрея

Призвали меня в начале мая в городе Челябинск. Я окончил школу год назад и пошёл работать на завод учеником токаря. После призыва направили сюда, в Тулу, в учебку. Присягу принимал здесь же, а в начале октября, после обучения, направили в часть. Обстановка во взводе у нас была вроде бы нормальная. Старики, конечно, издевались – не без этого. Надо мной в основном по поводу родного города Челябинска. Достали с «крутым челябинским пацаном» – всё предлагали проверить, насколько опять же «крутые» у меня яйца. Ну это ладно – после катастрофы стало гораздо хуже.

Половина офицеров куда-то исчезла, оставшиеся совсем озверели. Старики стали совсем невыносимы, ни хрена не делают, заставляют молодых нести всю службу, а сами ночами выходят в город, чтобы раздобыть буханину и жратву – в основном бомбят брошенные квартиры.

Но вчера ночью решили взять коммерческий магазинчик, раньше там продавали водку – вот и думали, что и сейчас на этой точке тоже много бухалова осталось.

Когда начали ломать двери, оттуда открыли стрельбу и убили Марата, пришлось кинуть в окно пару гранат. Когда влезли вовнутрь, увидели, что куча бутылок с водкой разбита, но старики один ящик с целыми бутылками всё же набрали, ещё взяли шоколадки и чипсы.

Всего в этом магазине сидело три человека, ребята сказали, что в отместку за Марата они их всех мочканули. А нам, молодым, ни хрена из этой добычи не досталось. Старики только командиру и прапору отдают часть добычи, чтобы они их прикрывали. А вообще, всё это начальство хапает добро целыми машинами. Мой земляк Саша Силин из соседнего взвода нам вот что рассказывал:

«Наше отделение какому-то полковнику целую грузовую машину продуктов на дачу вывезло, одной тушенки там ящиков пятьдесят было, а получили за эти погрузочно-разгрузочные работы на рыло: по две банки тушенки, бутылке водки и блоку сигарет “Ява”, хотя, конечно, это тоже дело».

Я бы с удовольствием поучаствовал в такой работёнке, а то заставляют ходить тут по морозу, хотя нет сейчас никакого смысла служить в армии, враги-то все того, тью-тью... Говорят, Штаты вообще разнесло в пыль. Так что, надо распускать, на хрен, армию, лучше уж своим родным помогать, чем тут жирные генеральские жопы охранять. У нас во взводе уже семеро, кто недалеко живёт, дезертировали. Жил бы я поближе, тоже домой бы подался, а то тут, получается, работаешь не на страну, а на чужого дядю...

Вон, сами посмотрите, сколько машин здесь собралось и, считай, каждая – или джип, или иномарка и стоят столько, что на государственной службе за сто лет не заработаешь. А откуда они сейчас, интересно, берут бензин? Было же распоряжение – топливо выделять только на государственные машины, для обеспечения социальных нужд... А вместо этого сюда приехали эти жирные коты к своим поделщикам, чтобы ещё чего-нибудь хапнуть...

После такого откровенного монолога он зло и подозрительно посмотрел на меня, но я его успокоил, что не хапуга я и не блатной, хоть и на иномарке, тем более что и не джип это вовсе, а простой фургон... И приехал я сюда с сыном, он офицер, был в отпуске, теперь нужно зарегистрироваться, так как служит он совершенно в другом городе. Здесь выделять место в тёплом офицерском общежитии отказались, а продуктов выписали только на один день.

Андрей засмеялся и несколько злорадно заявил:

– Да... тут пока одно место не подлижешь, ничего не добьешься.

На этом мы и расстались. Минут через десять появились Саша с Флюром с небольшими пакетами, в которых были все продукты, выданные им на аттестат. На двоих – две банки тушенки, буханка чёрного хлеба, две банки лосося, два больших пряника и две пачки сигарет «Ява». Но мы и этому были рады, особенно я, потому что у Саши, как и у Флюра, полностью пропало желание когда-либо ещё сюда наведываться, чтобы добиться связи со своим начальством.

Окрикнув Андрея, я стал выпрашивать у него, есть ли здесь рынок или барахолка, где можно поменять вещи на продукты. Он заинтересовался:

– А что вы хотите?

– У нас есть несколько бутылок самогонки, – ответил я, – а нам нужны тёплые вещи, ну и оружие тоже не помешает.

Немного подумав, он сказал:

– Сейчас вызову прапора, и вы с ним всё обговорите, только с вас бутылка за содействие.

– Смотря, что он сможет предложить. Но, в любом случае, пачку «Явы» ты заработаешь...

Где находится рынок, он тоже рассказал. Мы дождались, пока Андрей привёл прапорщика, тот представился Иваном Сергеевичем. Я описал ему, что нам нужно прежде всего и чем мы за это готовы платить:

– Нам необходима тёплая одежда, оружие и амуниция, а также продукты, в первую очередь, консервы.

Он подумал и сказал:

– Одеждой и продуктами я помочь никак не могу. Но по этой теме есть у меня нужный человек.

А по поводу оружия спросил:

– Что конкретно вам нужно? Сколько готовы потратить и чем расплачиваться собираетесь? Говорю прямо – если рублями или валютой, можете сразу засунуть их себе в ж..., это никому сейчас не нужно.

Я его ещё раз успокоил:

– У нас самая главная сейчас валюта – водка и сигареты.

Он одобрительно хмыкнул.

Цены прапор заломил, по нашему мнению, какие-то несуразные. Например, за автомат Калашникова требовал три ящика водки, да и то сегодня он оружие взять не сможет, только завтра. Мы долго торговались по имеющемуся у него сейчас в наличии оружию и снаряжению, убеждали его, что с такими запросами у него никто ничего не возьмёт, даже налили и выпили с ним по сто граммов.

Наконец договорились, что Иван Сергеевич отдаёт нам за сорок две бутылки водяры три разовых гранатомёта и десять гранат РГО. Кроме этого за два ящика водки и десять литров самогонки – ручной пулемёт Калашников с цинком патронов к нему. В качестве бонуса отдаёт ещё прибор ночного видения. Также договорились, что послезавтра мы ещё подъедем, а он пообещал подготовить три автомата АКМ с тремя запасными рожками и двумя цинками патронов. За всё это мы должны были привезти ему пять ящиков водки и четыре блока сигарет «Мальборо».

Вместе с Андреем прапор быстро принёс выторгованный нами товар и забрал водку с самогоном. Андрею я все-таки выделил бутылку самогонки и пачку сигарет «Ява».

После этой торговой операции мы поехали по указанному Иваном Сергеевичем адресу. Это было ближе к окраине города, там находились какая-то военная часть и большие склады. Для торговли у нас оставалось шесть ящиков водки и одиннадцать блоков сигарет. Подъехав к КПП, Саша вызвал старшего прапорщика Климчука Виктора Лукича – так нам написал Иван Сергеевич, передав и записку к этому Климчуку.

Тот появился минут через двадцать, прочитал записку и сразу спросил:

– Что именно из снаряжения вам нужно? Сразу скажу – продуктов я достать не смогу. Они теперь все на особом складе, и доступа я сейчас к ним не имею. Там идёт двойная проверка, и ещё – особисты осматривают каждую машину, выезжающую с того склада. А что касается одежды и снаряжения, то тут нет проблем.

Я, немного подумав, сказал:

– Нам нужна самая тёплая из всех возможных видов, одежда, а также неплохо было бы взять валенки и тёплые рукавицы, пар по десять.

Он посмотрел на нас хитрющими глазами и со значительностью произнёс:

– Тут недавно поступило экспериментальное зимнее обмундирование с электроподогревом. В комплект входят: унты, длинная куртка, тёплые штаны и варежки, к этому всему ещё и закрытый шлём – имеется также литиевый аккумулятор. Для электропитания можно использовать и бортовую сеть транспортного средства. Но только эти комплекты очень дорого стоят!

Саша спросил:

– Сколько?

Подумав, прапор ответил:

– Не меньше пяти ящиков водки за комплект...

Мы дружно засмеялись и, по наигранному уже сценарию, пригласили его к нам в машину. Там споили ему почти что пол-литра водки, сами пили совсем по чуть-чуть, обрабатывая его в три голоса. Наконец он дрогнул и согласился отдать пару этих комплектов за шесть ящиков водки. Ещё мы с ним договорились, что он отдаст пять пар валенок и тёплых варежек за пять блоков сигарет «Ява» и блок «Мальборо».

На нашей машине он сопровождал нас через КПП до своего склада, где мы всё выменянное быстро разместили у себя в машине, а ему разгрузили водку и сигареты. Потом прапор проводил нас обратно за территорию складов. Попрощались вполне довольные друг другом, он приглашал приезжать ещё...

Время было не позднее, и мы решили доехать до местной барахолки, вдруг что-нибудь выменяем полезное. У нас ещё оставалось кое-что: разлитая в пять бутылок самогонка, десять бутылок водки и шесть блоков сигарет.

Подъехав к рынку, мы с Сашей оставили Флюра сторожить наше добро, а сами отправились на толкучку – иначе это скопище народа назвать было трудно. Нормальных прилавков, с выложенным на них товаром, здесь не существовало вообще. Максимум, что было – это разложенный на картонках и газетах, прямо на снегу, всякий бытовой товар, по большому счёту, сейчас никому не нужный. В основном около таких своеобразных прилавков стояли пожилые женщины. Продуктов не было видно никаких и нигде, торговцы мужчины носили весь свой товар на себе, в рюкзаках или заплечных сумках. Некоторые ходили просто со списком имеющегося товара, эти списки висели у них на шее. Товар, видимо, находился где-то поблизости, под охраной, скорее всего, в машинах.

На стоянке мы заметили, что практически возле каждого автомобиля кто-нибудь стоял. Тогда мы подумали, что это посетители, которые просто боятся, чтобы у них не слили топливо. С бензином везде была довольно большая проблема, в открытой продаже или в распределении его вообще не было. На рынке же, во многих местах продавали бензин в трёхлитровых банках. Мы приценились у одной женщины, которая торговала топливом (рядом стояло банок пять бензина). Стоимость одной банки – либо бутылка водки, либо пять пачек сигарет, можно было также расплатиться тушенкой, крупами, солью, в общем, любыми продуктами. Все торговцы стремились продать свой товар только за продукты или спиртное.

Мы хотели приобрести на рынке, прежде всего, патроны 12-го калибра для наших ружей. Кроме того, нам не помешал бы хороший бинокль, а лучше два. Также нас интересовала система связи типа «Уоки-токи». Да, и ещё нужен был прибор ночного видения, одного нам было всё-таки маловато. Бинокли мы нашли довольно быстро, но пока взяли только один – его нам уступили за бутылку водки и пачку сигарет. Патроны тоже нашли, но дешевле, чем бутылка водки за десяток, продавать нам их не соглашались. Договорились, что вместо водки отдадим самогон. Берём пять десятков патронов с картечью за пять бутылок самогона и две пачки сигарет «Ява». Мужик, перед тем как согласиться, сначала попробовал самогонку и одобрительно причмокнул.

Комплект радиостанции искали довольно долго, за всю систему, состоящую из базовой радиостанции и четырёх переносных приёмо-передатчиков, нам пришлось отдать всю водку (десять бутылок) и три блока сигарет «Ява». Там же на рынке мы выменяли на сигареты десять пар толстых, тёплых, вязаных шерстяных носков.

Загрузив всё в машину, решили немного проехать по городу, осмотреться, хотя, наверное, это было сейчас довольно опасной затеей. Иногда слышались отдалённые звуки выстрелов, но местные жители на них совершенно не обращали внимания.

Мы решили доехать до вокзала и, двигаясь по параллельной улице, направиться к выезду из города. Доехать до вокзала меня упрощил Саша, и вот почему. Когда мы покупали бинокль,

решив уже взять у продавца и цифровой фотоаппарат, какой-то мужик бомжатского вида, толкающийся рядом, довольно громко прошептал Сашке на ухо:

– На хрен покупать за такую цену! Я знаю у вокзала большой магазин «Культтоваров», почти что совсем не разграбленный. Там этой гадости хоть задом ешь, и за стакан я покажу вам место.

Продавец, услышав это, грубо отогнал настырного бомжа прочь, пообещав:

– Ты, козлина, давай, вали отсюда! А то после закрытия толчка вправлю тебе мозги, и в этом мне с большим удовольствием поможет половина рынка.

Так что наше намерение доехать до вокзала имело и вполне конкретную задачу – попробовать найти этот магазин и там покопаться, тем более что темнеть начнёт не раньше чем через три с половиной часа. Около вокзала мы узнали, где находится нужный нам магазин, у женщины, которая проходила мимо с санками, на которых везла две канистры с водой.

Магазин оказался недалеко, на ближайшей улице, примыкающей перпендикулярно к нашей дороге. Подъехав к нему, увидели, что несколько стеклянных витрин разбито, причём одна из них, видимо, совсем недавно, так как вокруг валялось множество осколков, не засыпанных снегом. Взяв фонарики, мы с Флюром направились туда, оставив Сашу охранять машину. Он был совсем не против этого, так как спешил приступить к очень важному для него делу, и, как только мы остановились, Саша с упоением начал заниматься пулемётом, разбирая и протирая все детали. Сразу видно – любит и умеет парень обращаться с оружием.

Улица, на которой находился магазин, была пустынная, стоящие на ней дома полуразрушены. Недалеко от нас, в палисаднике, переваленный через маленький заборчик, лежал труп мужчины. Прохожих не было вообще – грабь не хочу. Даже самый рафинированный интеллигент сейчас бы не застеснялся, не говоря уже о нас.

Мы с Флюром перебрались через низкую раму разбитой витрины и попали внутрь магазина. Везде был беспорядок, даже дорогие плазменные телевизоры валялись на полу, который был весь усыпан лазерными дисками, деталями компьютеров, какими-то проводами и прочей мелочью. Но, тем не менее, товара оставалось ещё много, видно халаянная электронная аппаратура и бытовая техника не пользовалась популярностью у местного населения и мародёров. Действительно, где же им было взять электричество, чтобы пользоваться ей по назначению, а так, самой этой аппаратурой сыт не будешь.

У нас же с Флюром глаза просто разбегались, хотелось взять всё, однако, посоветовавшись, решили брать только те вещи, которые нам были явно необходимы – машина ведь не резиновая.

Мы разделились: я пошёл в отдел фотоаппаратов, а Флюр начал разыскивать системы связи «Уоки-токи». Отдел фотоаппаратов, биноклей и другой оптической техники я нашёл довольно быстро, но ни в витринах, ни на полках, фотоаппаратов и биноклей уже не было. Видно, всю мелкую качественную технику давно вывезли из магазина – кругом валялись одни только китайские фотоаппараты-мыльницы.

Я начал производить более детальный осмотр отдела и нашёл за одной витриной импровизированный мини-склад, там лежали несколько десятков коробок с цифровыми фотоаппаратами, видеокамерами, биноклями и другими товарами. Я даже был некоторое время в затруднении, что же выбрать, потом подумал и взял две одинаковые видеокамеры «Сони», большой цифровой фотоаппарат «Никон» и четыре бинокля с разной степенью увеличения.

Положив добычу в два больших пакета (их мы нашли целую упаковку у кассы), я начал проверять коробки дальше. И увидел большую подозрительную трубу, можно сказать, телескоп с подставкой и другими причиндалами, его я тоже решил взять.

Предупредив Флюра, отнёс всё в машину и пошёл на второй заход. Теперь решил взять два фотопринтера «Эпсон» (второй на всякий случай, ну, конечно, и жадность сыграла свою роль), захватил также расходные материалы к ним (они были упакованы в небольшие коробки вместе с фотобумагой), набив ими три пакета. Пока Флюр искал «Уоки-токи», я при-

нёс ещё несколько коробок аккумуляторных батареек, которые нашёл на этом же мини-складе. Видно те, кто громил этот магазин, никогда не работали в торговле, потому что нужный товар был изъят только с видных и легкодоступных мест, а также с центрального склада, в котором оставили только крупногабаритную технику, работающую от электросети. На складе я взял и отнёс в машину шесть керамических норвежских калорифера. Они мне понравились тем, что не потребляли кислород и были оборудованы термореле, которым можно задать нужную температуру, ну и надёжные, естественно, были обогреватели. Ещё я взял две пятикиловаттные тепловые пушки той же фирмы, они были весьма мощные и нагревали не очень большие помещения довольно быстро.

Когда мы с Сашей укладывали обогреватели, наконец-то появился Флюр, он всё-таки нашёл, правда, всего один комплект переговорного устройства и то только потому, что «Уоки-токи» лежал под столом, заваленный сверху пустыми коробками. Кроме этого комплекта он был нагружен четырьмя, доверху набитыми чем-то, пакетами. Оказалось, Флюр добыл целую кучу лазерных дисков с фильмами и музыкой, четыре маленьких аудиоплеера с памятью на флешках, штук тридцать самих флешек, несколько упаковок чистых лазерных дисков, а также электронный переводчик. Последнее было весьма удивительно, и я поинтересовался:

– Зачем он тебе нужен? Где ты сейчас найдёшь хоть одного иностранца? Или ты собираешься читать в подлиннике Шекспира, а может, Хайдеггера или Камю?

– Да идите вы лесом! – ответил Флюр. – Просто очень давно хотел иметь такой агрегат, но было жалко денег.

Посоветовавшись, решили, что сделаем ещё пару заходов и поедem обратно, ведь мы здесь уже около двух часов, а нам ещё ехать сто километров по дороге, чреватой различными неожиданными препятствиями. Я хотел захватить ещё хороший дорогой компьютер, два лазерных принтера и, сколько унесём, расходных картриджей к ним, а также бумагу. Компьютеры, принтеры, как и расходные материалы к ним, практически были не тронуты, растащили только все ноутбуки. Бумагу, по-видимому, тоже брали, её оставалось не так много, всего упаковок тридцать. Мы в течение двадцати минут перекидали всё это в машину.

Теперь можно было возвращаться домой, до начала сумерек оставалось менее часа. Товаром из магазина мы забили багажник фургона полностью, до самой крыши заложив коробками даже левое заднее сиденье.

Вёл машину Флюр, он вообще был очень неплохой водитель, и зрение у него было отличное, у меня-то не ахти. Я сел на переднее пассажирское сиденье, поставив между ног свою «Сайгу». На всякий случай (ведь выстрелы в городе мы слышали постоянно) я снял ружьё с предохранителя и был настороже. Стрельба участилась; время близилось к вечеру, и всякая нечисть повывлезала на улицы, чтобы без помех поохотиться за добычей. На заднем сиденье расположился Саша со своей новой игрушкой – пулемётом. Он наглаживал его, покачивал, что-то приговаривая, – просто смешно было на него смотреть. Пулемёт он уже зарядил и после этого, усмехаясь, заявил:

– Всех порвём! С такой игрушкой я готов отразить атаку любой банды. Так что, Батя, спрячь ты свою пукалку, ею только людей смешить.

Так, со смешками и подначками, в приподнятом настроении мы и отъехали от магазина, направляясь к дому. Я сидел и думал. Отчего мы с таким маниакальным упорством хватали всё, что попадалось на глаза, запасаясь вещами, вовсе нам теперь и не нужными? Просто в такой невообразимо жуткий жизненный момент набитый под завязку фургон, с дорогой, по прежней жизни, техникой особенно грел душу.

До выезда из города ехали минут двадцать, больше нигде не останавливались, машина и так была загружена полностью. Я оглядывал окрестности в шестикратный бинокль, взятый в магазине. Недалеко от выезда на Симферопольское шоссе стоял всё тот же полицейский «Уазик». Вокруг суетились пять человек – трое в форме, а двое в гражданском, но почему-

то все с автоматами. Меня насторожила реакция гражданских, когда они, увидев наш автомобиль, быстро спрятались за Уазик, чтобы мы их не заметили. Ещё больше насторожило то, что невдалеке стояли по крайней мере две знакомые машины, которые я хорошо запомнил ещё с утра, особенно микроавтобус «фольксваген», у него было сильно промято левое заднее крыло. Именно из этого «фольксвагена» утром постовой так грубо вытаскивал пассажирку. Тогда через окна микроавтобуса были видны различные коробки и пакеты, машина была загружена тогда примерно так, как теперь наша. Сейчас же никаких пассажиров и груза внутри не было видно, в бинокль это можно было хорошо рассмотреть.

Несуразности ситуации с этим постом добавляла обстановка в городе, где творился полный бардак, однако при этом мы за целый день так и не встретили ни одного поста полиции. А тут вдруг обычная патрульно-постовая служба, даже без гаишников, так серьёзно досматривает машины, тем более не на стационарном посту ГИБДД, да ещё с вооружёнными гражданскими лицами.

Воспоминание о перестрелке с пушинскими полицейскими, когда они начали стрелять без всякого предупреждения и сразу на поражение, было ещё свежо в памяти, поэтому я предупредил Сашу:

– Если нас остановят, ты сразу открываешь боковую дверь и начинаешь стрелять из своего пулемёта по людям, сидящим и спрятавшимся за полицейский драндулет. Двух легавых, которые стоят у дороги и будут нас останавливать, я возьму на себя...

Флюру, который внимательно прислушивался к нашему разговору с Сашей, я приказал:

– Если нас будут тормозить, ты остановишься так, чтобы было удобно целиться и мне, и, главное, Саше стрелять из боковой двери.

Всё-таки выучка у ребят была отличная – никто из них даже и не попытался что-то выяснить или вступить в пререкания. Когда мы приблизились к Уазу метров на семьдесят, на край дороги вышел один из полицейских и жезлом начал показывать, что требует остановиться. Метрах в пяти от него стоял другой коп с автоматом наизготовку. Я решил сначала стрелять в него, потому что тот, который с жезлом, по-любому, не успеет бросить его, схватить автомат и прицелиться – тут у меня будет несколько секунд форы.

Флюр остановил машину метрах в десяти от полицейского с жезлом, выехав на обочину и поставив наш фургон немного косо. Как раз так, чтобы «Уазик» и подходящие к нему копы оказались в зоне поражения. Перед самым поворотом к постовым я, нажав на кнопку, опустил ветровое стекло. Ствол ружья, чтобы заранее не увидели, загородил пустым пластиковым пакетом. Как только мы остановились, я сразу же начал стрелять в дальнего от меня полицейского, сделав подряд три выстрела картечью – первыми двумя целился в голову, третьим в ноги, предполагая, что копы могут быть в бронежилетах, а у меня всё-таки не пули, и я вряд ли пробил бы броник. Вторая серия из двух выстрелов была по лица, который нас останавливал. Он с выпученными глазами, с болтающимся на шнурке жезлом, нервно пытался изготовить свой автомат к стрельбе.

– Поздно, батенька, поздно, – перевозбужденно прошептал я. В это время Саша, настежь распахнув боковую дверь, хладнокровно, не очень длинными очередями, дырявил «Уазик».

Да... всё-таки страшная штука – действие пулемётных пуль на близком расстоянии. Уазик, а он был метрах в тридцати от нас, мало того, что насквозь прошивало, его ещё и шатало из стороны в сторону от попадания каждой очереди пуль.

Вся наша стрельба продолжалась от силы минуты три, да и то только потому, что Саша, пока не расстрелял все патроны из контейнера, не успокоился. Потом наступила тишина – в ответ нам так и не прозвучало ни одного выстрела. Пока мы стреляли, Флюр, схватив второе ружьё, выскочил из машины, используя её как защиту, и настороженно всё оглядывал. Он тоже ни разу не выстрелил, но чётко контролировал окружающую обстановку и развитие ситуации – нет ли где подозрительного движения. Движения не было, только тот полицейский, который

останавливал нас, сейчас катался по земле и тонко повизгивал. Зарядив ружьё, я тоже вышел из машины и уже хотел было пойти, проверить, что там, в этом «Уазике» и за ним, как меня остановил Саша:

– Постой, Батя! Сейчас начинается наша работа, – отобрал у меня заряженную «Сайгу», потом почти кошачьим шагом на полусогнутых ногах добрался до «Уазика». Я даже не видел, когда он успел приготовить гранату. Дойдя до полицейской машины, он сначала заглянул в неё, потом за Уазик, затем выпрямился и убрал гранату в карман.

– Всё нормально, – крикнул Саша, но почему-то сделал три выстрела из моего ружья. После чего спокойно направился к нам. Флюр в это время занимался раненым полицейским.

– Что там такое у Саши? Какого хрена палит? – спросил я его.

– На всякий случай, контрольный выстрел, теперь гарантированно все – двухсотые, в спину никто не выстрелит, – с каменным лицом проговорил Флюр.

Я себя чувствовал ужасно – всё думал, что ребята меня сильно осуждают. Ведь, можно сказать, безо всякой причины и, в принципе, без проявления агрессии с противоположной стороны, только потому, что мне ситуация показалась опасной, взяли и убили кучу народа. Поэтому я чувствовал какое-то тяжёлое к себе отношение.

Саша и Флюр, не обращая внимания на меня, занимались единственным раненым. У второго копа, в которого я стрелял, голова была наполовину снесена, наверное, он умер уже после первого моего выстрела, а я методично стрелял уже в труп.

Так я накручивал себя и, когда подошёл к убитому мной человеку и посмотрел на разбросанные куски мозгов, меня затошнило. Я зашёл за «Уазик» облегчиться, и мне открылась не менее страшная картина – там, буквально расчлененные близкими пулёмётными очередями, лежали два трупа. Меня затошнило ещё больше, и я побежал к ближайшему оврагу, у самого его края затормозил, резко отшатнувшись от увиденного.

– О, Господи! – только и смог прошептать я. Там вповалку лежало больше тридцати трупов.

Одним из верхних был труп женщины, которую милиционер утром вытаскивал силком из микроавтобуса. Тут мне совсем стало плохо – может, я схожу с ума и мне уже везде мерещатся убитые люди. Я повалился в снег и крикнул:

– Ребята!

Первым подбежал Флюр, глянув в овраг, он остолбенел. Вторым подошел Саша, он успел вытащить из автомобильной аптечки нашатырный спирт и упаковку нитроглицерина, но было не до реанимации, он тоже молча уставился на страшное зрелище в овраге, которое вдруг открылось его взгляду. Так, безмолвно, суровые мои парни стояли перед этой незримой чертой, за которой простиралась смерть, несколько минут. Я уже немного оклемался и понял, что вовсе не сошёл с ума, и мне всё это не кажется.

В душе разрасталось ощущение жуткой неправильности всего происходящего, не может такое происходить с людьми в XXI веке, но факт, как говорится, был налицо. Тогда же я почувствовал, и по их уважительным взглядам, и по поведению, как изменилось отношение ко мне ребят; они полностью, без разговора признали во мне командира, который был вправе принимать любые решения, потому что оказался мудрее и предусмотрительнее их в данной ситуации.

Они, видимо, представили в этот момент, что и все мы могли бы лежать за той самой чертой, если бы я так безапелляционно, ничего не обсуждая, не приказал стрелять на поражение, поступая, на тогдашний их взгляд, неожиданно подло. Даже их военная подготовка, по-видимому, этого не предусматривала – для проведения любой силовой операции нужно было какое-то серьёзное обоснование, и иногда они сами его придумывали, чтобы не превратиться в хладнокровных, профессиональных убийц.

Я же сейчас был благодарен профессиональной подготовке Саши и Флюра – они, не пререкаясь, точно выполнили полученные указания. Я хоть и не военный человек, но в тот момент

сработала или память предков (всё-таки, я казацкого рода), или, может быть, биржевая привычка к необходимости решительных действий – умению за ничтожно малое время принять единственно верное решение. А скорее всего опыт, полученный в Ясногорске – тогда среди банды отморозков тоже были два человека одетые в полицейскую форму.

Итак, осмотрев ещё раз гору трупов в овраге и сопоставив с количеством стоящих рядом автомобилей, мы сделали вывод, что здесь нагло грабили проезжающие с грузом автомобили, а водителей и пассажиров просто безжалостно расстреливали, сталкивая их трупы в овраг и, судя по количеству тел, этим страшным делом занимались не один день.

Отношение к раненому в полицейской форме у ребят, после увиденного в овраге, изменилось на все сто. Ещё несколькими минутами ранее Флор бережно перевязывал раненого и вкалывал ему обезболивающее из аптечки, а теперь, схватив этого урода в погонах за воротник куртки, он тащил его к оврагу, где лежала гора трупов. Раненый громко кричал, но подошедший сзади Саша грубо пнул его в бок, чтобы тот заткнулся, и коп сразу затих, только всхлипывал, тихонько подвывая. Я стрелял ему по ногам, и было видно, что на одной, на бедре, был вырван картечью целый кусок мяса, правда, Флор перебинтовал ногу, но я ещё до этого успел увидеть результаты своей стрельбы.

Подтащив раненого к оврагу и посадив его лицом к горе трупов, чтобы он мог видеть весь, в том числе и им, содеянный кошмар, ребята начали производить дознание. Перед этим Саша посоветовал:

– Ты, Батя, лучше пойди, посмотри, что там творится в других машинах. С непривычки лучше не присутствовать здесь. Мы же обучены проводить допрос в боевой обстановке, так что, по-любому, выжмем из него всю информацию.

Мне, действительно, после этих событий было, мягко говоря, не по себе. Я подошёл к нашей машине, достал неполную бутылку водки и прямо из горлышка, не закусывая, выпил половину. Другую половину я оставил Саше – Флору не полагалось, он за рулём. Перекурив и немного отойдя от пережитого, я действительно отправился осмотреть стоявшие неподалёку машины. Своё ружьё взял наизготовку, менять его на автомат я не стал, «Сайга» была всё же привычнее и роднее. Ребята же вооружились трофейными автоматами, оставшиеся три, а также всю амуницию и боезапас, найденный на трупах и в простреленной машине, собрали и уложили в наш фургон.

Осматривая брошенные автомобили, я был готов к тому, что они окажутся пустыми – так оно и оказалось, в них оставались только разбросанные личные вещи водителей и пассажиров, никакого следа перевозимых грузов не было. Когда я осматривал грузовую «Газель», раздался одиночный выстрел, и я даже слегка присел от неожиданности. Потом осторожно выглянул из-за борта «Газели», ничего опасного на горизонте вроде бы не наблюдалось. Ребята спокойно возвращались от оврага к нашей машине. Флор призывно махнул мне рукой. Я бросил осматривать «Газель», быстро подошёл к ребятам и спросил:

– Что там случилось с раненым?

Флор с каменным выражением лица ответил:

– Догоняет приятелей по дороге в ад. После этих скупых слов причина одиночного выстрела стала мне ясна.

Глава 12

Мы сели в машину, включили печку (на улице немного подмораживало), и я вопросительно взглянул на Сашу, тогда он начал рассказывать, что удалось узнать у раненого полицейского.

– Эти нелюди занимались грабежом проезжающих машин уже три дня. Выбирали, как правило, автомобили с номерами других регионов и по степени загруженности машин. Если в машине не было ничего ценного, особенно продуктов, её отпускали, конечно, для конспирации проверив документы. Останавливали только одиночные автомобили. Людей, из машин которых груз конфисковывался, они просто убивали, сталкивая тела в овраг. Раненый, правда, божился, что никого не убивал – просто стоял на дороге, останавливая автомобили, а убивали те, в гражданском – они вообще были как зверьё, конченные уголовники. Один из них, который постарше, являлся вдохновителем и организатором всей банды, а их, простых полицейских, эти бандиты просто использовали. У подельников одного из бандитов сейчас находится его семья – жена с маленьким ребёнком. Вообще, он всячески пытался нас разжалобить.

Его перебил Флор:

– Врал, гад! Я понюхал ствол его автомата, из него точно сегодня стреляли и, вообще, все они – настоящие оборотни в погонах, таких надо уничтожать, – с ненавистью закончил он.

Саша, между тем, продолжил:

– Всего их в банде одиннадцать человек. Шестеро сейчас на базе, которая находится не遠далеке, на территории местного ДРСУ. Там есть небольшая угольная котельная, поэтому в помещении конторы тепло, и вся банда перебралась жить туда. Всех работников предприятия, не перешедших к ним в услужение, они перебили. База видна даже отсюда, – и он показал рукой в сторону виднеющихся строений.

Несмотря на то, что уже начинало темнеть, вполне можно было разглядеть километрах в трёх от нас огороженную территорию и несколько больших боксов, расположенных на ней. Я взял из машины бинокль и уже внимательно рассмотрел два бокса, каждый из которых имел по пять ворот для грузовых машин. Рядом стояло двухэтажное, скорее всего, административное здание. Была видна и дымящая высокая труба котельной. По шкале бинокля выходило, что до бандитского логова три километра семьсот метров. Пока разглядывал базу, Саша продолжил:

– Вооружена банда хорошо, у каждого есть автомат и по несколько гранат, а также имеется крупнокалиберный пулемёт и пять гранатомётов. – Потом он немного замаялся и продолжил: – Они убивали не всех. Симпатичных молодых женщин увозили к себе на базу. Ну, там... сами понимаете, что с ними делали. Сейчас у них находится пять женщин.

Он замолчал, я тоже прекратил рассматривать бандитское гнездо и посмотрел на Сашу с Флюром. Оба они имели мрачный вид, на меня старались не смотреть, отводя взгляды.

А в меня, наоборот, после выпитой недавно водки вселилась какая-то даже лихость и вера в своё всемогущество. В груди бурно клокотала ненависть к этим уродам, исчадиям ада в человеческом облике, сменяясь жалостью к погибшим людям, нежданно-негаданно попавшим под руку этим мразям. Саша взглянул на меня и спросил:

– Ну что, командир, будем делать? Уже поздно, пора ехать домой, – и опять увёл взгляд в сторону.

– Нет, ребята! Этих животных надо уничтожить. Они сейчас там над захваченными женщинами издеваются и нас совсем не ждут, а ждут этих вот гадов с добычей, – и я кивнул на расстрелянный нами «Уазик».

После таких слов ребята сразу как-то расслабились, на лицах даже появились улыбки. Саша весело хлопнул Флюра по плечу и воскликнул:

– Ну, что я тебе говорил, Татарин!

Флюр, видимо, предполагал, что я, верный своему принципу «не влезать ни в какие разборки, и не становиться ни на чью сторону, если это не касается непосредственно нас», сейчас скомантую о возвращении домой. Тем более что мы, в принципе, удачно съездили, набрали целую машину ценных вещей. Нас никто не заставлял устанавливать мировую справедливость, тем более что я им, наверное, уже плешь проел рассказами о самом неблагоприятном сценарии развития данной катастрофы: «Что наступит «вулканическая зима» и большинство народа погибнет, особенно в городах; что не в наших силах этому помешать или оказать какую-нибудь существенную помощь людям и тем более власти. Поэтому сейчас надо думать только о нашей группе и пытаться по максимуму набирать любые продуктовые или топливные припасы, потом это будет сделать невозможно».

Поэтому, после моего заявления, ребята, надо сказать, слегка обалдели, услышав от апологета принципа невмешательства предложение спасти совершенно не знакомых женщин. Но они были страшно рады этому решению и сразу же приступили к обсуждению плана операции. Я в этом деле не стал принимать участия, рассудив, что профессионалы гораздо лучше меня всё просчитают и распланируют.

В это время я в бинокль пытался изучить бандитское логово, хотя уже значительно стемнело. Вдруг увидел, что от базы отделились огни, по-видимому, выехала машина. Начав за ней наблюдать, понял – она движется в нашу сторону. Я прокричал:

– Мужики! К нам едут гости с бандитской базы. Нужно подготовиться и хорошо их встретить.

Как-то незаметно команду на себя взял Саша. Отобрав у меня бинокль, он проследил за движением приближающейся машины и сказал:

– Едет такой же Уазик, как тот, который мы раздолбили.

Потом он поручил мне развернуть наш фургон фарами к приближающемуся автомобилю и включить дальний свет, чтобы попытаться ослепить гостей. А потом, заметно повысив голос, приказал:

– Батя, встань под защиту машины и приготовь своё ружьё, но сам ни в коем случае, первым не открывай огонь. Стреляй только если кто-то из гостей сам выбежит прямо на тебя.

Сами Саша с Флюром отбежали метров на тридцать от машины и залегли по разные стороны дороги в кювет – прямо на грязный снег.

Машина с бандитами приблизилась где-то минут через пять после того, как я переставил фургон и включил дальний свет. Я стал махать им подобранным жезлом. Они моргнули мне фарами и остановились метрах в двадцати от нашего автомобиля. Из «Уазика» вышел один человек, он что-то крикнул, но тут прозвучало четыре одиночных выстрела, и всё смолкло. Потом с правой стороны дороги к Уазу метнулся силуэт Флюра, и раздалось ещё два выстрела, после чего на дорогу вышел Саша. Он уже не прятался, а, стоя перед горящими фарами «Уазика», отряхивал с одежды налипший снег. Флюр в это время вытаскивал с водительского места труп бандита в полицейской форме, второй убитый был в гражданском.

– Ну что, транспорт подан! – слегка ёрничая, произнёс Флюр. На что Саша заметил:

– Нас можно поздравить, уже минус два бойца. Мы оттащили мёртвых бандитов в овраг, где лежали остальные трупы, и встали перекурить. У меня от волнения дрожали руки – это стало особенно видно, когда я попытался чиркнуть зажигалкой, получилось только с третьего раза, но никто этого как бы не замечал. Поняв, что я нахожусь не в лучшей форме, Саша окончательно взял бразды правления в свои руки, всё-таки он был более подготовлен к тому, как вести себя в критической ситуации, мог холодно и рационально оценивать окружающую обстановку и адекватно действовать в этой ситуации. Он опять начал командовать:

– Во-первых, в связи с привалившей удачей в виде уменьшения живой силы противника и возможностью легально подъехать к базе на этом, – он пнул «Уазик» по колесу, – автомобилю, мы план нашей операции меняем. Теперь не будем подбираться огородами к бандитскому

гнезду. Выстрелов они, наверное, не слышали, а если и слышали, то вряд ли предполагают, что стреляли так близко.

Действительно, иногда вдалеке раздавались звуки выстрелов. Видно, в городе шла напряжённая борьба за место под солнцем, ночные волки вышли на охоту. Между тем Саша продолжал:

– Сейчас убираем наш фургон куда-нибудь вглубь, между этих машин, – он кивнул на пустые грузовики.

– Немного разворачиваем Уазик, который разбили, так, чтобы издали не было видно всех пробоин. А на этом, – он опять пнул по колесу, только что приехавший Уазик, – едем прямо к воротам базы, ликвидируем охрану, если она у них, конечно, есть, и по обстановке – мочим всех бандюг на базе.

Потом он обратился непосредственно ко мне:

– Ты, Батя, сядешь за руль. Когда подъедем к воротам, если их не откроют, вылезаете из машины, прячетесь за неё и оттуда страхуете нас. Только сильно не пали, а то своей дробью и нас можете зацепить. Если же ворота откроют или они будут распахнуты, а от этих дилетантов можно ожидать чего угодно, ты заезжаешь на территорию базы и выпускаешь нас. Потом прижимаешься к боксу, прямо напротив светящихся окон двухэтажного здания, и оттуда так же страхуете нас, чтобы в тыл никто не сунулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.